

Виктория Булдашова

ОСЕНЬ ДАВНЕГО ГОДА

книга первая

Виктория Булдашова

Осень давнего года. Книга первая

«Издательские решения»

Булдашова В.

Осень давнего года. Книга первая / В. Булдашова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502544-9

Приключения Иры, Светы и Саши — теперь уже семиклассников —
продолжаются! Они прямо из школы попадают в чудесную страну Нелживию,
где сражаются с монстрами и учатся ещё крепче дружить. Но оказывается, что
путь ребят лежит ещё дальше — в Москву 17 века.

ISBN 978-5-00-502544-9

© Булдашова В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1. В путь так в путь!	7
2. «Итог полета был хороший»...	15
3. Какие странные места!	18
4. Чудеса продолжают	24
5. Дар Нелживии	34
6. В чем же правда?	46
7. Новое знакомство	55
8. История каменной пушечки	62
9. Куда мы попали?	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Осень давнего года

Книга первая

Виктория Булдашова

© Виктория Булдашова, 2021

ISBN 978-5-0050-2544-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-2545-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Урок приближался к концу. Оставалось, по моим расчетам, около десяти минут до долгожданного звонка. В тот день предпоследним – пятым – уроком у нас была алгебра. А предмет этот, как известно, очень сухой и тоскливый (во всяком случае, для меня). Да еще и оказалось: сидеть нам придется вместе с 7-м «Г», потому что заболел учитель физкультуры и «гэшек» отправили к нам, чтобы им не пришлось болтаться без дела целый час (у них алгебра должна была быть шестым уроком). Все это не прибавило мне хорошего настроения – чего уж приятного тесниться вместе с другим классом на таком трудном предмете! Я его не люблю – скучища, по-моему, страшная... Но самое противное заключалось в том, что именно в 7-м «Г» учится Ленька Щукин – давнишний мой и Светкин враг. Светка Ковалева – это моя подруга. Мы с ней знакомы давным-давно, живем в одном подъезде и учимся в одном классе. Светлана, в отличие от меня, не считает точные науки нудными. Она, наоборот, любит их и просто обожает решать всякие задачки и примеры. Вот и тогда Ковалева сосредоточенно строчила в своей тетрадке, накрутив на палец светлый локон (это ей помогает думать). А мне заниматься математикой было уже совсем нелегко. Хотелось другого, более приятного. Например, вспомнить наши потрясающие приключения.

Признаюсь, вам, очень увлекательно было в тот серенький октябрьский день, еле доживая последние минуты до звонка, прокручивать в памяти июньскую историю. Глядя в окно на голые деревья под дождем, я с восторгом представляла себе то, что было летом: залитый горячим солнцем двор, голубей в синем небе, нашу со Светкой тайну, поиски разгадки странных событий, Сашку Иноземцева, убегающего от Севы, противного Щуку, извивающегося в лапах гигантской мыши и еще многое, многое другое. Эту историю я уже рассказала в повести «Не входи в стеклянный дом или Удивительный июнь». Надеюсь, вы ее прочитали, а потому уже хорошо знакомы со мной – Ирой Костиной, моими друзьями – Светкой и Сашкой, а также с нашим общим недоброжелателем – Ленькой по прозвищу Щука. Как нарочно, все мы четверо на том памятном уроке собрались в одном душном полутемном классе. Я развлекалась воспоминаниями, Светка и Сашка упорно решали в своих тетрадках трудные примеры, а Щукин – будь он не ладен! – с убитым видом стоял у доски. Он вертел в пальцах мел и с надеждой смотрел на ребят из своего класса, расположившихся в ряду у двери, – вдруг кто-нибудь подскажет? Но нет – никто из них не хотел подавать Леньке ни единого знака, не говоря уже о моих одноклассниках. Щуку, ясное дело, ребята терпеть не могли за его подлость и злобу. Он переминался с ноги на ногу, крутил рыжей патлатой головой, пытаясь уловить хоть слово, хоть намек, которые спасли бы его от неминуемой «двойки». Тщетно! Пример на доске так и оставался нерешенным, а Щука все больше бледнел, предчувствуя близкий крах. А этого ему очень не хотелось!

1. В путь так в путь!

После тех недавних летних событий, когда Ленька в компании жуликов чуть не обворовал чужую квартиру (и только наше тайное вмешательство – вместе с Марьей Степановной – помогло предотвратить преступление!), Щука несколько притих. Его с Севой не осудили как малолетних, а Старого, главаря шайки, посадили в тюрьму. Анатолий Иванович долго болел после «подвигов» своего сыночка. Щукина-старшего нам было очень жаль: он хороший, справедливый человек – не то, что Ленька. Когда Анатолий Иванович вышел из больницы, он за своего ребенка «взялся». Так, во всяком случае, уверяла соседок Ленькина мать, Зоя Егоровна, – толстая жеманная тетка. Уж не знаю, в чем конкретно заключалось «взятие» Щуки, но противный мальчишка (о, счастье!) оставил нашу троицу в покое. Меня и Светку он перестал звать «ботаничками», не лез больше в драку. Забавно, что Ленькины прихвостни – Мухин и Акимов – тоже обходили нас стороной. Впрочем, и от самого Щуки они держались теперь подальше – наверное, родители запретили им водиться с несостоявшимся вором. Таким образом, незадачливый Щука остался один: никто во дворе не захотел общаться с подлецом (все слишком хорошо знали, что он за птица). Малыши при его приближении дружно разбежались, а ребята постарше просто игнорировали Ленькино присутствие. Поэтому Щука, как пай-мальчик, кругами ходил по двору или чинно восседал на лавочке у подъезда. Смотреть на это было очень смешно и непривычно. Надо сказать, что именно эту потешную картину – «примерный Ленечка» – давясь от смеха, показала мне с балкона Светка, когда я, вернувшись вместе с родными из поездки в Геленджик, первым делом примчалась на пятый этаж к подружке. Мы не виделись целый месяц и на радостях обнялись. Ковалева вернулась домой тремя днями раньше меня (она побывала с родителями на Алтае, а потом еще гостила в деревне у своей бабушки Лизы).

– Ну, что? – спросила я у подружки после первых веселых восклицаний. – Какие тут у вас новости?

Светка хихикнула и посмотрела на часы. Потом сказала:

– Пора! Наступил час икс, – и, схватив меня за руку, потащила на балкон.

Я увидела, как из своего подъезда солидно вышел Щука и, шествуя мимо старушек на скамейке, кивнул им, здороваясь. Те сначала замерли при его появлении, но на приветствие ответили (видно было, как они одновременно открыли рты). Проводив Леньку глазами, бабульки опять оживленно заболтали, сблизив головы.

– О! – удивилась я. – Щука исправился? Это и есть главная новость?

Подружка захохотала и кивнула, показывая рукой вниз. Это означало, конечно, что я еще не все видела, а потому не стоит отвлекаться от интересного зрелища. Я снова стала наблюдать за Ленькой и – не пожалела потраченного времени! Неторопливо пройдя мимо гревшейся на солнышке собаки (при этом, представьте, не пнув ее, как обычно!), Щука уселся на нашу любимую лавочку под тополями и достал из кармана... книжечку. Потом раскрыл ее и углубился в чтение.

Поверьте, я чуть не выпала с балкона. Подружка даже присела от смеха при виде моих выпученных глаз. Потом сказала:

– Да ты, Ир, особо-то не удивляйся. Это, как говорит Санек, один гон. Я Щукины выходы уже четвертый день наблюдаю. Ленечка каждый раз появляется на скамейке ровно в три часа и делает вид, что читает.

– Делает вид? – удивилась я. – Ты уверена?

Светка презрительно сощурилась и указала пальцем вниз:

– Да ты посмотри внимательно. У него книжка – такая маленькая! – на самом начале открыта. А чего там читать-то несколько дней? Ее всю можно за два-три часа глазами пробе-

жать, а он, смотри, перелистнул от силы три страницы. Картину он гонит, я же говорю. Надо ему соседям показать, какой он теперь стал хороший мальчик. А то родители, наверное, пилят его, чтобы он исправлялся – ну, после известных июньских событий.

Я взгляделась. Да, все верно: Щукина книжка была открыта на первых страницах, и он просто держал ее перед глазами. У него даже не хватило ума хотя бы для вида переворачивать листы. Зато Ленька постоянно оглядывался по сторонам. Наверное, проверял, видит ли его кто-нибудь за этим благопристойным занятием – чтением.

– Вот дурак! – с досадой сказала я. – Неужели ему не скучно сидеть с раскрытой книгой и даже не узнать, что в ней написано?

– Ха, – тряхнула головой Светка. – Таким, как он, главная скука – это именно читать. Ты подумай, сколько усилий: буквы разбирай, слова складывай, да еще сообразить надо, что они означают. Тоска!

Мы еще посмеялись немного над глупым Ленькой и ушли с балкона. Светка сварила кофе и рассказала мне, что решила за прошедший месяц девятнадцать шахматных задач («А двадцатую добыю сегодня», – небрежно прибавила она). Она прекрасно провела время на Алтае: скакала на лошадях, лазала по горам, даже по реке на байдарке сплавлялась – вместе с родителями. В деревне у бабушки она провела всего неделю – но и там было неплохо. «Баба Лиза каждый день что-нибудь вкусенькое стряпала, – с довольным видом пояснила подружка. – А рядом – озеро, а в деревенской библиотеке книг просто навалом, и все – приключения. Читала сколько хотела. А еще я... на танцы ходила». Последнее сообщение показалось мне интересным, и я заставила смущенную Светку поподробнее рассказать мне об этом новом виде летнего отдыха. Мы не заметили, как проболтали целый час. Тут я спохватилась, что уже пора домой, а мне еще ничего не известно, например, о Сашке Иноземцеве. «Отец с ним занимается по разным предметам, Санек даже почти не гуляет, – скороговоркой сообщила Светка. – Сама знаешь, как он учился: ему надо догонять и догонять. Но смотрится вроде ничего, не стонет, даже доволен. Вчера заходил, я ему дала почитать Буссенара. Ну, знаешь, „Капитан Сорвиголова“? Сашка-то уж не будет, как Щука, зря книжку в руках мусолить».

Оставшийся от каникул август пролетел для меня, Ковалевой и Иноземцева стремительно. Конец его ознаменовался двумя заметными событиями. Во-первых, Леньку Щукина приняли-таки в музыкальную школу: об этом два дня звонила по двору его счастливая мамочка. Если вы помните, в прошедшем июне почти совпали во времени два факта: неожиданное обнаружение у Щуки музыкальных способностей и его участие в ограблении. Теперь родители решили непременно сделать из Леньки скрипача-виртуоза. Правда, мы со Светкой нашли, что вроде поздновато в седьмом классе обычной школы поступать в первый класс музыкальной. «А вы вообще представляете Щуку со скрипочкой? – скептически заметил Сашка. – Что он с ней делать будет? За кошками во дворе гоняться? Это же полный бред под названием «террорист-музыкант». Но как бы то ни было, а Ленька теперь чуть не каждый день со скрипкой в футляре в одной руке и папкой в другой ходит в музыкальную школу. Вид у него при этом самый дурацкий – будто бы он абсолютно не понимает, как подобное дело могло с ним приключиться. Родители купили сыночку еще и пианино. Теперь из окон их квартиры постоянно несутся визги терзаемой Ленькой скрипки и неуверенные переборы клавиш. А если учесть, что Щукин-старший «взялся» за своего ребенка еще и в отношении учебы в обычной школе, то... «Неужто мы, – верещала у подъезда Зоя Егоровна, – одного-единственного сына не выучим? Будьте спокойны! Еще и получше других успевать будет».

Под «другими», видимо, подразумевались мы со Светкой, потому что как раз проходили мимо. Ленькина мать бросила на нас ехидный взгляд и подбоченилась. Мы не выдержали и хихикнули. Надо же, Щука метит в отличники! Посмотрим-посмотрим...

Второй новостью явилось поступление в колледж Сашкиной матери, «Лорочки». Правда, мы с подружкой больше не зовем ее этим именем. Все-таки мы дружим с сыном Ларисы,

а Сашка, вы же знаете, парень что надо! Сморщенная Аделаида Казимировна больше к ней не ходит – а ведь именно она так величала свою молодую подругу. «Теперь у нас в семье обстановка деловая, – радостно делился с нами Иноземцев. – Отец не только меня по учебе гоняет, но и мать. Экзамены в колледж она нормально сдала. А училась-то уже сто лет назад!»

И вот наступило 1 сентября. Мы стояли у подъезда, поджидая Сашку, чтобы вместе бежать в школу. А он выскочил... вместе с отцом и матерью. Мы уж решили, что родители идут с мальчишкой на торжественную линейку. Но нет! Ответив на наше: «Здравствуйте!», старшие Иноземцевы отправились в противоположную сторону. «А ведь это Сашкин отец тетю Ларису в колледж провожает!» – успела шепнуть мне Светка, прежде чем сияющий Санек подрулил к подъезду. Мы отправились в школу втроем.

Начался учебный год. Надо отдать должное Иноземцеву, он старался как мог. Уроки мы часто делали вместе, потому что отставание по многим предметам у Сашки было действительно большое. Светка помогала ему по математике, а я – по русскому и английскому. А вот Шука, по нашим данным, рвения к учебе совершенно не проявлял: лентяйничал в школе по-прежнему. Правда, как я уже упоминала, Ленька усердно занимался музыкой. И все катилось потихоньку почти два месяца до того самого дня...

Я с трудом оторвалась от воспоминаний из-за замечания нашей математички Галины Анатольевны:

– О чем ты там, Ира, мечтаешь? Может, хочешь помочь товарищу?

– Нет, не хочу, – поспешно отказалась я. – Я сейчас дорешаю, – и склонилась над тетрадкой.

Учительница кивнула и отошла к окну. Взглянув на дождь, струящийся по стеклу, Галина Анатольевна сердито сказала Леньке:

– Отвечай, Шукин, будешь ты сегодня думать?

Тот испуганно моргнул и снова заозирался по сторонам. Думать ему было решительно незачем – он все равно не понимал ни единого алгебраического знака из написанного на доске примера. И помогать-то ему никто не собирался! Мало того, многие «гэшки» злорадно улыбались, глядя на бледного одуревшего Шуку. «Наверное, – подумала я, – они еще больше нас этого тупицу терпеть не могут. Во дворе-то от него хоть смыться можно. А попробуй с ним постоянно в одном классе поучись! Да за одной партой посиди... Это же вообще мрак! Особенно, конечно, от него девочкам достается – как пить дать, при его-то подлости...» Галина Сергеевна, вздохнув, подошла к учительскому столу, села и начала искать Шукину фамилию в журнале. Сразу же воспользовавшись этим обстоятельством, Таня и Маринка из 7«Г» стали, как по команде, крутить пальцем у виска, весело посматривая на Леньку. Н-да, я оказалась права насчет его отношений с девочками.

– «Двойка» тебе, Леонид, – сказала математичка. – Садись.

Шука поплелся по проходу между партами. Даже не повернув голов друг к другу, Кешка и Роберт из его класса одновременно выставили ноги справа и слева. Ленька, запнувшись, пролетел три шага и с грохотом свалился. Встал, красный как рак, и со злостью пнул Светкин портфель, оказавшийся рядом. Ковалева удивленно подняла голову от тетрадки. Ничего не поняв, возмутилась:

– Ты чего, Шукин, мыла наелся?

Тот победоносно покосился в подружку сторону и плюхнулся на свое место. Отомстил, называется! Иноземцев мрачно бухнул с задней парты:

– С огнем играешь, килька!

Математичка, наконец опомнившись (все произошло очень быстро), подошла к сидящему Леньке. Строго спросила:

– В чем дело, Шукин?

Тот надулся и промолчал. Зато оба класса – и наш, и «Г» – захихикали. Ну надо же, как успел Ленечка всем насолить! Просто дико даже...

– Ни в чем, Галина Анатольевна, – солидно ответил Кеша Бойко. – Это рыба в «морду» заплыла.

– В какую морду? – нахмурилась математичка. – Почему ты грубишь?

– Я не грублю. А «морда» – это ловушка для рыбы. Их мой дедушка в деревне плетет, а потом на реке ставит. Они похожи на такие узкие корзинки... Нет, даже на воронки. Внутри рыба заплывать может, а уж выбраться – никогда.

– Что за чепуха? При чем тут какая-то ловушка? – удивилась учительница.

Робик Гаспарян, переглянувшись со своим другом Иннокентием, воскликнул:

– Еще как при чем! Представляете, плывет себе хм-м... рыбина. Наглая такая, здоровущая. Всех по дороге зубами рвет: карасиков, плотичек, мальков. Ну, мелочь, понятно, в разные стороны удирает – кому охота на обед попасть к этой...

– Щуке, – задумчиво подсказала Маринка.

– Да, – согласился Робик, – именно к ней. А хищница уже проголодалась и прет напролом. Ей, тупице, непонятно, что и на щук управа есть. Рыбина летит, как торпеда, зубами вперед на приманку – прямо в «морду». Влезла, и конец ей.

– Почему, Робик? – вкрадчиво спросила Светка. – Щука же в воде осталась, никто ее не выловил.

Ленька при этих словах сжал кулаки и стал приподниматься над партой. Все затаили дыхание. Роберт улыбнулся.

– А потому, Ковалева, – протянул Кеша и притворно безнадежно развел руками, – что вперед она плыть не может: прутья мешают, а назад двигаться – ума не хватает. Так и торчит в «морде», пока за ней рыбак не придет...

– Это ты, что ли, рыбак? – ощерился вскочивший Щука и хотел кинуться на Бойко.

Но Галина Анатольевна уже стояла перед Ленечкой. Опустив руку ему на плечо, учительница заставила хулигана сесть на место. Многие засмеялись, а Гаспарян залихватски подмигнул Щуке и подтвердил:

– Да, это он – вместе со мной. Понравилась тебе наша «морда»?

– Ну, вот что, – решительно сказала математичка, – заканчивайте болтать. Я вас не перебивала, надеясь добиться толку. Лекция о рыбалке была, конечно, интересной. Но мне кажется, Бойко и Гаспарян, что не существует все же такой ловушки (или «морды» – это уж как вам больше нравится), из которой нельзя было бы выбраться.

– Можно, Галина Анатольевна, – но при о-очень сильном желании, – заметил Роберт.

– И еще имея хоть какие-то мозги, – прибавил Кеша.

На Щукина жалко было смотреть. На его побелевшем искаженном лице были видны сейчас одни глаза – такой они горели ненавистью. Да, попал Ленечка в неожиданный переплет – и ведь ни вскочить нельзя, ни обозвать, ни ударить, как он привык. Кругом – одни враждебные ухмылки.

Мне показалось, что в следующую секунду наш переполненный класс вспыхнет огнем – так раскалился в нем воздух от... От чего? От всеобщей неприязни к Щуке? От его затаенной жгучей злобы? Галина Анатольевна нервно поправила прическу и сказала:

– Внимание, седьмые классы! Домашнее задание на доске. Уже конец урока, так что открывайте дневники и записывайте.

Народ сразу как-то облегченно вздохнул и зашевелился. Зашуршали открываемые дневники, послышался шепот. Только Щука не шелохнулся, так и сидел будто истукан. Роберт озорно посмотрел на математичку, писавшую что-то в журнале, скатал бумажку и запустил шарик в Ленечку. Когда тот, вздрогнув, перевел на него взгляд, тихо пообещал:

– Не бойсь, акула, мы тебя не забудем. Это только первая «морда» была.

Тут мощно, как колокол, грянул звонок. Все, похватав портфели, устремились прочь из кабинета. Я задержалась у дверей, поджидая Светку, которая нехотя засовывала учебник в сумку. Иноземцев тоже сложил свое имущество и, проходя между партами, крепко щелкнул по затылку поникшего Щуку. Ленька поднял на него глаза и... опустил. Мы изумленно переглянулись. Щука снес затрещину и не ринулся в драку?! Когда рядом нет взрослых и, значит, можно безнаказанно творить что угодно – а именно так всегда и действует этот тип?! Эт-то, знаете ли, сон какой-то. В летнюю ночь. Есть такая комедия у Шекспира, мы с мамой читали. Там происходят разные чудеса... Прямо как здесь, в кабинете математики, в котором нас осталось четверо. Сашка подошел к нам со Светкой, уже ждавшим его у двери, и еще раз озадаченно оглянулся на Леньку. Щука, свесив голову, не обращал на нас ни малейшего внимания. Я пожалала плечами и выбежала в коридор – просто терпения уже почему-то не было оставаться в классе. За мной так же быстро выскочили друзья.

В рекреации было куда светлее и свежее, чем в кабинете. Может, где-нибудь открыли окно? Мимо с визгом проносились малыши. Мы быстро шли мимо бесчисленных дверей кабинетов к выходу на лестницу. Предстояло еще подняться с первого этажа на третий, чтобы попасть на урок географии, а перемена была короткая, только пять минут. На душе у меня, непонятно почему, что называется, кошки скребли. С чего бы? У Сашки и Светки, бредущих рядом, тоже настроение было не очень. Всю дорогу до кабинета географии мы уныло молчали. А ведь, казалось бы, события складывались хорошо: посрамленный Щука в одиночестве грыз себе локти от тоски. Так ему, гаду, и надо! Но вот... радости почему-то не было – ни у меня, ни у друзей. Когда мы, нахмуренные, сели на подоконник напротив входа в класс, угнездив тут же свои сумки, первой не выдержала Светка:

– Интересно, как это Робик с Кешей не побоялись к Щуке прицепиться, да еще и на уроке? Понятно, что при Галине он бы их не тронул. Ну, а потом? Они же оба маленькие, худые. Тот их по одному выловит у школы и избьет. Они Щуку перед двумя классами опозорили, такое Рыба не простит.

Сашка скептически покачал головой и сказал:

– А им уже бояться надоело и терять нечего. Вы знаете, что вчера было?

Мы отрицательно качнули головами.

– Так вот, – начал Иноземцев, – я вчера шел на английский мимо «гэшек». Они как раз из кабинета пения вывалились, веселые такие...

– Понятно, – вздохнула я, – пение – это вам не алгебра.

– Да погоди, – нетерпеливо отмахнулась от меня Светка. – И что ты видел?

– Кешка выполз какой-то пришибленный, сразу стал у себя по карманам шарить, как будто что-то потерял. Искал-искал, не нашел, открыл портфель, давай уже там рыться. Сидит он на корточках, тетрадки перетряхивает, а Щука, вижу, подошел к нему сзади, навис над головой и скрипит: «Ты, Бойко, не это ищешь?», а сам какую-то бумажку в руке держит. Кешка дернулся, хотел тот листок у него выхватить. Но Щука отскочил, поднял его вверх, а Бойко не выдержал, стал прыгать, чтобы достать. Хотя и понимал, конечно, – куда ему! Ленька рядом с ним – настоящая вышка. Тут Робик сбоку подскочил, Щуку пихнул, но тот его кулаком двинул. Гаспарян отлетел, об стенку стукнулся, а Рыба орет: «А хочешь, Бойко, я эту записочку зачитаю? Слушайте!», разворачивает бумажку и пищит, как девчонка: «Милый Кеша, ты мне очень нравишься...» Тут Бойко прямо обурел. Размахнулся со всей силы да как даст Щуке под дых! Тот загнулся, а Кешка вырвал записку и тут же на клочки разодрал. Боялся, наверное, что Щука сейчас отдышится, опять отнимет. И как раз мимо завуч идет, каблучками стучит. Щука сразу разогнулся, а Кеша кинулся свои кусочки подбирать. Ну, завуч остановилась, посмотрела, ничего не поняла и дальше пошла. Бойко мусор запихнул в карман и говорит Леньке: «Ну что, прочитал? Я тебя, Рыба, больше не боюсь. При всех сейчас заявляю, что это гадство тебе даром не пройдет, хоть ты и здоровый, как битка. Пощады теперь не жди. И за Робика

тоже ответишь: мы не забыли, что весной было. Знай!» Щука на это губы скривил, хотел что-то вякнуть, но Кешка застегнул портфель, на Рыбу даже не глянул и пошел себе, а за ним Гаспарян и остальные «гэшки». Вот так, девчонки. Тут все, по-моему, ясно.

– Да, – тряхнула кудрями Светка, – понятно, что кто-то Иннокентию любовную записку на пении прислал, а Щука углядел и сумел ее украсть, чтобы Бойко напакостить. Ленечка такого случая, конечно, не упустил. Мерзавец он редкий. Вы представьте, что бы было, если бы Рыба то послание до конца при всех прочитал!

– Слушайте, – сказала я – а какая история была весной с Гаспаряном? О чем Бойко Щуке напоминал?

Светка пожалала плечами. Иноземцев мрачно усмехнулся.

– Ты знаешь? – сразу подступила к нему подружка. – Говори!

– А чего тут рассказывать? Такую лабуду даже вспоминать неохота, – буркнул Сашка. – Мы в апреле с «гэшками» в футбол играли за школой. А у Робика – вы не смотрите, что он такой маленький – удар левой просто убойный. Он в футбольной секции занимается, имеет второй юношеский.

– Что юношеский? – поинтересовалась я.

– Разряд, Костина, разряд, – удивился Иноземцев моей тупости. – Еще эта... начитанная! А сама простых вещей не знаешь.

– Да ей и не надо знать, – вступилась за меня подружка. – Тоже радость большая – ваш футбол! Ты о деле давай.

Сашка вздохнул:

– Ну, вот. Робик у 7«Г» был форвардом, собирался пробить мяч в наши ворота. Подал такой мощный крученный, что точно был бы гол! Наш вратарь Димка этот мяч не взял бы стопудово. Но тут справа Щука вывернулся – и точно под удар, как нарочно... В общем, засветил ему Гаспарян своим крученым прямо в дыню, с ног сбил. Тот свалился и лежит. Робик расстроился и бегом к нему – мало ли что, вдруг Ленька сознание потерял и ему помочь надо. А Рыба поднялся, встал перед ним, ноги расставил и говорит: «Ты, ара, всегда такой косой или только сейчас специально обурел, чтобы меня, русского парня, завалить?» Робик растерялся...

– А почему он его так назвал? – встряла я. – Гаспарян вроде на попугая не похож.

– Какого попугая? – рассердился Сашка. – Я ничего такого не сказал!

– Ара – это вид попугаев. Они живут в Южной Америке, – сообщила я.

– Может быть, Костина, может быть. Ты у нас умная, – Сашкин голос звучал устало. – Но в России арами называют армян, когда... ну, сама понимаешь, хотят их оскорбить. Вот и Робик стоит, как пенек, перед подлой Рыбой, рубашку теревит и не знает, что сказать. А что возразишь? Гаспарян действительно армянин. Правда, их семья уже давно в Россию приехала, восемь лет назад. Но при чем тут это? И что, он специально хотел Щуку завалить? Чухня полная, тот сам под мяч вылез. Пацаны же вокруг были, видели.

– А это при том, что Акула все отлично понимал и знал, что Робика обвинить не в чем, – объяснила я, – но кусаться Рыбе хотелось ужасно! Вот он и...

– Ну да, – согласился Иноземцев. – Укусил-то аж до крови, у Робика губы задрожали. Тут Кешка – самый мелкий из пацанов – подходит к Щуке и говорит: «Быстро извинись перед моим другом!» Щука засмеялся – и кулаком его в грудь. Бойко так и покатился. «Гэшки» гурьбой к Рыбе подходят и бакланят: «А ну, пошел отсюда!» Тот струсил со всеми драться, отбежал по-быстрому с поля и Робика кричит: «Эй, Гаспарян, а сестру твою уже в дурдом сдали или еще нет?» А сам трясется и глаза закатывает, как припадочный...

– Что с сестрой Роберта? – тихо спросила Светка. – Я ее знаю, во 2«А» учится, красивая такая.

– У нее эпилепсия, – сообщил Сашка, – Однажды на уроке приступ случился. Робика к ней с физкультуры вызывали: не знали, что делать, перепугались. Пока «скорая» доехала,

он уже сестре помог, удерживал девчонку и что-то в зубы ей вставил. Это мне пацаны рассказали, когда Рыба убежал. «Гэшки» уже толпой на него двинулись – отметелить за то, что он Гаспаряну крикнул.

– Надо было раньше метелить, – насмешливо сказала я. – Просто бояться его, длинного, один на один бить. Вот и собираются с духом, когда Шуку уже не достать.

Сашка согласно кивнул:

– Да, его бояться. Рыба мало того, что самый сильный из седьмых классов, так еще и самый дурной. Да вы его и сами знаете. Он всех ненавидит, в любой момент готов хоть кому нагадить... Слушайте, девчонки, а почему так тихо?

И точно! Мы так увлеклись разговорами, что не заметили, как начался шестой урок и народ разошелся по кабинетам.

– Но где же наши? – спросила я. – И где географичка? Никто тут вообще не появился.

– Наверное, урок отменили, а мы прохлопали, – предположил Сашка.

Мы решили зайти в учительскую и узнать, в чем дело. Начали спускаться по лестнице на второй этаж, и тут Ковалева задумчиво протянула:

– Интересно, ну почему Ленька такой... ненормальный? Даже жалко его.

Я вздрогнула. Это Шуку-то Светка жалеет? Иноземцев внезапно остановился, повернулся назад, и мы налетели на него, чуть не скатившись со ступенек. Сашка, сверкая глазами, хотел уже ответить моей подруге что-то резкое... Но вдруг нахмурился и тяжело прислонился к стене. Тут я поняла, что меня мучило последние полчаса – да то же, что и Светку. И Санек, похоже, тоже изумлен – тем, что ему вовсе не хочется спорить с Ковалевой и доказывать ей, что нечего Леньку жалеть, он сам во всем виноват, и так далее... Да, виноват, но...

– Но если Шука умеет только злиться, – продолжила я вслух неожиданную мысль, – то ведь какой он несчастный, вы подумайте! И его никто терпеть не может, и он... Просто с ума сойти, до чего у Рыбы страшная жизнь.

Сашка медленно кивнул. Светка тряхнула головой. Мы с друзьями согласились в общей невозможной, казалось бы, мысли о сочувствии к дуралею Леньке. Внезапно опять откуда-то повеяло свежестью, и над нашими головами будто пронеслась небольшая птица: ясно был слышен шелест крыльев. Мы посмотрели вверх – и никого не увидели. Впрочем, откуда в школе взяться пернатым?

– Это, Ирка, твои попугаи прилетели. Из Южной Америки, – пошутил Иноземцев.

– Зачем? Шукина клевать, чтобы не обзывался? – подхватила Ковалева. – Ха, его тут и без птичек скоро затюкают. Хотя и за дело, конечно.

Да, за дело. Мы снова помрачнели и пошли вниз по лестнице. Надо же было выяснить насчет географии! Вдруг ее перенесли в другой кабинет, и мы одни ничего об этом не знаем? Скорее в учительскую, мы и так уже опоздали больше чем на половину урока! А наша географичка Вера Петровна очень строгая, пощады от нее не жди. На полных парах наша троица влетела на второй этаж и... увидела Веру Петровну, мирно беседующую у окна с Владиком (так учителя звали нового физкультурника за глаза из-за его молодости). Юный Владислав Павлович только полгода назад закончил институт, и в него были влюблены многие старшеклассницы. Сашка облегченно перевел дух. Кажется, пронесло!

– Ребята, идите домой, – сказала Вера Петровна в ответ на наше «здравствуйте». – Урока не будет.

Мы распрощались с учителями и двинулись в раздевалку. Она, к счастью, оказалась открыта. Поправляя берет перед зеркалом, Светка грустно сказала:

– А Шукин, наверное, все еще в кабинете сидит. Не знает, как быть после того, что случилось на алгебре. Вот балбес-то!

– Да, теперь Ленечке надо меняться. Как раньше больше не получится: его не будут молча обходить и бояться. Но что ему делать, он, конечно, не знает. Для этого думать нужно, а Щука не умеет. Не привык, – добавила я.

Мы взяли сумки и пошли по коридору к выходу из школы. Внезапно воздух вокруг нас помутнел и как-то странно завибрировал. Опять над головами пронеслась птица, мы даже услышали ее щебет – но не успели разглядеть певунью. Вслед пичуге дунул налетевший откуда-то вихрь, и в нем, как в задрожавшем зеркале воды, мы с изумлением увидели мчащихся мимо Щуку, Мухина и Акимова. Все трое, пытаясь сопротивляться смерчу, хватались руками за стену и друг за друга. Они что-то орал, выпучив глаза, но в свисте ветра ничего не было слышно. А сверху на них строго взирала птичья голова на длинной голой шее, и трепались в вихрегромадные черные и белые перья. Мы, совершенно онемев, провожали глазами исчезающую вдали троицу вместе с неизвестной птицей. И тут что-то мощно встряхнуло нас, приподняло над полом и понесло, как пушинки, вслед за Щукиной компанией. Поток воздуха вырвал из наших рук сумки и гулко шмякнул их о стены. Мы едва успели схватиться за руки и покрепче зажмуриться, как окружающее исчезло в гудящей, плотно свернувшейся кольцами тьме...

2. «Итог полета был хороший»...

Я очнулась, словно от толчка. В лицо светило солнце, слабо дул ветерок, и... В общем, не хочется признаваться, но я боялась открыть глаза. А вдруг я... не знаю где? Ведь куда-то мы неслись, и это был не сон! Меня замутило от подступившего вплотную леденящего страха. Сердце гулко и часто колотилось в груди, я задыхалась от предчувствия чего-то ужасного, что обязательно произойдет, если я перестану притворяться беспомощной.

– Ир, вставай, хватит валяться, – послышался рядом голос Светки. – Прилетели уже.

Прилетели... Так и есть! Я покрепче зажмурилась, будто бы оставаясь в обмороке, чтобы успеть обдумать случившееся. И тут какая-то игла больно вонзилась мне в палец. Я подскочила и завопила, трясая рукой. Сброшенная на траву оса расправила крылышки, поднялась и, жужжа, улетела. Я в изнеможении плюхнулась опять на землю, рядом со Светкой и Сашкой, сочувственно глядящими на меня. Они сидели, прислонившись спинами к большому голубоватому камню странной формы

– Больно, Ир? – ласково спросила подружка. – Я знаю, они сильно кусаются, но ты не обращай внимания! Тогда быстрее пройдет.

У нее на щеке расплывалась царапина, а волосы были страшно растрепаны и напоминали пушинки большого кудрявого одуванчика. М-да, я, конечно, и сама выгляжу не лучше. Я торопливо пригладила голову, вздрогнув от снова кольнувшей боли в укушенном пальце. О, а что это с Сашкой? Он сидел, как-то неестественно вывернув ногу, и лицо у него было белое.

– Да уж ладно, – неуверенно протянула я. – Вам тоже не лучше, по – моему.

– Ну, я еще ничего. А вот Саня, похоже, ногу повредил, – вздохнула подружка.

– Приземлился, что ли, неудачно?

– Если бы! – буркнул Иноземцев. – А то...

– Может, расскажете толком? Что с нами произошло?

– Ну-у, – бодро начала Светка, – долетели мы, в общем, нормально...

Сашка при этих словах фыркнул и дрыгнул ногами, но сразу скривился от боли.

– Да чего там! – засмеялся он сквозь стиснутые зубы. – Полет прошел в заданном режиме, экипаж справился с поставленной задачей!

Скрипучий голос громко произнес сверху:

– Итог полета был хорошим,

Посадку сделали в лесу,

Где на сосне растут калоши

И фиги с маком на носу!

Мы сразу вскинули головы и обомлели: сверху, трепеща крыльями, зависла в воздухе черная птица. Ее силуэт в синеве неба казался просто огромным, и мы невольно пригнулись. Птица, подняв ветерок, совершила над нами круг и уселась на макушку высокого камня рядом. Светка и Сашка сразу же отползли от него подальше. Мы, как по команде, впились глазами в необыкновенное пернатое существо, не решаясь спросить вслух: «А это точно было или послышалось?» Потом вздохнули облегченно: птица оказалась обычным скворцом – довольно крупным, но вовсе не гигантским. Озорник невозмутимо чистил перышки, поглядывая на нас блестящим глазом. Первой нарушила молчание Светка:

– Скажите, пожалуйста, это... м-м... действительно Вы стихи читали?

Скворец взъерошил перья и прокаркал:

– Р-разумеется, я! А вы сомневаетесь?

– Но ведь птицы не говорят, – упрямо продолжала Ковалева. – Попугаи не в счет, они просто повторяют за людьми, не понимая слов!

– Ну, на этот счет я бы с вами поспорил, – заявил скворец. – Жаль, сейчас на это вр-ремени нет. Скажите, дор-рогие дети, а часто ли вы летаете над землей, вот как недавно? Люди пока не научились перемещаться по воздуху без специальных аппаратов. Тем не менее вы здесь, а не в школьном кор-ридор-ре.

Светка не нашлась что ответить и пожала плечами. Иноземцев заморгал.

– Вы пр-росто пытаетесь понять, что пр-роизошло, но не можете. А спр-росить об этом у какого-то глупого сквор-рца не хотите из гор-рдости. Верно? – насмешливо поинтересовалась вредная птица.

– А если и верно, то что? – пробурчал Иноземцев. – Мы же все-таки люди, а тут...

– А тут дур-рак пер-рнатый вас, как тепер-рь говор-рят, лечит, – ехидно прокомментировал скворец.

Мы невольно рассмеялись. Надо же, как точно все просек носатый оратор! Я решила вступить в разговор:

– Так, может быть, мы познакомимся, и... Вы нам объясните, куда мы попали?

– Наконец-то! – радостно завопила птица. – Хоть одна здр-равая мысль за весь р-разговор! Со знакомства-то и следует начинать вежливым собеседникам. Р-разрешите представиться: Кир-рилл.

Я чуть не хихикнула. Подумать только, какое обычное человеческое имя у чудо-птицы! ... Внезапно мне ужасно захотелось схватиться за голову, зажмуриться и погромче закричать, чтобы стряхнуть наваждение. Мы, вполне нормальные люди, прилетели по воздуху неизвестно куда и, словно в сказке, беседуем с говорящим – да еще как говорящим! – скворцом, а он нас еще и манерам учит! Я с трудом взяла себя в руки и перевела дух. Встретившись глазами со Светкой, я успокоилась: у моей подружки вид был тоже неважный, а выражение лица кисло-вопросительное. Ну, понятно. Как можно было вытерпеть происходящее – с ее то чувством логики и умением все раскладывать по полочкам? Бедная Ковалева! Надо ее ободрить!

– Р-разреши, Светлана, напомнить одно мудр-рое высказывание из твоего любимого мультика, – опередил меня Кирилл. – Там один папа объясняет одной маме: «С ума поодиночке сходят. Это только гр-риппом все вместе болеют».

Ай да носатик! И ведь он прав! Мы с подружкой облегченно вздохнули, переглянувшись, – и Сашка тоже. Значит, и его мучили мысли о внезапно постигшем нас сумасшествии. Как же здорово, что нас трое! Но...

– Но откуда Вы знаете, как меня зовут и какой мой любимый мультик? – выпалила Светка.

– Я о вас, др-рузья мои, много чего знаю, – отвечивал Кирилл. – Иначе меня не назначили бы вашим гидом и консультантом в этой стр-ране.

– А в какой стране то? – вступила я наконец в разговор. – И еще – мне кажется, что Вы не очень-то кот.

Светка и Сашка изумленно посмотрели на меня. Но скворец – он сразу все понял! – залился скрипучим смехом и ответил именно так, как я и ожидала:

– Пр-риятно слышать, что Вы так вежливо обр-ращаетесь с котом.

Иноземцев, глядя на нас, постучал пальцем себя по лбу. Светка подозрительно спросила:

– С каким котом? Чего это вы понесли на вороных, как моя бабушка говорит?

– Ирина вам потом объяснит, что она имела в виду, – весело прочирикал Кирилл. – Не скрою, приятно было убедиться, что я не ошибся в ученице Костиной. Надеюсь, что и позже не разочаруюсь в ее сообразительности. А она вам, ребята, скоро очень понадобится!

– Зачем понадобится?! Какая сообразительность? – обалдело загудел Сашка. – Что вообще происходит?

Скворец расправил крылья, собираясь взмыть в воздух. Светка кинулась к нему и закричала:

– Эй, куда? Вас же назначили нам помогать! Не улетайте, пожалуйста! Что мы тут одни делать-то станем?

Кирилл вспорхнул в воздух и завис в нем, радостно восклицая:

– Сами, все сами, др-рузья мои! Я же, смею напомнить, не нянька, а только гид и консультант! Идите вперед, не бойтесь! И знайте: это огромное везение – оказаться здесь! Значит, самое важное в вашей жизни еще не потеряно! А я пока больше ничего не могу сказать, кроме одного: страна, в которую вы попали, называется Нелживия!

Скворец взмыл в небо и скоро превратился в черную точку. Ничего себе название! И дальше-то что?!

3. Какие странные места!

Мы устало опустились на траву. Оказалось, все трое сбились в кучу, провожая Кирилла в полет. Даже Сашка незаметно для себя встал, забыв про больную ногу, и присоединился к нам. Зато теперь, когда и я, и мои друзья наконец уверились, что случившееся недавно – не сон и не бред сумасшедшего, наступила «минута вылупленных глаз», как потом, много позже, выразился Иноземцев – мы тогда как раз вспоминали дома у Светки наши Нелживинские приключения. Да, признаться честно, момент был тяжелый. Мы таращились друг на друга и не знали, что сказать. Хотелось закричать: «Не может быть!» – и проснуться... Но все понимали, что надеяться на подобное везение не стоит: мы совершенно точно попали в неизвестное место. И, главное, неизвестно зачем! Первой заговорила Светка:

– Какие будут мысли? Хватит головами дергать!

– Чего? – удивился Сашка. – Кто это дергает?

– Да мы! Не видел, что ли, бабусек во дворе? Ну, когда пенсионерки на лавочках до того раскипятятся, что у них даже слов нет от возмущения? Старушки только смотрят друг на друга, и головы у них мелко-мелко трясутся.

Сашка захохотал и показал большой палец в знак одобрения. Я тоже не сдержалась, громко фыркнула. Молодец моя подружка, вывела нас из ступора! Иноземцев объявил:

– Ну, у меня мыслей ваще нет! Это вы, Костина с Ковалевой, умные. А мне до вас, как до Китая пешком. Я ни бельмеса не понимаю, говорю прямо.

Друзья красноречиво устали на меня. Интересное дело! Кажется, Сашка назвал тут умной не только не только Костину, но и...

– Ты не молчи, Ир! Не бычься, как моя бабушка говорит, – потребовала Светка. – *Кое-что* мы запросто можем уже сейчас узнать!

– А конкретно? – удивилась я.

– Костина, не хлопай ушами! Про какого кота вы с Кириллом говорили, мы не поняли? – объяснил Санек.

– А-а! – облегченно протянула я. – Ну, тут все просто. Приведенная цитата – из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. Эти слова говорит главный герой, Мастер, коту Бегемоту после бала у Сатаны...

– А ты и роман читала? – уважительно приподняла брови Светка.

– Так с котом он говорит или с бегемотом? – заинтересовался Иноземцев.

Пришлось отвечать сразу обоим:

– Нет, пока я его не читала. Хотя, конечно, пробовала, но мало что поняла. Мама сказала: и не надо – значит, еще рано. Просто эти реплики из романа, которыми обменялись мы со скворцом, обожают мои папа и мама. Они часто их говорят. Дело в том, что папа – Лев по гороскопу, и он всегда очень галантный, за мамой ухаживает, и все такое... Ну, а если папа, например, приходит с работы грустный и не проявляет к маме внимания, она его подзадоривает: «Знаешь, *сегодня* мне кажется почему-то, что вы не очень-то кот», – и они смеются, и папа целует маме руку...

– Значит тот, из романа, не очень-то кот, потому что бегемот? – допытывался Санек.

– Нет, не поэтому. Просто черное животное зовут так – Бегемот. А насчет остального мне папа объяснил. С кота в конце романа слезает шкура, и он оказывается худеньким юношей-демоном.

– О как! – покрутил головой Иноземцев. – И ты думаешь, что наш Кирилл...

– Да, я сразу поняла: слишком он умен для скворца, хотя порхает, и чирикает, и каргавит. Да он и сам себя выдал – понял, что я его вычислила. Ответил мне словами того же Бегемота из романа. Ну, видели вы скворца, который читал бы книги?

– Да, ты права. Сейчас и людей-то таких немного, – Светка выразительно посмотрела на Иноземцева. – А уж чтобы птица...

Санек сразу раздулся от обиды и начал приподниматься над землей. Не хватало еще ссоры! Я быстро зачестила:

– Вы понимаете, гид только обликом скворец, а сам...

– Заколдованный принц, – насмешливо предположил Сашка.

Я отмахнулась:

– Да какой принц? Забыл, что за стихи он прочитал?

– А, ерундень-то? Про калоши на сосне? – засмеялся Иноземцев. – Полная лабуда!

– Понимаете, я не сразу вспомнила, откуда мне знакомы эти стишки. А теперь до меня дошло. У нас есть дома старая детская книжка, еще мамина. Не помню, как называется, я ее прочитала уже давно, года четыре назад. Там рассказывается, как дети заставили, кажется, робота сочинять стихи. И вот такие глупые они у него получились. Но дело сейчас не в том, что Кирилл прочитал нам эту веселую чепуху, хотя наверняка не зря, а со смыслом...

– А в чем, Костина? Не тяни ты! – возопил Иноземцев.

– Да в том, Саня, что если Кирилл – на самом деле человек, то он читал эту книжку. А во времена принцев не знали еще ни про полеты, ни про посадки космических кораблей в лесу или еще где-то. Значит, этот человек не может быть принцем, тем более заколдованным.

– Ну, ты сильна, Костина! – с притворным восхищением заявил Сашка. – И кто же он тогда?

– Пока не знаю, – мне было жаль разочаровывать друзей, но куда денешься! – И все-таки он мне кого-то напоминает, хотя не понимаю, кого...

Светка перебила нас;

– Да перестаньте! Посмотрите лучше вокруг. Вы ничего не замечаете?

Мы с Сашкой оглянулись. Вроде бы поляна как поляна, камень как камень... Я подошла поближе к небольшой скале, у которой мы, по словам моих друзей, недавно приземлились. Поверхность камня слегка искрилась мягким голубоватым блеском. Нет, даже не голубоватым, а чисто голубым, как летнее небо по утрам! Признаться, я еще не видела ничего подобного. На светлой лазури камня не было ни одного пятнышка. Даже вкраплений других горных пород, как обычно бывает, и то не замечалось. Я обошла скалу кругом, чтобы убедиться в точности своих наблюдений, и наткнулась на Иноземцева, который, вытаращив глаза, разглядывал траву.

– Гляди, Костина! – Санек присел и растопыренными пальцами встряхнул стебельки. – Это ведь...

Понятно. С травой было то же, что и с камнем. Она отливала ярким изумрудом то нежного, то густо-зеленого оттенка, и среди сотен и сотен стеблей и листиков вокруг нас не было ни одного пожелтевшего, или бурого, или серого. А может, трава неживая? Я сорвала длинную сочную метелочку, растерла ее в пальцах, понюхала. Нет, запах был обычный, пряно-терпкий. Так пахнет в жаркий летний полдень высокий бурьян в нашем дворе. В нем хорошо скрываться, играя в прятки...

– Ну, что скажете? – отвлек меня от воспоминаний настойчивый голос Светки. – Тут все как будто нарисованное!

Я подхватила:

– Да, и не просто нарисованное, а маленьким ребенком! Так мой брат малюет. Посмотрите на лес вон там, чуть подальше. Стволы у деревьев – коричневые, листья – зеленые, а оттенки... – я не сразу подобрала нужные слова, – они, понимаете, как бы внутри тех же красок. Светлее или темнее, но те же самые...

– Точно! В этом и дело, – Сашка распахнул пиджак и вынул из внутреннего кармана расческу. – Сейчас посмотрим, какая тут земля.

Он присел на корточки, выкопал несколько кустиков травы вместе с корнями. Мы подошли ближе.

– Какая черная, смотрите. А, нет, здесь есть серый песок, но ведь...

– Серый – это тот же черный, только светлее, – закончила Светка.

Сашка выпрямился и уже открыл рот, чтобы продолжить разговор, но тут... Легкая дрожь пробежала по воздуху, траве, лазурному камню, и нас тряхнуло. Мы испуганно схватились руками друг за друга. Колебание исчезло, но... Что-то мельтешило в воздухе перед нашими глазами. Во все стороны летели кусочки земли и песчинки. Сашка протянул руку, крепко сжал в ней какие-то длинные предметы. Я только хотела сказать, чтобы он был осторожнее, но слова застыли на моих губах. Сашка держал в руке... те самые растения, которые только что вырыл из земли, исследуя ее цвет.

– Они л-летают? – заикаясь, прошептал Иноземцев. – Что произошло, Костина, скажи?

– А почему я? Почему не Ковалева?

– Да потому что ты у нас в последнее время больше всех мозгами двигаешь.

Я не нашлась что возразить. Да, вроде бы так и получалось с тех пор, как мы здесь, в этом удивительном месте. Но я не понимала, что происходит и почему вспорхнувшие по непонятной причине травяные кустики продолжают, несмотря на безветрие, жалобно дрожать в Сашкином кулаке.

– А может... Хотя такого и не может быть, конечно... – Светкин голос прервался от волнения.

– Что, Ковалева? Не молчи, говори уже! – Сашкина рука с растениями заметно тряслась.

Светка выпалила, махнув разметавшимися кудрями:

– А то, что они возмущаются! Ты же выкопал растения, и они теперь засохнут – а умирать никому не хочется.

Сашка, выпучив глаза, уставился на Ковалеву. И я могу поклясться, что в ту же сторону, вывернув от напряжения листья и метелки, наклонились и травинки, зажатые в его пальцах. Светка проследила мой взгляд и кивнула Сашке:

– Посмотри сам.

Иноземцев, вздрогнув, уронил пучок и попятился. Попал больной ногой в ямку, охнул и сел на землю, не спуская глаз с травинок. И тут было на что посмотреть! Удивительные растения плавно поднялись в воздух и полетели. Оказавшись над тем местом, откуда их выкопал Санек, травинки опустились вниз, из-под их корней фонтанчиками брызнула в стороны сухая земля. А они вросли туда, где были раньше, и почва под растениями стала ровной, как будто... Да, как будто их никто и не трогал!

Я почувствовала, что у меня закружилась голова. Может быть, это все-таки сон? «Вот было бы хорошо! – подумала я трусливо. – Действительно, сейчас проснусь и...» И раздался мрачный голос Иноземцева:

– Девчонки! Вы чего молчите?

– А что говорить? – вздохнула Светка. – Нам задали настоящий ребус. Да еще непонятно по каким правилам составленный.

Сашка, сидя на земле, подтянул колени к подбородку и обхватил их руками. Потом потянулся за камешком, чтобы, видимо, зашвырнуть его подальше, как он любил это делать у нас во дворе. Но, коснувшись камня, испуганно отдернул руку. Правильно, Санек! А то ведь неизвестно, чем это может закончиться. Может быть, тут все вокруг – разумное? «Ох, – удивилась я. – Вот так Ирочка! До чего дотумкала!» Светка подошла к голубой скале и встала рядом, опершись на нее рукой. Вид у Ковалевой был решительный. Набрав в грудь побольше воздуха, подружка заявила:

– Вы как хотите, а разобраться надо! Не сидеть же нам здесь и не ждать с моря погоды. Во-первых, как мы попали сюда? Ваши мнения?

– А прилетели! – дурашливо протянул Санек. – Мало ли, что это невозможно. А мы вот сумели, асы крутые. Ты согласна, Костина?

Я пожала плечами:

– Ну да, принесло нас сюда ветерком. И не надо спрашивать как, я этого не знаю. Но думаю, тут не обошлось без Кирилла. Помните, еще в школе над нами два раза птица пролетела?

– Точно! – хлопнул Иноземцев ладонью по траве и тут же растерянно отдернул руку. – Да она жжется, девчонки!

– Правильно, – кивнула Светка. – Я же тебе говорила. Не обижай здешнюю природу, это тебе не дома ветки ломать.

– Да уж не буду, – сердито пробурчал Сашка. – Что я, с дуба рухнул? Тут, наверное, можно еще и не так по репе схлопотать.

Светка, до сих пор машинально державшая в руке портфель, плотно уложила его на землю возле камня и села сверху. Погладила пунцовый венчик цветка, росшего рядом – и тот радостно затрепетал под ее ладонью! Иноземцев, усмехнувшись, молча развел руками.

– И цвета здесь правда изумительные, – задумчиво продолжала Ковалева. – Чистые и светлые... Это имеет название, не помню какое, я у папы в компьютере видела.

Я подошла к подружке, положила на землю сумку и тоже села рядом. Сказала друзьям:

– Это называется монохром. Таких красок в природе не бывает, их можно увидеть только в мультфильмах. Может, мы в мультик попали?

– Нет, – покачал головой Сашка. – Там все ненастоящее. Деревья как кочки зеленые, цветы огромные. А здесь...

Тут мне пришла в голову одна мысль, и я вскрикнула:

– Стойте! Вы помните прощальные слова скворца? Страна называется Нелживия. В этом и суть!

– В чем, Костина? Опять ты тянешь кота за хвост. Мне кажется, дурацкое название, – заворчал Иноземцев.

– Ага, ясно, – обрадовалась Светка. – Значит, здесь никто не лжет? Все говорят только чистую правду, без оттенков? Потому и мир такой э-э-э... монохромный?

Я кивнула:

– Да. Я давно заметила: часто бывает, что самое главное таится в слове. В нем и есть ключ к разгадке. Надо только вслушаться и понять. Иногда бывает не сразу ясно, правда в слове содержится или кривда. Но если хорошенько вдуматься в него, ложь становится видна, ее не скрыть. И получается, что в конце концов истину можно извлечь из *любого* слова.

Сашка почесал в затылке:

– Ну, ты наговорила... Нам-то это чем поможет?

– Пока не знаю. Но уверена: мы попали в совершенно удивительную страну. Да она и не может быть обычной – с таким-то названием! Мы влипли в классное приключение! Это тебе не алгебра, Санек. А ведь пришлось бы еще, придя из школы, сегодня еще домашнее задание делать, примеры эти жуткие решать. Ох, муть голубая! Нет, лучше я здесь погуляю, с Кириллом поболтаю.

Светка засмеялась:

– Надо же, как ты математику не любишь! А вот если бы любила, заметила кое-что странное. Ты помнишь, кто просквозил мимо нас в школе, прямо вперед, следом за скворцом? А значит, тоже прилетел сюда, в страну, где врать запрещается?

– Я помню, – вылез Сашка. – Это Шука был, с Акимовым и Мухиным. Точно, Костина! Тут ты прокололась. Как эти крендели в Нелживию попали, если тут все говорят правду, а они пургу гонят постоянно?

– Не знаю, – буркнула я. – Но ведь и ты, Санек, иногда... А находишься здесь!

– Ой, а ты у нас правдивая! – съехидничал Иноземцев. – Просто кристалл души моей. Я изумилась:

– Кто?! Красивую речь ты произнес, Иноземцев – хотя и короткую! Настоящий Чебурашка на открытии Дома дружбы. Я не ослышалась?

Сашка смутился:

– Ну... Не помню я, откуда это знаю. Само на ум пришло, честное слово!

С вершины голубого камня раздался знакомый скрипучий голос:

– Приветствую юного любителя поэзии! Совсем неважно, Александр, что ты не помнишь, откуда данная цитата тебе знакома. Главное – сами слова!

А принадлежат они Александру Пушкину. Слушайте:

Да вот в бутылке засмоленной
Между жарким и бланманже,
Цимлянское несут уже.
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобных талии твоей,
Зизи, кристалл души моей...

На Сашку смешно было смотреть: так он растерялся. Светка с любопытством спросила:

– А кто она, эта Зизи? И почему где-то рядом с жарким оказалась?

Скворец задумчиво произнес:

– Рад, что вам это интересно. Зизи – детское прозвище Евпраксии Николаевны Вульф, в которую был влюблен поэт.

– Но он же жену свою любил, Наталью Гончарову? – удивилась Светка. – И о ней написал: «чистейшей прелести чистейший образец»!

– Это случилось позже, – пояснил Кирилл. – Ведь не всякое чувство бывает навсегда, верно? Когда вы повзрослеете, поймете: так часто происходит. А вот ты, Светлана, не очень внимательно меня слушала. Зизи для Пушкина – не рядом с пиршественными яствами. О ее красоте ему лишь напомнил вид узких рюмок – ведь поэт называл Зизи «полувоздушной девой».

Внезапно Сашка, все еще красный, подошел, прихрамывая, вплотную к Кириллу и спросил:

– А что это ты... то есть Вы, птичка, картавить перестали? Забыли, что Вы скворец?

Иноземцев развязно засмеялся и с победоносным видом уставился на Кирилла. Мы с подружкой замерли – и от Сашкиного нахальства (давно же ясно, что Кирилл – не совсем птица, но зачем так явно дерзить?), и от его наблюдательности. Действительно, куда вдруг пропало скворчиное раскатистое «р-р» нашего консультанта? «А вдруг он рассердится и улетит от нас?» – испугалась я и показала Иноземцеву кулак. Светка уже открыла рот, чтобы извиниться перед Кириллом за нашего друга.

Но Кирилл, вместо того чтобы отчитать Сашку за наглость, одобрительно прокаркал:

– Что ж, Александр, одобряю твою внимательность. Хочу, кстати, сообщить вам, друзья мои, что здесь приветствуются любые вопросы, и на них каждый пытливей человек получает ответы. Правда, не на все сразу... И запомните: на самые главные вы должны будете ответить сами. Я – только проводник в этой чудной стране. А главные ваши открытия еще впереди! Если, конечно, мои подопечные действительно хотят совершить их.

– А бывают в Нелживии такие гости, что не хотят? – удивилась я.

– Да. И их немало. Вы сами увидите, – вздохнул скворец. – Нелюбопытство и лень мысли вообще свойственны человеку. Так хочется, чтобы все побыстрее, полегче, без умственных усилий, душевных затрат. Раз – и готово. В общем...

– Скукотища, – закончила Светка.

– Молодец! – одобрил Кирилл, и подружка моя от похвалы зарделась. – Некоторые люди никак не хотят понять, что вкусно есть, модно одеваться и развлекаться – очень мало для счастья! Причем, как это ни грустно, ищут от жизни единственно удовольствий не только малыши-дошкольники, но и вполне взрослые граждане. И потом они начинают погибать от тоски, даже не соображая, что с ними происходит. А вы, значит, не из лентяев? Очень р-рад! Впр-рочем, иначе вы сюда бы и не попали...

Тут я заявила:

– Вот что, уважаемый Кирилл! Вы снова вспомнили в конце речи, что Вы скворец? А до этого говорили, как человек, не картавя. Объясните, наконец, кто Вы такой! И почему мы сюда не попали бы, если бы любили только удовольствия?

Кирилл глубоко задумался. Казалось, он взвешивал про себя, отвечать на мои вопросы или нет. Потом тихо сказал:

– Ну что ж, я этого ждал. Вы умные дети и давно сообразили, что мой птичий облик – не единственный, в котором я могу существовать. Да, я еще и человек. Со временем, надеюсь, вы поймете, кто скрывается под оперением скворца. Поверьте, вы давно со мной знакомы, ребята. Понимаете, если я начинаю разговаривать с подопечными о важных вещах, то веду себя как человек, хотя и в птичьем образе, – и не картавлю. Но вот догадаться, кто я на самом деле, вы должны сами, и это не обсуждается. А на второй твой вопрос, Ира, я ответить могу. Дело в том, что оказаться в Нелживии могут только люди с умом и сердцем. Те, кто хочет не только порхать! Искатели, в ком жива душа, кто способен находить истину и готов для этого трудиться и страдать. Понимаете, трудиться именно в поисках правды, а не для того, чтобы иметь средства снова и снова есть, спать и наслаждаться.

– Нет, погодите, – невежливо прервал Кирилла Сашка. – Когда Вы э-э-э... устроили ветер в школе, и мы... в общем, уже улетали сюда, перед нами, я видел, несся Щука с прихвостнями. Они тоже здесь, правильно? И у них есть ум и сердце? Нет, эти пацаны полные отморозки! А врут они вообще через слово! Но здесь, в этой Вашей Нелживии, обманывать запрещается. Тогда как же...

– Не судите, да не судимы будете, – строго перебил Иноземцева скворец. – Если хорошо припомните, что с каждым из вас произошло, когда вы прибыли сюда, то... Словом, сразу будет понятно, что в этой стране лгать невозможно. И поверьте, вашим врагам сейчас очень трудно – именно из-за их дурной привычки говорить неправду. Повтор-ряю для особо упрямых: зр-ря сюда не попадает никто. Зар-рубите это себе на носу! И вообще, др-рузья мои! Не засиделись ли вы здесь, на гр-ранице Нелживии и остального мир-ра? Впер-ред, без страха и сомненья!

Кирилл мощно взмахнул крыльями и взлетел. Немного покругившись над нами, он снова крикнул: «Впер-ред!» – и скрылся из глаз.

4. Чудеса продолжают

Скворец был прав – мы все ясно сознавали это. Но – медлили. Страшно нам было, понятно? Что это за страна такая, где и соврать нельзя? И что, интересно, сейчас происходит со Щукой и его компанией? Вопросы, как горячие угольки, вертелись на языке, и узнать ответы на них очень хотелось. Но это было невозможно. С другой стороны, и торчать тут дольше тоже не имело смысла. Надо двигаться...

– Впер-ред! – прокаркал Иноземцев, передразнивая скворца. – Подор-рвались и побежали, др-рузья мои!

– Смотрите, – удивленно прошептала Светка, повернув голову вправо.

Мы с Саньком взглянули и замерли. Через зеленый-зеленый луг, только что совершенно пустой, пролегла серебристо-белая ковровая дорожка. Конец ее терялся где-то вдаль, под деревьями леса. Нас явно приглашали начать путешествие! И даже любезно указывали направление. Сашка вдруг хихикнул и спросил:

– Слушайте, девчонки, а вам это ничего не напоминает? Или вы такие умные, что уже мультики не смотрите? А я вот недавно видел один. Там...

Иноземцев не выдержал и захохотал. И я сразу вспомнила! Ну, конечно...

– «Вовка в тридевятом царстве!» – опередила меня Ковалева. – Там перед маленьким дурачком тоже дорожка расстелилась, когда он в сказку попал. Вот теперь и мы в какое-то царство попрячемся. Но вспомните, что с этим Вовкой случилось! Просто жуть. Чуть голову ему, глупому не отрубили.

Иноземцев ехидно спросил:

– А почему тот парень – дурачок? Подумаешь, конфеты любил и задачки решать не хотел! Ты, Ковалева, умная, а сейчас тоже как миленькая по коврику почапашь. Потому что нельзя не идти, девчонки.

– Ясное дело, Санечка наш ненаглядный, – пропела Светка. – Без тебя бы мы не догадались!

Иноземцев покраснел. Ха, еще бы, «ненаглядный!» Будешь знать, как балбесов защищать. Хотя мальчишка прав, мы сейчас не лучше того Вовки. И сюрпризы нас ждут там, вдалеке, не чета сказочным.

Но Санек уже ступил на край дорожки. Кажется, наш друг не сомневался, что мы последуем за ним, и не оглядывался назад. Что ж...

Мы со Светкой, взявшись за руки, подошли и встали рядом с Иноземцевым. Мягкий ворс пружинил под ногами. Светлая, прямая как струна полоска впереди звала в неведомое. Санек, сильно хромя, устремился через луг к лесу, и нам еще пришлось его догонять!

Да, удивительная местность окружала нас! «Разве могут существовать в природе такие звонкие краски?» – думала я, любясь нежными переливами изумрудной травы. Светка, шагая рядом, улыбалась и смотрела вверх, в яркую синеву неба. Иноземцев, похоже, не замечал красоты и безмятежности окружающего нас мира. Он тревожно вглядывался в сумрак леса, уже приблизившегося к нам.

Вот мы и вошли под его своды. Кирпично-красные, без единого темного пятнышка стволы сосен легко возносились ввысь. Зеленые иглы усыпали все вокруг и пахли свежо и остро...

– Смотрите, тропинка! – Сашка указал куда-то влево.

Действительно, здесь хвоя была словно слегка утоптана; узкой стежкой вела она в глубь густого ельника, открывшегося подальше, в ложбинке. Мы бегом устремились туда. Елки расступились, и открылась круглая поляна. Все застыли в изумлении. Как, оказывается, быстро привыкаешь к непривычной, но светлой красоте, разлитой вокруг! Чудесная страна Нелживия

уже успела – подумать только! – так понравиться нам, что... Довольно большой двухэтажный дом, стоявший на полянке, – показался и мне, и моим друзьям страшно некрасивым, даже уродливым. Подобных особнячков старинной постройки много у нас в Омске – даже в центре города они встречаются довольно часто. Нижний этаж у домов каменный, а верхний – бревенчатый. Проходя мимо такого особняка, стоящего на современной улице, я всегда чувствую исходящий от него совершенно особенный, мирный, дореволюционный дух. По правде говоря, старинные дома выглядят очень мило. Но вот тот, что стоял перед нами, был непривлекателен. Каменный ярус дома пошел трещинами, в которых вырос мох. И вообще особняк был какой-то словно бы пузатый, грязно-желтый. Верхний, деревянный этаж смотрелся еще более мрачно: толстые бревна, из которых он был сложен, сильно почернели и покосились. Справа от выщербленного крыльца спускалась с крыши заржавленная водосточная труба, неприятно скрипевшая на ветерке. Окна в доме были узкие, будто полуслепые, хотя и довольно часто расположенные. Через распахнутую дверь доносился птичий гомон. Это старое, дряхлое строение казалось здесь настолько лишним, что мне мгновенно захотелось: пусть оно исчезнет!

Но особняк, разумеется, и не думал исчезать. Стоял себе, лениво шурясь на нас скучной чередой маленьких окошек и вроде бы недоумевая: кто мы такие и как сюда попали? Вдруг изнутри дома раздался отчаянный женский крик:

– Стойтя! Куда вы, окаянныя, опять полетели? Не пущу я вас, и не проситя!

Из дверного проема выпорхнула стайка маленьких желтых птичек. Зависнув в воздухе на несколько секунд, они унеслись. Как оказалось, не слишком далеко. Мы увидели, что желтенькие комочки беспорядочно расселись на ветвях высоких елей вокруг поляны. На крыльцо выскочила полная тетенька с красным от негодования лицом. На ней было вкось надето смешное старомодное платье, а соломенная шляпка с лентами лихо заломлена на затылок. В дрожащих руках женщина сжимала кружевной зонтик. Быстро оглядевшись, она запричитала:

– Миленькие вы мои! Опять меня, несчастную, оставили! Одну-одинешеньку распокинули...

– Это Вы о птичках? – решила я вступить в разговор.

Женщина вздрогнула и выронила зонтик. Забавно было смотреть, с каким изумлением она воззрилась на нас, стоящих у крыльца. Даже, кажется, рот приоткрыла от душевного потрясения. Наверное, с минуту тетенька рассматривала нашу троицу. Наконец неуверенно протянула:

– Да, детки. О них я печалуюсь, о канареечках моих. Опять, сердешные, снялись да упорхнули, бедняжки неразумные! О-о-о...

Женщина завывала низким голосом и заломила руки. Иноземцев, не терпевший слез, быстро сказал:

– Ладно Вам уже кричать-то! Вон они, бедняжки Ваши, на елках сидят. Ничего с ними не сделалось.

Любительница канареек подняла глаза и бросилась с крыльца. Это ей удалось не сразу – мешало длинное платье, а подобрать его она от волнения забыла. Наконец, два раза запнувшись, женщина спрыгнула на землю и устремилась через поляну к деревьям. Добежав до высокой ели, она воздела руки вверх и завопила:

– Птичечки мои, золотые, ненаглядные! Ох, не удумайте опять то же самое сделать! Христом-Богом молю вас, не надо!

Мы увидели, что канарейки на зеленых ветвях востепенулись и захлопали крылышками.

– Наверное, сейчас улетят, – деловито предположила Светка. – Кому захочется всякую чушь слушать?

– Конечно, тем более что они на свободу вырвались, обрадовались. Как моя бабушка говорила, птице ветка дороже золотой клетки, – поддержал Ковалеву Сашка.

У меня были некоторые сомнения насчет вольнолюбия этих птичек, потому что я кое-что о них знала. Но спорить с Иноземцевым было некогда, потому что канарейки внезапно замерли, как бы оцепенев, и стали одна за другой падать вниз. Пушистые «лимончики», трепеща перышками, рассыпались на траве у ног своей хозяйки. То же самое происходило и на других елях, приютивших маленьких беглянок. Скоро все птицы лежали внизу, а их бывшая хозяйка, обхватив руками голову, рыдала. Даже издали было видно, что канарейки мертвы: ни одна больше не шевельнулась.

– Что произошло? – со слезами в голосе спросила Светка. – Может быть, деревья отравлены?

Мы, переглянувшись, побежали к женщине. Помочь ей было нельзя, но можно ведь человеку хотя бы посочувствовать...

– Не плачьте, пожалуйста, – сказала я, подойдя ближе. – Так их жалко, просто ужас! Но ведь канареек уже не оживишь.

– Успокойтесь. Вы не виноваты в их смерти, – добавила Светка и присела на траву рядом с женщиной.

Земля ощутимо дрогнула. Вокруг потемнело, и на наши головы дождем посыпались еловые веточки. Мы с Сашкой испуганно схватились друг за друга. Ковалева вскочила и оглянулась вокруг. Внезапно упавшие на мир сумерки стремительно густели. Налетевший ветер завыл в вершинах деревьев, они отозвались грозным гулом.

– Смотрите! – хрипло сказал Иноземцев, показывая рукой на мертвых птичек. Злой вихрь сбил канареек в одну кучку, распушив желтые перышки на их крохотных тельцах. Но... что это? Прямо на наших глазах грудки птах стремительно меняли цвет. Они вдруг потемнели. Яркий свет вспыхнувшей в небе молнии осветил все вокруг, и мы увидели, что птичьи грудки стали почему-то густо-розовыми. Я вскрикнула. Рыдающая женщина подняла голову и пристально взгляделась в останки своих любимцев.

– Опять! – взвизгнула она. – Почто сейчас-то, а не раньше?

Удар грома оглушил всех, и женщина мелко-мелко закрестилась, не отводя взгляда от птичек, вдруг ставших похожими на маленьких снегирей. Прошло несколько томительных секунд, и неизвестно откуда взявшееся легкое белое пламя охватило жалкие тельца. Мгновение – и они исчезли, рассыпавшись прахом на траве. Женщина вскрикнула, вскочила и, обхватив голову руками, бросилась бежать к дому. Мы переглянулись. Как быть? Догнать несчастную плакальщицу, попытаться утешить ее в горе? Но вдруг ей не нужно наше сочувствие? Может, человек хочет печалиться о гибели любимых птичек один, без свидетелей?

Стеной хлынувший дождь развеял наши сомнения, и вся троица устремилась к дому, надеясь спастись под крышей от ледяных струй. Ливень был так силен, что мы успели вымокнуть до нитки, еще не добежав до крыльца. Запыхавшись, взлетели по ступенькам вверх, и Сашка успел придержать входную дверь, уже закрывающуюся за хозяйкой особняка. Мы быстренько протиснулись вслед за ней в просторную переднюю, скудно освещенную керосиновой лампой (я видела такие в кино) – а что было делать? Нехорошо, конечно, вламываться в чужой дом без приглашения. Мы виновато переглянулись. Сашка пожал плечами. Может, все-таки уйти? Но тут женщина, уже стряхнувшая с платья воду, сняла мокрую шляпку, бережно положила ее на столик в углу и сказала осипшим от слез голосом:

– Заходите, детки. Милости прошу. Гостями будете.

Она открыла еще одну дверь в глубине прихожей, и мы, облегченно вздохнув, вошли вслед за хозяйкой в комнату. Она тонула в темноте. Надо же, как быстро наступила ночь в Нелживии! А ливень прекратился, его шум утих. В узкое оконце проник лунный свет, обрисовав серебристым силуэтом стоявший посередине круглый стол, покрытый белой скатертью. Видны были черные очерки двух рогатых подсвечников на столе.

– Сейчас я свечки запалю, не бойтесь, – тихо сказала хозяйка и чиркнула в темноте спичкой.

Сашка сзади меня, судя по грохоту, налетел на стул и растянулся на полу. Недовольно бурча, начал подниматься и ударился рукой о что-то железное, отозвавшееся глухим звоном. Но тут над столом затеплились огоньки, и сразу стала хорошо видна большая комната. Конечно, это был не привычный нам яркий электрический свет, но все же! Оказывается, в полной тьме и четыре свечки – радость! Мы внимательно огляделись. Да, помещение было низким, а обстановка его старинной, как в спектакле на историческую тему. В комнате, кроме упомянутого круглого стола посередине, стоял у окна еще один – письменный, массивный, явно очень тяжелый. За ним виднелось широкое неуклюжее кресло. В углу поблескивал стеклами резной шкафчик темного дерева, а в глубине его угадывались горки серебряной и фарфоровой посуды. Справа от входа я с удивлением разглядела железный сундук-шкаф, вделанный в стену. Было еще несколько гнутых стульев, расставленных вокруг круглого стола, и огромный комод в углу. И все-таки обстановка дома показалась мне знакомой! Я мучительно старалась вспомнить, где я ее видела... Но тут хозяйка, уже немного успокоившаяся, пригласила:

– Садитесь, деточки, отдохните. Устали ведь, небось, с дороги. Путь-то сюда неблизкий. Да и здесь не медом намазано.

Мы с удовольствием расселись вокруг стола. Действительно, устали мы что-то, и мокрая одежда очень неприятно липла к телу. А в комнате было тепло и сухо, на стене справа уютно тикали ходики. Хотя бы обсохнем тут, а уж потом... Об этом не хотелось думать. Да и, в конце концов, наша хозяйка вроде бы добрая женщина, не выгонит же она детей ночью в лес! На языке у меня опять вертелись вопросы. Судя по таинственным переглядкам моих друзей, у них тоже. Интересно, кто из нас первым решится на разговор?

Часы тихонько зазвенели, потом раздался скрип открывшейся дверки, и из нее выглянула кукушка. Живая! – хотя и совсем малютка. Светка изумленно заерзала на стуле, а Иноземцев замер, глядя на пестренькую птичку, которая, встряхнув крыльшками, начала звонко петь. Я посмотрела на нашу хозяйку, которая, кажется, не слишком обрадовалась кукушке. Женщина нахмурилась. С досадой махнув рукой, прошла к письменному столу и села в кресло. Закончив свою долгую руладу (а ее «ку-ку» никто не считал, не до того было!), птица вылетела из часов и опустилась прямо на стол. Сложила крыльшки, повернула голову в сторону хозяйки и сердито спросила:

– Ну что, Секлетей Потаповна, кто был прав?

– Замолчи, Маврушка! Что ты, глупая девчонка, в таких делах понимать можешь? – донеслось от окна.

– О-о! – прошептал Сашка. – Вот это имена! Просто ископаемые.

– А вы, сударь, молоды еще судить о чужих именах! – проверещала кукушка.

Хозяйка поднялась с кресла и подошла к нашему столу. Птичка следила за ней глазами. Секлетей Потаповна села на свободный стул. Усмехнулась:

– Да паренек и не думал никого судить. Чего ты, Мавра, напраслину-то на гостей возводишь?

Кукушка возмущенно захлопала крыльшками и уже открыла клюв, но ее опередила Светка. Глядя прямо в глаза хозяйке, она произнесла:

– Извините, пожалуйста, нашего друга за неуместное замечание. Но мы действительно никогда не слышали таких имен, поэтому... Скажите, пожалуйста, к кому мы попали в гости? И что вообще произошло с вашими птицами? И почему кукушка из часов живая, и...

– Какое сегодня число? – не утерпела я.

Странно, думалось мне, почему Ковалева не догадывается задать этот важный вопрос? Ведь, возможно...

Секлетей Потоповна удивленно воззрилась на меня. Ясное дело, решила, что гостья не в своем уме. Ну и пусть, лишь бы ответила! Но женщина лишь качала головой, разглядывая всех нас по очереди.

– Осьмое июня нынче! – выпалила кукушка.

– А год? – хором спросили мы с подружкой. Ура, наконец-то Светочка сообразила!

– Одна тысяча восемьсот семьдесят пятый от Рождества Христова! – провозгласила Мавра.

Так и есть! Что-то подобное мне и представлялось с того момента, как мы попали в дом... Ковалева тоже кивнула головой. Зато Иноземцев оторопело вытаращил глаза и переспросил:

– Какой-какой?!

– Да какой слышал! А вы откуда, сударики, явились? Уж не с луны ли свалились? Или, может, вы того... из желтого дома? – кукушка испуганно обвела нас блестящими глазками, вспорхнула и села сверху на ходики.

– Нет, – тупо сказал Сашка, – из серого. А при чем тут это?

– Да при том, Саня, – пришла я на помощь Иноземцеву. – Знай: в девятнадцатом веке желтыми домами называли психиатрические лечебницы. Понял, за кого нас здесь принимают?

Пораженный Иноземцев начал приподниматься из-за стола, но был ласково остановлен и вновь усажен на место Секлетеей Потоповной:

– Вы погодите, сударь, волноваться-то. Глупа еще Маврушка у нас, даром что взрослая девица. Да и на язык племяннушка моя невоздержанна. Что ей в голову взбредет, то и брякнет сразу, не подумавши. А наказывать мне ее жалко. Одно слово – сирота, покойного братца дочь, былиночка горькая...

У Сашки глаза совсем вылезли на лоб:

– Кто былиночка?! Кто сирота?! Кукушка из часов? Значит, ваш покойный братец был кукушка?

Мы со Светкой прыснули. Сверху вдруг камнем упала Мавра и клюнула Иноземцева прямо в макушку, закричав:

– Сам ты кукушка! А мой батюшка был второй гильдии купец!

Сашка взмахнул руками, пытаясь защититься от рассерженной птицы. Бедный наш друг! Он не понимал, что происходит. А все от пробелов в образовании и от неумения строить логические связи между явлениями, по выражению моей мамы. Как-то она сейчас, моя милая? Волнуется, конечно, что меня нет. Наверное, уже в милицию заявила о пропаже дочери...

Светка с интересом следила за ходом боя. Сценка действительно получалась смешная: с одной стороны – крохотная кукушка, пикирующая на Саню, с другой – он сам, большой и растерянный, прикрывающий макушку от яростных атак пичуги.

– Ну, хватит, Мавра! И не стыдно тебе на малого парнишку нападать! – Секлетей Потоповна поднялась со своего места и стукнула ладонью по столу. – Совсем взрослая девица, пора замуж выдавать, а она...

– Ой, тетушка! Ой, милая! Нипочем не выдавайте! У-уй, бедная моя головушка!

Птица опрометью взвилась под потолок, оттуда кинулась к окошечку часов, вспорхнула внутрь и затихла. Иноземцев, потирая затылок, смотрел на меня и Светку совершенно безумными глазами. А как вы оценили бы такой поворот: кукушке, оказывается, пора замуж? Вопрос: за кого?... Или заботливая тетушка собиралась срочно бежать в лес и подыскивать там Мавруше пернатого жениха? Ясно, что голова у Сани пошла кругом. Но мы-то с подружкой не собирались оставаться в неведении!

Я обратилась к нашей хозяйке:

– Извините, пожалуйста, э-э-э... – как назло, у меня вылетело из головы ее имя.

– Секлетей Потоповна, – подсказала Ковалева.

– Да. Вы любезно приютили ночью в дождь детей, которых видели в первый раз в жизни. Разрешите нежданым гостям поблагодарить Вас за это. Но дело в том, что мы совсем недавно прибыли в Нелживию. И очень многое нам здесь непонятно – и в самой этой стране, и у Вас в доме. Санек так просто изнывает от любопытства...

– погоди, милая, – решительно перебила меня хозяйка. – Позволь сначала мне кое-что узнать. Ты вот сказала: Санек. А он тебе брат, что ли? Или другой какой родственник?

Я удивилась:

– Нет, он мне не родственник. С чего Вы взяли? Саша мой хороший друг.

Секлетея Потаповна изумленно округлила глаза:

– Друг?! Что ты этим хочешь сказать?

– Да то, что сказала. Мы дружим все втроем: я, Санек и Света.

Хозяйка обвела нас возмущенным взглядом:

– Как, то есть, дружите?! А что родители-то ваши себе думают? Или вы сироты, за которыми присмотреть некому?

Тут я, признаться, растерялась. А вы что сделали бы на моем месте? Совершенно чужая тетка ругает нас неизвестно по какой причине! Иноземцев начал сползать со стула вниз, обхватив свою бедную голову руками. Правильно, Санек, держи ее крепче, а то лопнет. У меня тоже угрожающе зазвенело в мозгу. Что происходит?!

Светка откинулась назад и решительно заговорила:

– Не могу понять, Секлетея Потаповна, почему Вы рассердились. Никакие мы не сироты. И с чего родители запрещали бы нам дружить? Разве плохо иметь товарищей?

– Да нешто это порядок – двум девкам вместе с мальчишкой одним по улице шастать, без всякого догляда? Далеко ли до беды? Вы ить уже большие ребята, не младенцы невинные!

– До какой беды? – удивилась Ковалева. – Наоборот, если держаться вместе, никто не пристанет. Не обзовет нас и не излупит, понимаете? А то бывают некоторые, очень наглые...

– Ох, девонька, – протянула хозяйка, – не разберу я, или ты вправду глупа будто пробка, или представляешься. Да разве годится так вести-то себя? Что люди скажут? Молодые девицы свободно с чужим парнем разгуливают – и все хорошо? Неприлично это!

Сашка сразу набычился и забурчал:

– Почему, интересно, со мной быть неприлично? Я, кажется, не дурак какой-нибудь. И Светку с Ирккой в обиду никому не дам!

Секлетея Потаповна всплеснула руками:

– Да ты кто им такой, чтобы в обиду девиц не давать?! Не брат, не сват, не жених. На чужой-то роток не накинешь платок!

– А чего его накидывать? – завелась я. – Можно подумать, что мы втроем на преступное дело собрались: убить кого-нибудь или банк ограбить!

– Свят, свят, свят, – испуганно закричалась женщина. – Кто ж про такие страсти-то говорит на ночь глядя?

– А про что тогда Вы говорите?! – закричали мы со Светкой одновременно.

Секлетея Потаповна смутилась и стала теревить воротничок на платье. Повисло неловкое молчание. Мы упорно сверлили взглядами нашу хозяйку, когда из окошечка часов прозвучал голос кукушки:

– Вот, тетенька. Ребята-то, видать, не из наших краев. Они о баловстве ни сном ни духом не ведают, а Вы их неприличием страшаете.

– Да я и сразу подумала, что из дальних мест они, – вздохнула Секлетея Потаповна. – Одеты уж больно чудно. Девчонки-то, глянь, в штанах – где такое видано? Да у нас бы батюшка в церкви за подобный вид... – ох, и подумать страшно! И волосы у обеих стриженные, а не в косы уложенные. А мальчишка тоже одет диковинно – хоть и штаны на нем, и тужурка, и рубаха, а все по-иному скроено, не по русскому обычаю сшито. Да и ведут себя они...

– Как же? – вскипела я.

– А чересчур свободно, девонька. Не видать в вас ни страха Божия, ни сугубого почтения перед старшими.

– А оно должно быть именно сугубым? – деловито поинтересовалась Светка. – Нормальная вежливость не подойдет?

Хозяйка неуверенно пожала плечами:

– Да я уж сама ничего не понимаю. Вроде бы учтивые вы, но вот... не говорите тихо, глаза не держите долу, как отрокам надлежит.

– А как это – долу? – полюбопытствовал Иноземцев. – И кто такие...

– Отроки? – вмешалась Ковалева. – Это, Санечка, в старину так подростков называли, Ну, тинейджеров, понимаешь? А долу – это значит то, что мы в разговоре со взрослыми должны глаза опускать и пол разглядывать.

– Зачем? – поразился Сашка.

– Да затем, что дети перед старшими всегда должны быть тише воды ниже травы! А то и порядку никакого не будет, – Секлетя Потаповна даже ладонью по столу пристукнула.

Сверху слетела кукушка и уселась на скатерть. Быстро вертя кругленькой пестрой головкой, она с любопытством оглядела нас и спросила:

– А что, судари, в ваших местах разве не так? Чему вы удивляетесь?

– Нет, – осторожно начала я, – не совсем так. Но только не в наших местах, а в нашем времени...

– А в каком? – встрепенулась Маврушка.

– Дело в том, что мы живем в начале 21 века. У нас тоже принято уважать старших, но... – я мучительно старалась подобрать нужное выражение.

– Но листом перед ними не стелиться, как моя бабушка говорит, – дерзко заявила Светка.

– О-о! – Сашка показал Ковалевой большой палец и перевел дух.

– Как же это? – встрепенулась Секлетя Потаповна. – Разве у вас родители не имеют над чадами своими полную власть? Нешто им дети смеют возражать?

– Ну... Иногда смеют, если чувствуют свою правоту, – вступила я в разговор. – Вот я, например, всегда прямо говорю маме и папе все, что думаю. И меня они за это не ругают. Просто объясняют, в чем на самом деле суть проблемы. А дальше я думаю своей головой. Зачем мне перед родителями покорной дурочкой притворяться? Я ведь их не боюсь, а люблю и уважаю.

– Ишь ты, – задумалась наша хозяйка. – Так-то оно, вроде, и правда лучше. Значит, там у вас, в 21 веке, никто перед родными не трепещет? И совсем страха в семье нет? И отроки с отроковицами свободно разгуливают где хотят и с кем хотят?

Мы переглянулись. Как объяснить ей, этой доброй и, в общем-то, милой женщине, что и у нас далеко не настолько хорошо, как можно представить? Что не у всех детей такие родители, как у меня? Что многие из взрослых пьют, и не заботятся о своих детях, и морят их голодом, а то и вообще отказываются от наследников и отдают их на воспитание государству? Тогда, действительно, лучше бы их сыновья и дочери опускали перед родителями глаза! Но отцы и матери детей своих любили бы и не бросали на руки чужим людям! Сашка прерывисто вздохнул. Наверное, вспомнил, что совсем недавно, до приезда его отца с Севера, в семье Иноземцевых тоже было неблагополучно: Санина мама не особо помнила о сыне, и он выживал из урн недоеденные пирожки, чтобы хоть как-то заглушить голод...

– Молчите? – усмехнулась Секлетя Потаповна. – Значит, и у вас, через столько-то годов...

– Погодите, тетенька! Дайте, я спрошу, милая! – голос Мавры дрожал от волнения. – А замуж как у вас выдают? По родительской воле или иначе?

– По-разному бывает. Но обычно иначе, – дипломатично объяснила Светка.

Секлетеея Потаповна подалась вперед с явным интересом, а Мавра, стуча коготками о стол, тут же оказалась перед самым носом у Ковалевой. Ха, теперь-то кукушка явно не считала нас сумасшедшими!

– А-а... как оно, иначе-то? – прошептала птица.

– У нас принято выходить замуж по любви. Желательно, конечно, чтобы и родители одобрили. Они же в жизни детей – самые главные люди.

– А если не одобрят и захотят за другого выдать, старого да постылого?

– У них ничего не получится. Если девушка и парень хотят пожениться, им никто этого запретить не может.

Мавра, как пух, взвилась в воздух и стала чертить круги под потолком. Язычки пламени на свечах заколебались, грозя потухнуть.

– Вот, тетенька! Вот, родименькая, как оно будет-то через сотню с лишком лет! А Вы меня за Петра Силыча выдать хотите, за седую бороду окаянную! И не жаль Вам меня, сиротинку несчастную! – кричала кукушка.

– Цыц, оглашенная! – сердито отозвалась Секлетеея Потаповна. – Забыла, племяннушка, что не кто другой, как батюшка твой, царство ему небесное, просватал тебя за Петра Силыча? А родительская воля – закон, и ты ее исполнять обязана.

Женщина вздохнула и неожиданно прибавила:

– Хоть и правда, жаль мне тебя, молодую да веселую. У жениха твоего нрав-то уж больно крутой. Чуть что не по нему – так...

– А сколько ему лет? – деловито поинтересовалась Светка.

– Да всего-то шестидесятый минул, в силе еще мужчина

Мы со Светкой ошарашенно переглянулись. Вот так жених для хозяйкиной племянницы! Но, может, мы чего-то не понимаем? Хотя ведь если Мавруша племянница Секлетее Потаповне, то она должна быть по крайней мере младше своей тети. А женщине самой едва за тридцать... Ковалева решила выяснить дело до конца и в упор спросила у нее:

– А птичке сколько лет?

– Семнадцатый годок пошел Маврушеньке нашей, пора мне и взамуж ее благословить за достойного человека, согласно братцеву желанию, – нараспев провозгласила любящая тетушка и перекрестилась.

– За достойного?! Которому шестьдесят лет?! – завопила Светка. – Ей еще в школу надо ходить, в десятый класс! А Вы ее за противного старика замуж отдать хотите?

Кукушка мигом слетела из-под потолка вниз и уселась Ковалевой на плечо. Подружка поморщилась: острые коготки больно впились ей в кожу. Но прогонять птичку она, понятно, не собиралась. Уж очень жалко было бедняжку. Секлетеея Потаповна изумленно разглядывала нас. У нее, похоже, пропал дар речи.

Вдруг в комнату сквозь узкое оконце веером хлынули солнечные лучи. Огоньки свечей, затрепетав, погасли. «Уже утро? – удивилась я. – Почему тогда не было рассвета? Да и ночь длилась не больше часа!»

Я перевела глаза на Светку. Она, подавшись вперед, с интересом смотрела на нашу хозяйку, которая почему-то расстроилась и даже побледнела. Кукушка соскочила на стол и тоже вела себя странно: задрав пеструю головку, она подбоченилась крылом и торжествующе сверлила глазами свою тетушку. В чем дело?

Надо сказать, что все забыли про Сашку, который уже давно сидел молча, отчаявшись что-либо понять, и только дико таранился. Просто разговор получался страшно увлекательным! Не выдавалось ни одной паузы, чтобы объяснить Иноземцеву суть узанного нами. К тому же появились новые загадки! Сашка резко выпрямился, стукнул кулаком по столу и заорал:

– Вы что, с ума все походили?! Хотя Ваш братец, Секлетей... м-м-м, извините, забыл! Так вот, как у него могла быть дочь – птица? И почему этот старый Силыч захотел жениться на кукушке?! У нас есть сосед по лестничной площадке, Николай Иванович. Ему всего пятьдесят пять лет, и он одинокий. Но я точно знаю, что даже у него невеста нормальная, пенсионерка с четвертого этажа, а не молодая девушка. И не может быть кукушке шестнадцать лет, они столько не живут! И почему уже солнце светит?! Так не бывает...

– Ах, Санечка, – нежно прошептала Светка и потянулась, – а чтобы мы, люди 21 века, встретились с купеческой вдовой из 19-го и были у нее в гостях – так бывает? Чтобы кукушка разговаривала – это нормально? Ну, скажи!

Иноземцев повесил голову. Я решила взять инициативу в свои руки и приступить наконец-то к объяснению загадок – сначала для Сашки, а потом и для нас с подружкой.

– Понимаешь, Саня, на самом деле Мавруша – не птица, а девушка, – проговорила я осторожно (уж очень неважный вид был у нашего друга, просто обалделый; как бы мальчишка не спятил ненароком!). – И она действительно племянница Секлетей Потоповны. Просто кукушка для своей тети – то же самое, что для нас – Кирилл. И Секлетей Потоповна с Маврой прибыли сюда из своего времени – 19 века, потому что...

– Потому что Нелживия – одна страна на все времена, и люди из разных эпох попадают сюда, чтобы найти свою правду и отказаться от вранья, – выпалила Светка.

Иноземцев обрадованно кивнул, и в глазах его мелькнуло понимание. Он откашлялся и обратился к нашей хозяйке:

– Так это значит, что Вы тоже...

Женщина махнула рукой и, улыбаясь, проговорила:

– Верно, дорогие гостеньки! Ишь ведь, как вы быстро разобрались! А я, признаться, когда сюда попала, чуть умом попервости не тронулась. И Маврушку свою не сразу признала в новом-то обличье. А как жутко летели мы, ох... Очнулась я, смотрю – вроде у себя дома. Обрадовалась, думаю: сновидение мне страшное Бог послал за грехи мои. Давай племяннушку звать, потому как только перед этим ее ругала за непокорство воле отцовской. Надо, думаю девку вразумить наконец, да и день свадьбы назначить, а то ведь Петр-то Силыч уже и серчать на меня начали. Что ж ты, говорит, с глупой девкой справиться не можешь?

– А Вам очень надо было справиться? – угрюмо осведомилась Ковалева.

– Знамо дело, надо! Я ведь вдова, в делах-то купеческих не смыслю ничего, а жених Маврушин в ожидании ее руки-то все управление в лавках на себя взял, помогает нам, сиротам... Мне ведь еще предстоит сынка моего, Порфишу, в люди вывести. А с каких доходов, если в лавках порядка не будет? Вон, видели, как дом-то наш обветшал, облупился весь...

Сашка высунулся вперед:

– Вы погодите про дом. Вот прилетели Вы сюда, стали звать Мавру...

– Да. Зову ее, зову. И тут слетает сверху, из часов, кукушка – живая! – а была-то там деревянная, и кричит: «С прибытием Вас, тетушка любезная!»

Тут я, признаться, опять сомлела со страху, не знаю сколько в беспамятстве пролежала. Вдруг чувствую, будто под дождем стою. Глаза открываю, а рядом на полу эта же птица сидит, перед ней чашка с водой, и она мне из нее в лицо крылом водицей брызжет. Ну, думаю, не иначе как конец мне пришел, и я уже на том свете. А сейчас всякие страсти загробные последуют за мои грехи...

– Что Вы, тетенька, что Вы, милая! Неужели Вы меня тогда за слугу ада крошечного приняли? – кукушка села женщине на плечо и стала ласково гладить ей клювом волосы на виске.

– Да ведь не знала я, Маврушенька, что и думать-то мне в таких обстоятельствах! А птица мне говорит: «Вставайте, разлюбезная моя благодетельница! Чудо с нами случилось. Попали мы с Вами в страну неведомую, где лгать нельзя. Вы, тетушка, теперича должны до самой тонкости понять, в чем неправы были и на том настаивали, истиной считая кривду. А я Вам в поис-

ках правды помогать буду, для того к Вашей особе и приставлена. Но я теперь, как видите, птица вольная, и нет у Вас надо мною прежней власти. В чулан теперь меня не запрете, коли в чем у нас с Вами несогласие выйдет. Я-то всю ложь Вашу уже постигла и тетю свою любимую, которая мне сейчас заместо матери, в беде не оставлю. Но дело это, Секлетее Потаповна, трудное, потому как самое тяжкое для человека – это признать свою неправоту, а значит, и ложь – вольную или невольную.

Сашка удивился:

– Что-то я не понял! Как это ложь может быть невольной? По-моему, любой перец знает, когда он врет.

– Нет, сударь мой, – покачала головой наша хозяйка. – Не каждый и не всегда. Ох, была не была! Все равно каяться надо. Я вот до сей поры ничуть не сомневалась, что главный мой долг перед покойным братцем – исполнить его волю и выдать Маврушу за Петра Сильча. Так уж исстари велось, чтоб дети покорялись родительскому решению...

– А теперь Вы как думаете? – не вытерпела Светка.

– Да вот не зря, видно, мне вас Бог послал, детки. Едва услышала я, что в вашем-то времени не по неволе замуж идут, а по любви и согласию... Сразу мне душу пронзило – ведь намного лучше так-то! Хоть и богат Петр Сильч, и весь город к нему с почтением, а не пара он моей племяннушке! И уж когда сама страна эта чудная мне правоту вашу подтвердила – тьма исчезла и солнышко взошло, словно камень с души моей упал: не бывать Маврушеньке за седой бородой!

Из прихожей послышался свист ветра, потом звук упавшего тела и возглас: «О-ой!» Дверь распахнулась от сквозняка, и в комнату шагнул встрепанный мальчишка в форменном мундирчике с металлическими пуговицами. Его круглое лицо, усыпанное веснушками, излучало радость и торжество. Он подошел к Секлетее Потаповне, поклонился и сказал:

– Здравствуйте, маменька! Это я, Ваш единственный сын Порфирий, явился сюда почтеннейше поздравить Вас с первым счастливым прозрением. А ведь как ругали Вы меня, матушка, когда я смел за сестрицу Маврушу заступаться и просил Вас пожалеть ее младость и не выдавать девушку за Петра Сильча!

Женщина всхлипнула и раскрыла объятия. Мальчик кинулся к ней. Светка громко прошептала:

– Пошли, ребята! Тут сейчас и без нас обойдутся.

Что ж, это было правильно. Мы встали и тихонько выскользнули за дверь. В прихожей Иноземцев опять что-то опрокинул, потому что там было темно: огонек керосиновой лампы еле тлел, грозя совсем потухнуть. Сашка пробормотал:

– Как же хорошо, что я не живу в 19 веке! Тут полная жесь!

Я наконец-то нащупала ручку входной двери, рванула ее, и с улицы прямо навстречу нам хлынуло солнце. Вся компания радостно вывалилась на крыльцо.

5. Дар Нелживии

Как хорош был мир, раскинувшийся вокруг! Волшебно чистый, омытый дождем, искрящийся светлыми каплями, он звал к себе. И мы сбежали с крылечка вниз, прямо во влажную траву!

Легко было дышать этим голубовато-прозрачным воздухом после затхлой атмосферы старого дома! Мне невольно подумалось, что я еще никогда в жизни не чувствовала себя такой... летящей.

– Слушай, Санек, – спросила Светка. – Скажи, а кем ты сейчас себя чувствуешь?

– Свободным человеком, – не задумываясь ответил Иноземцев и раскинул руки, как птица крылья.

Точно! Казалось, мягкая и мощная волна приподнимает нашу троицу над изумрудной травой с яркими цветами и зовет ввысь. Но нет – мы не взлетали! Мы оставались на земле Нелживии, чувствуя себя при этом облачками в небесах.

– Смотрите, девчонки! – Сашка показывал рукой куда-то влево, в сторону чащи молодых елей за краем поляны.

Я взгляделась и засмеялась от радости. Вот это да! Среди темной зелени виднелась... беседка из нашего двора. Ее построили в позапрошлом году под высокой березой. В конце этого лета, в августе, мы втроем частенько бывали в павильончике. Там было уютно, прохладно в тени ветвей. Посередине беседки стоит большой стол. Хорошо, расположившись за ним, читать, разгадывать кроссворды, болтать и смеяться... Но почему деревянная постройка оказалась здесь? Надо взглянуть на нее поближе. Может, это обман зрения? А между елочек стоит совершенно другая беседка, только издали похожая на дворовую? Не сговариваясь, мы устремились влево и перебежали поляну. Нет, это был тот самый сквозной домик! Вот и голубая краска облупилась на столбике у входа, а на столе видны царапины, оставленные «доминошниками» – те тоже иногда здесь собираются. Удивленные и обрадованные, мы поднялись по ступенькам и вошли внутрь. До чего, оказывается, здорово в чужой стране – пусть даже такой прекрасной, как Нелживия! – оказаться в знакомом месте. Сашка упал на скамью и блаженно зажмурил глаза. Мы с подружкой тоже расселись вокруг стола.

– Приветствую вас, ребята! – прокаркал наверху скворчинный голос. – Счастлив видеть, что подарок Нелживии с пониманием принят моими юными друзьями!

Кирилл, оказывается, сидел на тонкой жердочке под самым потолком – а я и не знала раньше, что она там есть! Жердочка висела на двух тонких бечевках, и скворец покачивался на ней, как на качелях. Надо же, вернулся! Интересно, а где он пропадал, пока мы гостили у Секлети Потоповны? Птица зорко разглядывала нас сверху, наклоня голову и кося блестящими черными глазами.

– Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, уважаемый Кирилл, – Иноземцев изо всех сил старался быть вежливым, – а откуда здесь взялась эта беседочка?

– И за что нам прилетела награда от Нелживии? – присоединилась к нему Светка.

Скворец слетел вниз, уселся посередине стола. Птица приосанилась:

– Неужели не догадываетесь? А ведь все просто! Посмотрите, пожалуйста, туда. Вы ничего не замечаете?

Кирилл показал крылом в сторону купеческого дома. Странно! Что мы его, раньше не видели? Уж рассмотрели, будьте уверены, и даже внутри побывали...

Вдруг Светка удивленно охнула и ткнула пальцем в сторону особняка. Я взгляделась пристальнее. Ну и ну! Домик, оказывается, очень изменился – и в лучшую сторону! Цвет его первого яруса из грязно-желтого с ржавыми потеками стал чистым, лимонным, будто стену только что отремонтировали. Она теперь весело сияла в лучах солнца! Второй этаж, деревянный, тоже

преобразился. Бревна утратили прежнюю угрюмую черноту, ряды их выровнялись. Надо же, и покореженная водосточная труба стала новенькой, прямой, ровно покрытой серой краской...

Я взволнованно спросила:

– Скажите, пожалуйста, Кирилл, что это значит? Кто побелил дом? Он ведь был таким старым! И кто поменял трубу? Мы здесь находимся уже давно, а рабочих не видели.

Скворец выпрямился и стал мерно вышагивать по столешнице. Честное слово, он опять кого-то мне напомнил! Но кого? Я не могла понять. Кирилл поднял крыло, и его верхнее прямое перышко стало очень похоже на указку в руке учителя, стоящего у доски. Ага...

– Вот теперь мы начинаем подходить к самому главному, – голос птицы звучал назидательно. – Ты, Ира, очень удивишься, но я все же скажу тебе: дом Секлетеи Потаповны никто не ремонтировал. Его изменила Нелживия.

– Как это? – недоверчиво спросил Сашка.

– А так, Александр. Ты видишь, что теперь облик особняка более м-м-м... соответствует краскам чудесной страны, верно?

С этим трудно было не согласиться, и все кивнули. Глаза-то у нас были на месте!

– Дорогие мои пытливые слушатели! Женщина, которая живет за стенами дома, недавно признала собственную неправоту в очень важном вопросе. Речь шла о судьбе человека! Вы, конечно, поняли, какие дикие взгляды на брак существовали во времена Секлетеи Потаповны.

– Да уж! – сердито подтвердила Ковалева.

– И ведь эта достойная женщина была убеждена, что брак со старым самодуром – единственно возможное счастье для Мавруши. Но у Секлетеи Потаповны доброе сердце, и она очень любит свою племянницу. Поэтому, когда явились вы – люди из будущего – и объяснили ей иную точку зрения, вдова сначала задумалась, а потом и... Одним словом, девушка теперь свободна от ненавистного жениха и безмерно счастлива. А помогли ей в этом вы, ребята! Часто бывает, что живут среди людей общепринятые обычаи и правила. И все им покорно следуют. Не замечают очевидной лжи некоторых традиций, а значит, их глупости и жестокости. Такова подлая власть общества над человеком – в любое время, при любом строе. А вы ее недавно победили! Молодцы ребята!

– Получается, – предположила я, – эта беседочка – наша награда за...

– Вот именно, Ирина. Нелживия щедра на подарки для тех, кто говорит правду, чувствуя ее сердцем, и смело отстаивает свою точку зрения. Теперь, друзья мои, у вас есть приют в этой стране. Куда бы вы ни направились – а вы, я знаю, любознательны и не будете сидеть на месте – безопасное убежище всегда будет рядом.

– Но почему, – влез Санька, – эта Секлестея... Потаповна прилетела сюда вместе с домом? И особняк ей, как нам беседку, зарабатывать не пришлось?

– Да потому, Александр, что для почтенной вдовы оказаться в незнакомом месте вне привычных условий жизни было бы слишком большим потрясением! Она и так еле пришла в себя после перемещения в Нелживию.

– Да-да, – подтвердила Светка, – Секлестея Потаповна нам рассказывала.

– А представьте, что случилось бы с вдовой, приземлилась она там же, где вы! Не забывайте, Маврушина тетюшка живет в другое время, когда купеческие жены и дочери почти совсем не выходили из дома, и это было в порядке вещей. К тому же женщина очень малограмотна, хотя и стремится по-своему к научному прогрессу. А невежество имеет свойство затемнять сознание!

– Ха! Это она-то – к прогрессу? – засмеялся Иноземцев.

– Именно. Вы ведь понимаете, ребята, что даже если человек и не получил образования – причем не по собственной вине, а согласно существующим обычаям...

– А что, в 19 веке девчонки не ходили в школу? – перебил Кирилла Сашка.

– Ходили, но немногие. И посещали девочки вовсе не школы в нашем, современном понимании, а народные училища. К сожалению, в них можно было получить только начальное образование. Существовали, правда, женские гимназии, но родители Секлетеи Потаповны не пожелали отдать туда свою дочь, считая, что учење для девушки – вещь излишняя. Поэтому Секлетеюшка – ребенок очень живой и сообразительный – получила на дому лишь крохи знаний от проходящих учителей-студентов: одолела чтение, письмо и простейший счет.

– Н-да, – заметила Ковалева, – это сразу понятно по тому, как вдова говорит. Ее речь даже смешнее, чем деревенская. Вот я летом к бабушке в Сосновку ездила. И там некоторые тетеньки до того потешно выражаются! Их иногда сразу и не поймешь. Бабушка мне рассказывала, что на селе женщины с детства постоянно, почти совсем без отдыха работают. Поэтому некогда им, бедным, учиться культуре речи.

Скворец согласно кивнул:

– Твоя бабушка, Светлана, совершенно права. Если ребенок не имеет возможности или просто сил активно учиться, читать хорошие книги, его речь формируется только под влиянием окружающих людей. А купеческое сословие в конце 19 века не слишком-то тянулось к знаниям.

– Но погодите, Кирилл, – перебила я скворца, – Вы же сказали, что Секлетея Потаповна уважает научный прогресс!

– Да, уважает, – Кирилл сердито покосился на ухмыляющегося Иноземцева. – Насколько это возможно, конечно, при ее воспитании. И, разумеется, учитывая нравы общества, в котором она живет. Не забывайте, в этом купеческом доме течет позапрошлое столетие! Больше половины населения России вообще безграмотно. А некоторые государственные деятели твердят с высоких трибун, что образование для женщин вредно.

Сашка поднял вверх указательный палец и изрек:

– О, девчонки! Слыхали? Радуйтесь, что сейчас живете, а не тогда! Ты, Ковалева, и не знала бы, что такое шахматы. А ты, Костина, свои любимые книжки в глаза бы не видела. Так что цените наш 21 век!

– Да мы ценим, Санек, не сомневайся, – нетерпеливо отмахнулась Светка. – Но Вы, Кирилл, говорили про вдову...

– И продолжаю. Зря ты, Александр, улыбался, когда я упомянул про ее желание приобщиться к науке. Кстати, ты и сам лишь недавно начал добросовестно учиться. Не так ли?

Сашка покраснел и опустил глаза. Надо же, Кирилл попал прямо в точку! Откуда только он все про нас знает? А скворец невозмутимо продолжал:

– Так вот, о Секлетее Потаповне. Она действительно любознательна и очень интересуется наукой – разумеется, в тех пределах, которые доступны для нее при столь низком уровне образования. Эта, как вы понимаете, по природе очень неглупая женщина хотела бы знать и гораздо больше, но... Достаточно упомянуть тот факт, что она собрала дома большую библиотеку. Секлетея Потаповна постоянно читает, стараясь понять книжную, как она выражается, «премудрость». Особо отмечу: ведя себя подобным образом, вдова вызывает постоянные насмешки в свой адрес от знакомых кумушек-купчих. Да-да, тех самых убежденных невежд, которые одинаковы в любые времена. В 19 веке они, например, целыми днями только едят, спят да молятся.

– Что, и днем спят? Как детсадовцы? – поразился Сашка.

– Именно! Да и чем им еще заняться, чтобы убить время? Ведь, несмотря на умственную лень, они живые люди и погибают со скуки в своих четырех стенах. Но вот книгу в руки взять совершенно не в силах! Купчихи считают Секлетею Потаповну гордячкой, которая хочет быть умнее их, и упоенно сплетничают о вдове. Причем выдумывают о женщине самые безобразные небылицы – например, о том, что она колдунья и тайная чернокнижница. Потому-то Секле-

тея Потаповна, мол, и читает – а зачем ей еще это может быть нужно? Но в душе болтушки, конечно, завидуют товарке, хотя ни за что в этом не признаются – даже сами себе.

– А чему завидуют-то? – пожал плечами Сашка.

– Очень просто. Каждый тупица в душе понимает: мыслящие люди что-то ведь да находят в книгах. И явно интересное для них, даже увлекательное! – но, к сожалению, недоступное для глупцов. А это обидно! Вот поэтому неучи терпеть не могут людей образованных, да и просто стремящихся к знаниям – из зависти, разумеется.

Я вспомнила о Щуке. Действительно, он нас с Ковалевой ненавидит именно из-за того, что мы хорошо учимся и много читаем. Бедный Ленька, тяжело ему живется!

Сашка нахмурился и пробормотал:

– Ну, я это... В общем, беру свои слова обратно. Эта Секлестея – она продвинутая тетка. Я над ней больше не стебаюсь.

– И не Секлестея, а Секлетея, – поправила его Светка. – Сам научись говорить, потом над другими насмехайся!

Я заметила, что скворец встряхнулся и уже расправляет крылья. Нет! Нельзя его отпускать, не расспросив хорошенько о стране, в которой мы оказались.

– Погодите, пожалуйста, Кирилл, – мой голос звучал мягко-просительно, и скворец с готовностью замер на жердочке. – Люди здесь оказываются из-за своей неправоты, да? Вдова обманывала себя и других невольно, считая ложь правдой. Ну, якобы если покойный отец Мавруши собирался отдать ее за дряхлого Силыча, то так тому и быть. Но, получается, Секлетея Потаповна не особо и виновата, она просто руководствовалась старыми обычаями! К тому же женщина сама признала, что была не права. Тогда почему Секлетея Потаповна до сих пор здесь, а не улетает в свой город? Ее Нелживия не отпускает? Но почему? Ведь Мавруша теперь свободна, она больше не невеста старика, ее брак с Силычем не состоится.

Скворец прямо взглянул на меня глазами-бусинками:

– Опять хороший вопрос, Ирина. Ты верно догадалась. Если вдова отказалась от своей лжи, совершенной по недомыслию, отчего бы женщине не вернуться домой? Но увы! К сожалению, это была не единственная ее ошибка. Секлетея Потаповна нечаянно поддалась и другому заблуждению – гораздо более тонкого свойства. Видите ли, ребята, кривда умеет очень искусно притворяться истиной и привлекать на свою сторону доверчивых людей... Все дело в оттенках, почти неуловимых на первый взгляд. И вот уже ложь торжествует, а человек даже не догадывается об этом. Наоборот, он радуется, как милейшая Секлетея Потаповна, что способствует серьезным научным изысканиям... Я вижу, вы удивлены, друзья. Не спешите пока расспрашивать меня о второй промашке вдовы. Придет время – вы о ней узнаете! И даже, надеюсь, поможете женщине понять, что она по невежеству поверила одной бессовестной обманнице.

– А ее сынок-то тоже, выходит, наврал, если сюда прилетел, – подал голос Сашка, – к своей... хм-м-м... маменьке?

– Ты зря иронизируешь, Александр, – спокойно парировал скворец. – Подобное обращение к матери было обычным в 19 веке. Хотя, разумеется, оно было принято не в бедных слоях общества, а в основном среди дворянства, купцов и интеллигенции. А что? По-моему, звучит неплохо – ласково и почтительно. Насчет Порфирия ты не ошибся. Он действительно солгал, хотя считает себя правым и пока уверен, что иного выхода в сложившихся обстоятельствах не имел. Но его душа – душа честного человека – мучается из-за сказанной неправды, и потому мальчик здесь.

Светка резко подалась вперед:

– Есть еще вопросы. Да, Ир? – я кивнула. – Вы, Кирилл, сказали: мальчик здесь, потому что он кого-то обманул. И его мама, Секлетея Потаповна, прилетела в Нелживию из-за неправоты по отношению к Мавре. Которая, кстати, тоже явилась вместе с тетей – хотя и превратилась в кукушку. А под конец прибыл и Порфирий! Неужели в их городе никто не хватился

трех пропавших людей? Вот исчезла среди бела дня, и ладно? Да Силыч, устав зря стучать в ворота к невесте, скоро выломает их! И дальше что? Старикашка забежит во двор и опупеет: дом исчез вместе с хозяевами! Представляю, какой получится скандал. О пропаже купеческого семейства тут же узнают все их знакомые. А Секлетей Потаповна, ее сын и племянница тем временем будут тут разбираться в своих ошибках. Хорошо, я допускаю: они их поймут и исправят. Но как семейству после этого возвращаться домой? Соседи сразу спросят: а где вы, голубчики, вчера были вместе со своим домом? В Нелживию летали, говорите? Понятно, мы давно подозревали, что Секлетей Потаповна – колдунья, а теперь убедились в этом окончательно. Не будем больше с ней знаться – а заодно и с Маврой и Порфирием! Может быть такое развитие событий, уважаемый Кирилл? И как дальше жить вдове, ее племяннице и сыну, если от них все отвернутся?

– А мы?! – закричала я. – Родители в Омске уже, наверное, с ног сбились, разыскивая нас! Мамы плачут, папы горюют, а найти детей не могут. Как их жалко, бедных, – у меня перехватило горло. – Но даже если эта история закончится хорошо: мы сделаем в Нелживии то, что должны сделать, и вернемся домой – как смотреть в глаза родным? Скажем: попутешествовали немного? Смотрелись по разноцветному тоннелю в одну волшебную страну? Думаете, мамы и папы нам поверят? Да они страшно расстроятся оттого, что их дети оказались наглыми врунами! Не может быть, Кирилл, чтобы Вы не понимали: мы не сможем, оказавшись дома, оправдать перед родителями и учителями свое нынешнее отсутствие там.

Светка спросила со слезами в голосе:

– Лучше скажите прямо, Кирилл: нам не суждено возвратиться на Родину? Мы останемся в Нелживии до конца жизни, да?! Как Секлетей Потаповна, и Мавруша, и Порфирий?

– А также Рыба, Антоха и Паха, – мрачно добавил Саня.

Скворец задумчиво почесал себе лапкой клюв. Мы, затаив дыхание, ждали ответа. А черный умник не торопился. Казалось, Кирилл был удивлен. И точно! Покрутившись на одном месте и заглянув в глаза каждому из нас, птица протянула:

– Ну, вот... Пр-ризнаться, др-рузья, я не ожидал от вас такой явной несообразительности. Р-разумеется, *человек*, попадая в Нелживию, вовсе не покидает места, в котором живет. Это его беспокойная душа летит сюда, желая познать истину. Знайте: душу до конца обмануть нельзя. Она глубоко чувствует правду – и постоянно ищет ее, даже когда мы сами этого не хотим. Часто бывает, что людям спокойнее и, самое главное, выгоднее обмануть себя, прикинуться жертвой обстоятельств и судьбы. Дескать, не соврешь – не проживешь. А души в это время страдают невыносимо! Им больно и тяжело, они мечутся внутри нас, призывая отказаться от лжи и обратиться к правде. Но многие стараются не слышать их, не желают признаваться в собственной низости – а любая ложь, конечно, низость. Именно из-за обмана – вольного или невольного – и происходят многие беды человечества. Соврать, как правило, бывает безопаснее для собственной шкуры и спокойствия, чем сказать правду! И что тогда делать душе? Лететь сюда и освободиться от кривды. Есть еще один очень важный момент. В обычной жизни, пока душа еще не возмутилась и не умчалась от своего хозяина, она вместе с совестью составляет одно целое. Вы понимаете: душа и совесть – хорошие подруги. Это главное, что есть у нас. Без них люди – просто жующие разумные животные. Но вот когда души, незаметно от живущих на Земле, устремляются к истине, совесть становится отдельным существом, крылатым и абсолютно независимым, то есть...

– Птицей, – дружно подсказала мы со Светкой.

– Да. И теперь совесть не дает душе забыться. Она говорит подруге правду прямо в глаза, будит ее. Здесь, в Нелживии, совесть свободна. Она поступает так, как считает нужным, помогая душе отыскать истину. Странно. Я думал, что вы уже давно догадались об этом – еще там, в гостях у вдовы, когда Ирина объяснила Александру: кукушка для Секлетеи Потаповны – то же самое, что я для вас.

– А вот скажите, – влез Иноземцев, – почему вдове известно, что кукушка на самом деле – ее племянница, а Вы нам не хотите рассказать о себе?

– Откровенно говоря, хотелось бы, чтобы мои подпечные без посторонней помощи догадались, кто сопровождает их по Нелживии под личиной скворца. Надеюсь, это когда-нибудь случится. Что еще?

– Ну... – Ковалева громко пробарабанила пальцами по столу. – Мне вот непонятно, почему здесь не хочется ни есть, ни пить, ни...

– Наоборот, – помог ей Сашка.

– Да. Но теперь до меня дошло: душам это все не нужно, – протянула Светка. – А наши тела сейчас в Омске, не заметив улета душ, ходят себе, едят... Даже обидно как-то! И получается, у гостей Нелживии разные птицы?

– Конечно. Ведь люди тоже разные. В сущности, все мы птицы, – непонятно закончил Кирилл и взмахнул крыльями.

– Погодите-погодите, – тщетно пыталась я остановить скворца, – а что Вы там еще раньше говорили про прилет сюда? О том, что с нами тогда случи-ило-ось!

Последние мои слова прозвучали зря. Кирилл их не услышал, потому что уже растаял вдали. Вот, так я и не успела расспросить проводника! До чего же шустрая птица наш гид. Раз – и скрылась из глаз! Ага, интересно... Почему у моих друзей смущенный вид? Сашка, опустив глаза, ковыряет засохший бугорок эмали на столе, а Ковалева наблюдает за ним так преувеличенно-внимательно... Ужасно хочется стукнуть их обоих по макушкам, чтобы очнулись! Но я, конечно, подожду. Не будет же Иноземцев отскрести всю краску от столешницы, устанет когда-нибудь – и вот тогда... А подружка моя тоже хороша, сидит красная как рак и помалкивает. Интересно, долго ли это еще будет продолжаться?!

– Слушай, Ир, ты не сопи, – миролюбиво предложила Светка и откинулась на спинку скамьи.

– И не жми на мою ногу, – поддержал ее Сашка, поднимая на меня взгляд. – Ну да, Костина. Есть кое-что еще. Мы просто не успели об этом сказать.

Я поспешно убрала туфлю с его ступни. Надо же, совершенно не заметила, что давила Сане на поврежденное место. А мальчишка терпел, бедняга.

– Да ты не парься, Костина. Нога уже почти не болит. Но совсем перестанет, как я понимаю, только когда мы тебе все расскажем. Да, Ковалева?

– Да, Иноземцев, – ехидно подтвердила Светка. – И когда ты научишься звать нас по имени, а не по фамилии? Где твоя вежливость? Постоянно грубишь, как... Шука.

– Ну, ты и сказала! – возмутился Сашка. – С кем меня сравнила, подумай.

Я замахала на них руками, чтобы друзья не успели разойтись, и заметила:

– Вы, по-моему, сильно отклонились от темы. Еще и Ленечку вспомнили, не видать бы его еще сто лет! Кажется, вы забыли мне сообщить какую-то важную вещь – но не пойму какую. Мы же постоянно были вместе. Что я могла пропустить?

– Видишь ли, Костина, – неуверенно начал Сашка, но спохватился: – То есть, конечно, э-э-э... Ира...

– Вот как трудно мальчику нормально к девочкам обращаться. Он просто чуть не помер от натуги, – заметила Светка. – А еще стихи читает про кристалл души...

– Я?! Читаю?!

– Да ладно уж, успокойся – я успела рывком усадить на место вскочившего Санька. – Ты лучше о деле говори.

Иноземцев сердито косился на Светку. Я постучала ладонью о столешницу, чтобы он не отвлекался. Но мальчишка не реагировал, а только возмущенно пыхтел. Моя подружка улыбнулась и начала:

– Понимаешь, Ириш, мы действительно не разлучались. Но ты впала в обморок и была не в себе, помнишь? Так вот. Это произошло почти сразу после того, как мы...

– Полетели в школе по коридору.

– Да погоди, Саня. Понимаешь, Ир, ты глаза закатила и вся обмякла...

– И голову набок свесила.

– Да. Ну, мы сразу тебя и схватили под руки, потому что впереди был дверной проем, и нас туда несло. А ты почему-то оказалась чуть выше нас, и тебя бы обязательно стукнуло головой о косяк, если бы мы...

– Не дернули тебя вниз и не удержали.

– Не перебивай, Санек! В общем, миновали мы школьную дверь. Все вроде бы благополучно, несемся дальше над землей. Внизу дома так и мелькают. Потом из города вылетели. Видим, под нами поля, деревушки, леса, дороги. Вокруг, конечно, эти спирали завиваются...

– И трясет так, что мама не горюй!

– Я вцепилась тебе в руку и думаю: «Или я с ума сошла, или это сон. А может быть, все сразу. Не умеем мы летать! Что происходит? Надо это немедленно просечь, иначе...

– Иначе нашей Ковалевой жизнь не в жизнь!

– Конечно, Иноземцев! Папа говорит, что четкий анализ – моя сильная сторона и что в трудных ситуациях надо обязательно размышлять! Сам-то ты...

– Молчи, Ковалева!

– Еще чего! Ну вот, лечу я себе, лечу... С одной стороны ты висишь, уронить Ирочку боюсь, а рука уже дико устала! С другой круги эти пестрые выются, стараюсь на них не смотреть. А то, думаю, вдруг голова закружится? И Саня нас, двух девчонок, не удержит? И свалится дружная компания с высоты вниз...

– Да куда можно было свалиться, Ковалева умная? Нас же внутри этой трубы и несло!

– Ты посмотри на него, Ир! Как ты, Санек, теперь спокойно рассуждаешь, в беседочке сидя! А тогда...

– Не рассказывай...

– Ха, еще чего! Ну вот, несется троица дураков непонятно куда. Мне на Саню даже глянуть некогда. А страшно – просто до щекотки в мозгах! Хорошо, думаю, хоть один мальчик со мной и Ирой... летит. Может, сообразит, как нам на землю спуститься. И голову себе ломаю: в чем прикол? Как вышло, что мы прямо из школы взяли и в небо усвистели? И не понимаю!

– И от этого головой трясу и ногами дрыгаю! – мальчишка в притворном ужасе выкатил глаза. – Происходит катастрофа. Сама Ковалева – и не понимает!

Я слегка хлопнула его ладошкой по лбу, чтобы не мешал Светке рассказывать. Подумать только, что пережили мои друзья! А мне, получается, повезло. Или нет? Ведь я не видела полета – а он был, судя по всему, довольно интересным...

– Погоди, Иноземцев, сейчас до тебя очередь дойдет, – зловеще протянула моя подружка.

Сашка поежился и отвернулся. Забавно! Что же он такого выкинул по дороге в Нелживию?

– Понимаешь, Ир, я от страха уже не могла по сторонам смотреть, а только вперед уставилась и кричу: «Если перестану думать, то конец! Я мыслю, значит, я существую!» Знаю от папы: это сказал один древний ученый – не помню его имени... И вдруг слышу – ты представляешь? – Санек запел!

Светка хихикнула, а Иноземцев густо, до свекольного оттенка, покраснел. Я очень удивилась новым сведениям о Сашке, потому что ни разу, за все время нашего знакомства, не видела его поющим. Иноземцев даже в школе на уроке музыки только губами шевелит – а сам ни звука. Непонятно почему, кстати, – петь так весело и легко!

– И что же ты исполнил, Сань? – с интересом спросила я.

Тот вцепился пальцами в волосы и нагнул голову к самой столешнице.

– Ира, ты не поверишь, – заявила Светка. – Это был «Жаворонок». Ну помнишь, такая грустная-грустная песенка?

Я пожалала плечами. Ковалева удивилась:

– Не знаешь? Странно. Это старинная вещь, ты такими интересуешься.

«Несообразное что-то, – подумала я. – Где старинная вещь, а где Сашка?»

Светка лукаво покосилась на Иноземцева и предложила ему:

– Хочешь, спою?

Саня вскинул голову и погрозил моей подружке кулаком. Ковалева, ясное дело, не испугалась. Видно было, что ее разбирает смех. Но Светка сдерживалась, чтобы еще больше не расстраивать Сашку. Что же это за «Жаворонок»?

– Видишь, Санек, – с преувеличенной заботливостью протянула Ковалева, – Ира не понимает, что ты тогда пел. Надо ей помочь!

Подружка выскочила из беседки, сложила руки перед грудью, очаровательно улыбнулась. Предложила нам:

– Слушайте, как это было, – и запищала:

Лейся, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...

– О-ох, – простонал мальчишка и крикнул: – Перестань!

Светка пожалала плечами и вернулась в павильончик. Взглянув на несчастного Иноземцева, Ковалева села за стол и воскликнула:

– Санек, не переживай! Конечно, мы с Ирой не знали, что ты любитель русских романсов...

– Чего-о?

– То, что ты спел по дороге сюда – русский романс, – хладнокровно констатировала Светка. – Причем исполнил ты его весь, до конца, хотя и дрожащим голосом. И еще руками водил в разные стороны – плавно, как на сцене. Скажи честно, ты в вокальном кружке занимаешься?

– Ты что, Ковалева, мыло ела? Нигде я не занимаюсь! У меня нет музыкального слуха. Это моему отцу сказали, когда я еще в садик ходил. Наша пианистка брякнула папе, что я визжу диким голосом и не умею попасть в мелодию. Приказала, чтобы я на утренниках молчал, когда все поют, только рот открывал. Вот с тех пор я и разеваю его беззвучно.

– Странно, – протянула Светка. – Почему пианистка решила, что у тебя слуха нет? Ты пел совершенно правильно. И так звонко, задушевно даже! И... красиво, Санек, честное слово, хотя голос у тебя дрожал. А почему, кстати? Ты испугался, что ли?

– Да, испугался, Ковалева! Струсил я! Довольна?

Сашка перевел дух и уткнулся взглядом в столешницу. Кажется, он еще больше покраснел – просто малиновый стал, как мамин берет...

Светка постучала себе по лбу пальцем:

– Дурак. Мне-то с чего быть довольной? От твоего признания? Думаешь, мы с Ирой над тобой смеяться будем? Ну, и балбес! Да я сама от страха не знала, что мне делать: или глаза зажмурить и вопить, или в уме шахматную задачку решать! Так ты оттого и пел, Санек, что боялся?

Сашка вскинул глаза и недоверчиво спросил:

– А вы точно надо мной стебаться не будете?

Мы с подружкой молча затрясли головами, уверяя, что не будем. Иноземцев еще чуть передохнул – на этот раз с облегчением – и заговорил:

– Да, я испугался. Подумал, что нам капец пришел. Понимаете, я ведь даже на самолете никогда не летал. А тут! И сам куда-то несусь, и вы рядом в воздухе болтаетесь. А я мужчина. Значит, должен решения принимать, – так мне отец всегда внушал. Но я не знал, что делать! Как приземлиться и спастись? Вы девчонки, вам бояться можно. А мне нельзя, я действовать обязан! А я закоченел от страха, вцепился в руку Костиной и думаю: «Хорошо, что Ирка без памяти и не видит ни этого полета, ни моей паники. Девчонка сейчас точно истерила бы по полной! Она ведь нежная у нас, чувствительная до опупения». Извини, Ира, но я так думал. Уж если говорить правду, то всю, до конца. Но тогда может показаться, что я вроде как рад был твоему обмороку? Нет, Ира! Мне очень жалко тебя было. Только бы, думаю, Костина сейчас не очнулась и с ума не сошла от ужаса! Она ведь даже не поймет, как мы в небе оказались. Как, думаю, там Ковалева? Шахматистка, конечно, покрепче Костиной, но ведь тоже девчонка! Хочу голову к ней повернуть, а не могу: застыл с перепугу. Но глаза кое-как скошил! Смотрю, а Света гордо голову подняла и вперед смотрит. Еще и сердится, орет, вылупив глаза. Но что именно – разобрать не могу. Свистит же все, трещит вокруг!

– Значит, я сильно вопила? – усомнилась Светка.

– Да, Ковалева! Но это и очень хорошо оказалось.

– Чего хорошего?!

– А того: тебе не до меня было. «Вот здоровски! – думаю. – Шахматистка тоже не видит, как я боюсь за нашу летящую компанию». Ну, и... отпустило меня немного. Чувствую, руки-ноги задвигались. Может, прикидываю, попытаться затормозить? И вниз ринуться? Тогда мы вырвемся из колец и на земле окажемся. Может, сильно хлопнемся, но это лучше, чем нестись куда-то до бесконечности.

– А если бы мы разбились? Тогда что? – с любопытством спросила Светка.

– Не знаю, – буркнул Иноземцев. – Я об этом не успел подумать. Я... А, ладно! В общем, стал сдуру вниз смотреть. Короче, место выискивать, где бы нам упасть можно было. И наконец-то понял, на какой огромной высоте мы находимся. Тут уж меня затмило не по-детски! До сих пор это был не страх, а просто мелкая тряска. Как поплыло все перед глазами! Я вроде бы вообще дышать перестал, и тьма на меня навалилась...

– И вот тогда ты, Саня, петь начал, – посочувствовала я. – Да?

– Наверное. Но я не помню! И песенку ту не знаю, про которую Ковалева говорила, даже не слышал ее ни разу. И сказал же, не пою я давно, с пяти лет!

Мы немного помолчали, и я дипломатично предложила:

– Знаете что? Давайте этот вопрос пока замнем для ясности. Но ты, Саня, точно пел, – Светлана врать не будет.

– Конечно! – подняла брови моя подружка. – Да я и не могла бы обманывать, даже если б захотела. Вы помните, где мы? Сейчас бы сразу после моих слов или ливень пошел, или беседка обвалилась. Поэтому, Санек, не сомневайся. Ты пел, как курский соловей. Заслушаться можно было, тем более, что и порхали мы тогда... ха-ха, словно птички, действительно – между небом и землей.

– Но послушай, Ковалева! – возмутился Иноземцев.

Я отмахнулась от него:

– Сейчас не время спорить. Появились новые ребусы! И мы их пока, между прочим, не разгадали. Ты лучше, Саня, поведай, что дальше было.

Иноземцев нахмурился:

– Ну... Я же сказал: затмило меня. Как досюда донеслись, вообще не помню. Но вот когда над этой страной зависли, я уже очухался. Смотрю, внизу красота: зелень, речки блестят, озера голубеют. А мы с Ковалевой по-прежнему Костину под руки держим, и она все еще бледная, с закрытыми глазами. И тут я вспомнил, что боялся! Меня сразу как кипятком ошпарило!

Чувствую, краснею, потому что Ковалева на меня смотрит и смеется, а это до того обломно... Значит, думаю, она заметила, до чего мне страхово было....

– А я смеялась из-за «Жаворонка». Ты, когда его пел, очень напоминал Зайца из «Ну, погоди». Ну, когда он в телевизоре от Волка спрятался. Ты так же жестикулировал и глаза заводил. Просто звезда вокала! Давай, Санек, рассказывай, что ты еще выкинул, пока мы в воздухе над камнем болтались. А то молчишь, скромник.

– Ох, Ковалева, – сжал кулаки Иноземцев, – вредная же ты! Могла бы хоть про этот косяк не вспоминать при Костиной!

– Почему? Я хочу знать все, что тогда произошло, – заявила я. – Свет! Может, ты скажешь правду, если Саня секреты разводит?

– Точно! Вот пусть Ковалева тут и расчесывает про мои дела. А я слушать не буду. Пойду лучше прогуляюсь чуток, а то мне сидеть не месте надоело.

Сашка вскочил со скамьи и вышел из беседки. Оглянувшись по сторонам, он обогнул большой куст сирени и скрылся за ним. Светка проводила мальчишку веселым взглядом и начала:

– Ну вот, слушай. Когда мы долетели до голубого камня – а я его сразу заметила, он ярко блестел внизу! – цветные спирали куда-то исчезли. Остался только воздух вокруг – чистый и будто чуть мерцающий. Мне стало совсем не страшно и даже интересно: куда это мы попали? Было ясно, что путешествие закончилось. Мы живы, не упали и не разбились. Значит, все хорошо. Вот только ты, Ир, пока остаешься в обмороке. И еще непонятно, как на землю попасть!

Светка засмеялась, а мне стало зябко. Да, наверное, к лучшему, что я не видела момент прибытия в Нелживию. Если уж мои друзья – а они люди, в общем, неробкого десятка – пережили жуткий страх... А что было бы со мной? Вдруг бы Ира Костина и правда того – с глазду сдвинулась? Так сказал папа, когда очень рассердился на меня: мы со Светкой в позапрошлом году, зимой, решили проверить свою выносливость и вышли на улицу в летних платьицах и тапочках на босу ногу. А было минус пятнадцать! Погуляли мы, правда, недолго – всего минут пять, но и они показали двум «полярницам» на морозе вечностью! Возвращавшаяся с работы соседка ахнула, увидев посиневших дурочек, и закричала: «Света, Ира, немедленно домой!» Мы с облегчением вбежали в подъезд. Но, конечно, при этом делали вид, что нам этого совсем не хочется! Что закаливание только-только началось, но вот противная тетя Рита взяла и помешала нашей разминке на свежем воздухе! Заскочив в квартиру к Светке, мы долго отогревались горячим чаем, а дрожать перестали, кажется, только через два часа. Но не забывали деланно возмущаться и ругать соседку! Какие же мы врушки были тогда, друг перед другом хвастались дутой смелостью! Вечером, конечно, тетя Рита заявила домой и ко мне, и к Светке и все рассказала родителям. Что было после, не хочется вспоминать... Вот тогда папа и сказал, что если я, уже давно выйдя из ясельного возраста, сделала подобную глупость, то...

– Ир, ты чего задумалась? Страшную картину представила: мы трое в воздухе висим и прыгнуть не можем? Не бойся, это давно было.

– Но как же вы...

– На земле оказались? Вопрос, конечно, интересный. Санек правду сказал: я, пока длился полет, на него внимания не обращала. Больше о тебе беспокоилась: вдруг, думаю, Ира так и не придет в сознание? Что тогда делать? Мы ведь с Иноземцевым помочь ей не сумеем. А еще я не могла от ужаса избавиться. Поэтому старалась отвлечься на мыслительный процесс. А когда поняла, что мы прибыли на место, сразу трястись перестала и думаю: «Интересно, как там себя чувствует Санек? Надо же нам приземляться в конце концов». И вот...

Сверху раздался знакомый скрипучий голос:

– Дор-рогие девочки! Р-разрешите вам помочь нар-рисовать точную кар-ртину того, что случилось в момент пр-рибытия в Нелживию.

Мы подняли головы. Так и есть: сверху на своей жердочке качался Кирилл и косил на нас черным глазом.

– Видите ли, эта стр-рана уникальна. Ее живые силы напр-равлены к единственной цели – установить истину. Стоит сейчас одной из вас сказать: «Хочу увидеть все как было» – если речь идет о прошлом, или «как есть» – если хочется узнать, что происходит в данный момент времени, – и Светлане вообще не придется излагать Ирине недавний ход событий. Известно, что память наша не всегда точна, а язык бывает лукавым – причем без малейшего участия в этом человеческой воли. Рассказчику кажется: он передает информацию правильно, а на самом деле...

– А на самом деле скворец вовсе не скворец, потому что его картавость опять исчезла, – поддразнила я Кирилла. – И он по-прежнему не хочет сказать нам, кем является в реальной жизни, а не здесь.

Птица слетела вниз, села мне на плечо и заявила:

– Ир-ра, ты меня опять р-разочаровываешь, пр-роявляя глупость и лень, котор-рые вообще-то тебе не свойственны. Неужели ты до сих пор не сообр-разила, что в Нелживии истина не дается легко, сама собой? Пр-равду здесь надо упор-рно искать, добывать с тр-рудом и болью, а не хватать готовенькую. Ох, я даже ненадолго потер-рял вер-ру в человечество. Потому в мыслях и удалился от него, и опять закар-ртавил...

– А не надо терять в нас веру! – пропела Светка. – Мы небезнадежны, как говорит мой папа. Так что же насчет объективной картины происшедшего? Говорю: «Хочу увидеть все как было!»

Что-то мягко зашумело слева от беседки. Мы вскочили и бросились вон из павильончика. Скворец вылетел следом и уселся на перила у входа. На поляне, в нескольких метрах от нас, разворачивался огромный экран. На нем я увидела знакомые чистые краски Нелживии и лазурный камень, возле которого ко мне вернулось сознание. Но на экране мы – все трое – были еще в воздухе, легко плавая над поляной.

Н-да, ну и вид у Иры Костиной... Обвисшие руки и ноги. Запрокинутое лицо будто выбелено мелом. Друзья держат меня за локти, изумленно озираясь по сторонам. Вот Сашка глянул вниз и в ужасе зажмурился. По его телу прошла дрожь. Сейчас мальчишка отпустит мою руку, и я упаду! Ведь одна Светка не удержит потерявшую память подружку... Но нет: Иноземцев еще крепче, как тисками, стиснул пальцы на моем предплечье. Я перевела дух...

Светка с любопытством смотрела сбоку на Санька – видно, прикидывала, что будет дальше. И тут... Сашка широко раскрыл глаза, вскинул голову. У него был вид человека, решившегося на безрассудный шаг. Мальчишку будто сильным порывом ветра оторвало от нас с подружкой и отнесло немного в сторону и вверх. И что интересно, мы со Светкой не нырнули вниз, а висели на прежнем месте! И Ковалева без труда держала меня под руку. Ее взгляд был прикован к Сане, с которым действительно творилось что-то непонятное. На лице мальчишки застыла странная улыбка. Руки Санек сложил перед грудью в замок по примеру оперных певцов. И вот... понеслось! Иноземцев вздохнул и запел:

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.
Не видать певца полей,
Где поет так громко
Над подружкой своей
Жаворонок звонкий...

У меня голова пошла кругом. Ясное дело, Санек кратковременно спятил от страха! И откуда у Иноземцева взялся столь высокий и сильный голос? И песня... Теперь я узнала ее. У нас дома на компьютере есть записи Большого детского хора Всесоюзного радио и Центрального телевидения – был когда-то в Советском Союзе любимый всем народом коллектив. И пели те хористы действительно замечательно – это было давным-давно, в папином и маминном детстве. Родители и сейчас любят их слушать. И вот, в наших домашних записях есть «Жаворонок»! Романс на диске выводит чистый детский голос. Но делает это совсем иначе! Проще, строже и сдержанней.

А Сашка пел так жалобно, так закатывал глаза и дрожал, что хотелось плакать... Ага, вот он начал второй куплет и стал водить руками, как рассказывала Светка. Интересно, что она сама в тот момент делала? А Ковалева, оказывается, хохотала во все горло, глядя на музицирующего Саню. Про меня Ковалева вообще забыла, отпустила руку лучшей подруги! А я в двух шагах от нее болтаюсь в воздухе...

– Ты почему меня бросила? – сердито спросила я настоящую Ковалеву рядом с собой. – А если бы я упала и разбилась?!

– Нет, – отмахнулась подружка, увлеченно наблюдая за происходящим на экране. – Такого не могло быть. Мы трое, прилетев, плавали в воздухе без всякой опоры и даже не думали падать – ни вместе, ни поодиночке! Сила земного притяжения отчего-то не действовала на нас, понимаешь? О-о-о, смотри!

Подружка восторженно тыкала пальцем в Сашку. Я взглянула, и у меня перехватило дыхание. Иноземцев стал... девочкой! На его голове красовалась розовая шляпка с лентами, завязанными на шее бантиком. Из-под шляпки на плечи спускались – подумать только! – две тугие косички соломенного цвета. Откуда они взялись у черноволосого Иноземцева?! Саня был теперь одет в длинноватое, ниже колен, пышное платьице с воланами. Из-под платья виднелись панталоны, обшитые кружевами. На ногах поблескивали шелковые туфельки. Мальчишка старательно выводил романс. На лице Иноземцева играла блаженная улыбка. И, честное слово, он нас со Светкой в упор не видел, вообще не замечал! Хорош друг, нечего сказать! О, вот это да... Сашка, по-прежнему стоя на невидимой сцене, пискнул в последний раз, жеманно вздохнул и, приподняв пальцами края платья, присел в реверансе. Ковалева от смеха закрыла лицо руками. А я рядом с ней нахожусь в обмороке! Я покосилась на настоящую Светку. Она и теперь, представьте, хихикала, во второй раз наблюдая наше появление в Нелживии.

6. В чем же правда?

– Эт-то что? – свистящим шепотом спросил у меня за спиной Сашка.

Видно, он незаметно подошел к нам сзади. Не вытерпел, дружочек, прибежал посмотреть, что здесь происходит! Иноземцев грубо растолкал меня и Ковалеву в разные стороны и заорал:

– Ну и страна! Называется красиво! А сама врет! Не было такого никогда, чтоб я девкой стал!

Огромная шишка, упав откуда-то сверху, стукнула Санька по голове. Мальчишка охнул, сел на землю. Мы с подружкой едва успели поддержать Иноземцева, чтобы он не свалился навзничь. Все втроем мы опустили на траву. Светка мотнула головой на экран и сказала:

– Смотри дальше!

Так, интересно. На живой картине кое-что изменилось. Ковалева там уже не хохотала. Она смотрела, как Иноземцев стремительно принимает свой обычный – мальчишеский – облик. Исчезли светлые косички, растаяла в воздухе девичья одежда, заменившись на пиджак, рубашку и брюки. Пропали и туфельки, и легкомысленная шляпка. Я обрадовалась: это был уже самый настоящий хмурый Сашка, которого я давным-давно знаю. Он, словно очнувшись, потерянно озирался вокруг. Наконец взгляд мальчишки упал на землю далеко под ногами. Иноземцев вздрогнул, попытался схватиться рукой за воздух и внезапно рухнул вниз. Светка, повернувшись, вцепилась мне в руку. Вспомнила наконец-то о подруге – и вовремя! Мы полетели следом за Сашкой – но гораздо более плавно, в щадящем режиме. Сашка внизу вскрикнул и застонал. Через несколько секунд мы с подружкой оказались рядом с ним, и Светка бережно уложила меня на густую траву. Потом, обернувшись к Иноземцеву, спросила:

– Ты чего?

Мальчишка сидел, зажмурившись от боли. Все, что сумел наш друг в эту минуту, – показать пальцем на безобразно вывернутую ногу. Светка сочувственно покачала головой и хотела, кажется, что-то сказать Сане, но в последний момент передумала. Видно, побоялась лишний раз тревожить раненого. Прошло немного времени в молчании. Иноземцев шевельнулся и забурчал:

– Говори, Ковалева. Что произошло? Я как будто отключился. Помню только: мы сюда прилетели и над поляной зависли. Дальше – туман.

Светка отвела взгляд и протянула:

– Ну-у... Да ничего не было, Санек. Плавали в воздухе, да и все. Ты сам видел.

– Не ври, Ковалева, – строго сказал Сашка. – Я что-то пропустил. Я же слышал, ты смеялась, как дурочка из переулочка. Быстро говори!

Светка зачатила:

– Отстань, Иноземцев. Ты чего такой вредный стал? Моя баба Лиза сказала бы: заполошный!

– Ты на свою бабушку стрелки не переводи, – настаивал мальчишка. – Она тут ни при чем. Ты одна все видела. Костина, вон, до сих пор в отключке...

– Вот именно, – Светкин голос приобрел твердость. Ира без памяти, а ты ко мне со всякой ерундой лезешь. Ничего я не знаю, Санек. О-ой!

Какой-то большой жук, пролетая мимо, чиркнул жестким крылом по лицу Ковалевой. На коже сразу появилась кровавая царапина. Подружка схватилась за щеку и заныла. Иноземцев моргнул, потянулся было к Светке, чтобы похлопать ее по плечу, но дернулся от боли в ноге и опять откинулся назад. Потом предложил:

– Ты вот что, Ковалева. Кончай себя жалеть. Мы-то в нормальном состоянии – только чуть поранены. А Костина вообще не в себе! Ты там ее похлопай по щекам. Надо же Ирке помочь. А то вдруг она вовсе из обморока не выйдет?

Светка засуетилась и принялась тереть мне щеки и виски. Но я осталась лежать в неподвижности. Мои друзья расстроено переглянулись. Сашка сказал с напускной бодростью:

– Ладно, Ковалева, не парься. Кажется, в таких случаях нашатырь дают нюхать, но у нас его нет. Подождем. Давай только переместимся вон к тому камню – видишь, голубой, как небо осенью? Надо, чтобы у Костиной голова в тени оказалась, тогда она быстрее очнется. Ирке прохладнее будет, понимаешь? Я идти не могу, просто буду здоровой ногой сидя отталкиваться и ползти. Ты бери Костину за левый локоть и тащи, а я за правый. Давай!

Друзья медленно поволокли меня к камню и наконец уложили в тени. Сашка прислонился спиной к боку скалы и откинул больную ногу. Светка примостилась рядом. Про ободранную щеку она, похоже, забыла и тревожно наблюдала за мной. Потом сказала:

– Смотри, Санек. У Иры, кажется, губы порозовели. Она приходит в сознание!

Задремавший было Иноземцев проснулся и с готовностью подтвердил:

– Ну да, ты права. Вон у нее ресницы дрогнули.

Светка и Сашка опять уставились на меня...

Как странно и – стыдно! – мне было наблюдать эту сцену со стороны! Я хорошо помнила, что в тот момент уже вполне пришла в себя, но боялась показать это. Почему – не знаю, но страшно было не на шутку, просто до тошноты! Будто бы подобное уже случалось со мной раньше, и я четко понимала: если признаюсь, что вышла из тьмы, произойдет что-то непоправимо ужасное... Но нет, бесполезно! Я и сейчас не могла понять свое тогдашнее поведение. Обморок-то со мной случился тогда первый раз в жизни! Ага, вот меня укусила оса, и я сразу подскочила.

Настоящий Иноземцев, которого мы с подружкой, сидя на траве, держали за руки после удара по темени шишкой, потряс головой и пробурчал:

– А я все понял, девчонки. Хотя нет, не все, но...

Огромный экран перед нами тут же погас. Не зря, наверное. Мы должны были срочно выслушать Сашку!

Он, чуть покраснев, высвободил свои локти и заявил:

– Дело ясное. Здесь и правда нельзя лгать. Поэтому, Ковалева, ты и получила царапину на щеке. Ты же обманула меня! Сказала, что ничего особенного не было. А я про жаворонка пел! Да еще девкой стал, с ума спрыгнуть можно! Вот и получила ты по физиомордии, поняла? Чтoб больше не врала. И не смеялась надо мной.

Светка подхватила с земли, отбежала на несколько шагов и стала, уперев руки в боки. Кажется, прежде я не видела свою подружку настолько рассерженной! Презрительно оглядев Сашку сверху вниз, она начала атаку:

– Посмотри, Ир, на этого тормоза! Во – первых, Иноземцев, что это еще за слово – девка? Я в первый раз подумала, ты его просто от злости, случайно сказал. А ты опять! Не знала я, что ты такой гад и считаешь девочек кем-то ниже себя. Но зачем тогда тебе с нами дружить?! Иди вон к Шуке, он-то не *девка*. Он настоящий, правильный *пацан*. Да, Сашенька? Давай, дуй к Рыбе и к Мухину с Акимовым. Они ведь где-то здесь, недалеко. Будешь у Ленечки третьим слугой.

Иноземцев неудержимо залился краской! Ага, проняло тебя, реального пацана? Мальчишка сжал кулаки и стал приподниматься над землей. Я рывком вернула его на место и спросила, глядя прямо в лицо Саньку:

– Что, не нравится, настоящий *мужчина*? А ведь Света правду сказала. И чего ты подскочил?

Сашка долго переводил взгляд с меня на Светку. Потом пробурчал:

– Ладно, Костина, ты права. Девчонки ничем не хуже пацанов. Просто этим словом многие... ну, из нас... вас называют.

– Не многие, а самые тупые и наглые, – отчеканила Светка. – И самые жестокие – вроде Шуки. Согласен?

– А когда эти *пацаны* вырастают и становятся большими дядьками, они начинают звать женщин бабами, – ехидно добавила я. – Оставаясь при этом такими же дураками, какими были в детстве, даже еще хуже. Замечал?

– Ладно, девчонки, сдаюсь! Извините дурачка за грубость! – завопил Иноземцев. – Но все равно ты меня обманула, Ковалева, вот и...

Невыразимо приятный звук вдруг наполнил пространство вокруг нас, будто кто-то тронул серебряную струну. У меня от радости запело сердце глубоко-глубоко в груди. Светка и Санек заулыбались, оглядываясь по сторонам.

– Что это? – спросил Иноземцев. – Как красиво звенит...

– А это вы, все вместе, начали выяснять истину. Честно и не кривя душой. Нелживия подает вам знак: так держать! Молодцы, ребята.

Конечно, Кирилл был тут как тут. Скворец весело качался на веточке рядом с нашими головами, а мы и не заметили, когда он подлетел.

Светка сузила глаза и прислонилась спиной к стволу дерева. Наверное, искала поддержки у Нелживии.

– Значит, я обманщица, Санек? И меня за это жук оцарапал? А вот ты сейчас шишкой по башке получил – это как? Мальчику, наверное, дали приз за честное поведение?

Вы не поверите, но Иноземцев просиял! Почесав ушибленную голову, Сашка затарахтел:

– Вот, наконец-то дошло до тебя, Ковалева! Понятно, что шишка в меня не случайно вмазалась! Смотрите, она же кедровая. Нам отец такие всегда с Севера привозил, пока на вахте работал. А мне он на картинке кедр показывал, и я знаю, что это за дерево. А ну скажи, Костина умная, где тут рядом кедр?

Так, лихорадочно соображала я, это хвойное дерево, растущее в тайге. И достигающее огромных размеров. Я оглянулась вокруг. Да ведь тут одни сосны и ели, их-то я хорошо знаю! Стоп! Вон там, далеко, вздымается вверх темно-зеленая громада... Была не была! Я ткнула пальцем в неизвестное дерево.

– Молодец, Костина, – кивнул Санек. – Уважаю. Все знаешь, обо всем читала. Но тогда скажи, почему эта шишечка здесь-то оказалась?

Он выразительно покачал на ладони увесистый кедровый плод. Я не успела ничего ответить, как Светка шагнула навстречу Иноземцеву и сказала:

– Точно, ты прав. Шишка тяжелая, а кедр вон где находится, метров за пятьдесят от нас! И ветра почти нет, тихо. Значит, это тебе наказание за обман? За то, что ты неправду про Нелживию орал?

– И во вр-ранье ее обвинял! – строго каркнул скворец.

– Ну да! – расставил руки Сашка. – А чего мне не орать-то? Я точно знаю, что песенку про жаворонка не пел. И уж тем более никогда под девку... м-м... девчонку не косил.

– Но тогда где же истина? – осторожно поинтересовалась я, на всякий случай оглянувшись. – Кто из вас врет – ты или Нелживия?

Странно, но ничего плохого со мной не случилось. Видно, предполагать здесь можно что угодно – только обманывать нельзя. Санек сокрушенно вздохнул и покачал головой:

– Получается, мы здесь находимся... э-э-э... посреди правды. И она нас постоянно контролирует. Но тогда выходит, я с ума сошел. Взял и нарядился в платье, нацепил кружевные штаны, шляпу дурацкую и пошел себе на сцену романсы петь... Да еще перед этим косы себе отрастил белобрысые.

Бедного Сашку передернуло. Он с надеждой переводил глаза с меня на Светку и обратно – ждал объяснений. Мы ошеломленно молчали. Потом Ковалева разлепила губы и добавила:

– А еще потом, сорвав аплодисменты и крики «Браво!», ты ушел без шапки в ночь холодную и сразу, навсегда забыл про свое выступление. И публика, как ни странно, тоже о тебе забыла, Санек. Ведь никто позже не вспоминал о том концерте, верно? Не хвалил твой голос и артистизм? А это еще более странно – ведь пел ты просто прекрасно! Я уверена, что в зале все рыдали...

– Издеваешься, да?! – прошипел Сашка. – А я еще с ними, как с понимающими людьми! Вот сейчас...

Он двинулся к Ковалевой. Я встала между друзьями и спокойно сказала:

– Иноземцев, не бухти. Ты все не так понял. Света просто ищет логику в твоём... дебюте. И не находит. Действительно, ты не мог петь на сцене романс, да и не помнишь ничего подобного. Мы тоже об этом не слышали, а живем-то все в одном доме и учимся вместе. Все равно какие-то слухи о концерте обязательно просочились бы, понимаешь? Ну и муть зеленая получается!

– Зато другое мне ясно как белый день, – протянула Светка. – Ты и тогда, в первый раз, не случайно упал и подвернул ногу. Это было тебе наказание за обман во время пения!

– Чего? – опешил Иноземцев. – Я, по-твоему, слова перепутал или музыку перевернул? У-у-у...

Сашка схватился руками за голову и завыл. Скворец слетел с ветки и сел ему на плечо. Поддерживал мальчишку. Светка упрямо продолжала:

– Нет, дело в чем-то другом. Пел ты, Санек, безупречно. У моей бабушки в деревне есть соседка. Она сказала бы: «Как божий ангел», то есть ангел, понимаешь? Она ангелами всех детей считает.

Иноземцев удивился:

– Всех?!

– Да, – подтвердила Светка. – Эта тетя Маша говорит, что если дети и грешат, то поневоле. И в этом взрослые больше виноваты, чем они сами.

Сашка пробурчал;

– Полнейшая ерунда, по-моему. Но ты, Ковалева, не увиливай от ответа. Ну, и в чем я соврал перед тем, как свалиться на землю?

Подружка нехотя призналась:

– Не знаю, Санек. Не могу понять. Но ложь в твоём поведении была. Потому что эта посылка логически объясняет все. Ты прав, жук действительно ободрал мое лицо не зря. Я тебя обманула.

– Ага! – Иноземцев торжествующе ткнул в Ковалеву пальцем.

Кирилл сразу снялся с Сашкиного плеча и перелетел на Светкино. Теперь, значит, он сочувствовал моей подружке? Да, ей и правда приходилось нелегко. Мучительно покраснев, Ковалева крикнула:

– Да, обманула! Чтобы ты не расстроился! Ты был ужасно смешной, когда в певичку превратился и пищал романс! Я подумала: может, ты надеешься, что я ничего не видела? Ну, вроде как скрыть хочешь свое выступление в девчачьем платье? Потому и спрашивал с наивным видом, что случилось. Ну, я и решила тебе подыграть. Меня будто толкнуло прямо в сердце: не говори правды, не приноси горя другу...

Сашка глухо кашлянул:

– Так ты поэтому наврала? Спасибо, Ковалева. Не ожидал. Ты иногда такой язвой бываешь от ума своего – все тебе надо проконторить и нам с Костиной по пунктам выдать. Причем сразу, не откладывая. А тут...

Светка махнула рукой и отвернулась. Кажется, на глазах Ковалевой были слезы. Кирилл на ее плече приосанился и одобритительно свистнул. Честное слово, скворец гордился Светкой, да и Сашкой тоже! – он ласково косился на моих друзей своим блестящим глазом! Но тогда...

– Правильно, Ира! Теперь и тебе надо признаться во лжи, – секундой позже скворец сидел уже на моем плече. – Это трудно, девочка, но ведь Светлана с Александром сумели переломить себя ради драгоценной истины. И теперь им легко и свободно дышится, верно?

Ковалева с Иноземцевым улыбнулись и кивнули. Эх, была не была! Почувствовав, как у меня загорелись щеки, я пробормотала:

– Да, я обманула. Когда мы прилетели сюда, я не сразу показала вам, что уже очнулась от обморока.

– Зачем? – удивился Иноземцев.

– Страшно было, Саня! – с облегчением крикнула я. – Понимаешь, меня просто корежило от ужаса!

– Ну, конечно, – посочувствовала Светка. – Ира ведь до этого была как во тьме, а значит, вообще не понимала, где она и что происходит. Мы-то с тобой, Санек, и над поляной повисели, и оглядеться успели.

– И над друзьями посмеяться! – сердито буркнул Иноземцев. – Понятно, Ковалева. Мы с тобой тогда уже привыкли к Нелживии, а Ирка ее только-только увидела и перепугалась странной местности.

– Нет, мои ощущения были другими, – я подыскивала слова. – Я словно бы точно *знала*, что мне нельзя шевелиться и открывать глаза. Иначе, если увидят, что я пришла в себя, произойдет несчастье!

– Интересно, какое? – заволновалась Светка. – И я ведь тоже... Я определенно знала: нельзя Саньку говорить, как он только что выглядел и что творил! Иначе может случиться непоправимое горе. В результате мы с тобой обе соврали и огребли за это: я от жука, а ты – от пчелы.

– Погодите, погодите, – замахал руками Сашка. У него был вид человека, озаренного счастливой догадкой. – Теперь все сходится! Мы втроем соврали сразу после прилета в Нелживию, и она нас наказала за ложь. Потом я еще раз сказал неправду про эту страну и получил шишкой по башке. Ты была права, Ковалева. Зря я на тебя наезжал, признаю. Но в чем я наврал, когда пел?! Скажите мне, пожалуйста!

Скворец, оттолкнувшись коготками, вспорхнул с моего плеча и снова уселся на ветку ели. Мы напряженно смотрели на него, ожидая ответа на Сашкин вопрос. Птица-то его знала! Но Кирилл, казалось, не обращал на нас внимания и спокойно чистил перышки.

– Ну, и не надо! – крикнула Светка. – Сами догадаемся!

Я предложила:

– Знаете что? Давайте пойдем назад в беседку. Я устала стоять, а на траву садиться неохота. Вдруг опять соврешь нечаянно...

– И от цветочков прилетит тебе по репе, – усмехнулся Иноземцев. – Не надейся, Костина, что в беседке ты спасешься, если будешь туфту гнать. Нелживия вранья не простит. Она, не забывая, сама нам этот домик подарила. А за что? За правду. Поэтому, в случае чего, может и назад его отобрать.

Ба-бах! Большой шар со свистом врезался в Иноземцева. Сашка упал, обливаясь кровью. Мы со Светкой в страхе бросились к нему. Кто посмел стрелять в нашего друга?! Я трясущимися руками расстегнула на мальчишке рубашку, боясь увидеть под ней ужасные раны. Светка, заплакав, приподняла Санину голову и осмотрела ее. Иноземцев был цел и невредим. Кажется, обошлось.

– Что это? – тихо спросил Сашка.

Бух! Второй снаряд попал в ствол старой сосны, под которой мы были. Гулко лопнув, он забрызгал нас густой красной кровью, и все замерли от ужаса. Светка осторожно провела пальцами по моей щеке и сказала:

– Кетчуп. Старый киношный трюк. А мы на него глупо попались.

Я увидела рядом, на испачканной томатами траве, какие-то клочки, подняла их и стала разглядывать. Иноземцев рывком приподнялся и сел. Раздраженно стряхивая с лица и плеч красную кашу, Сашка ткнул пальцем в лоскуты:

– Это воздушный шарик. В него налили кетчуп и потом надули. Вроде шар обычный, резиновый. Почему же он мне здоровенным показался, просто как бомба?

– Потому что у страха, как известно, глаза велики, – назидательно прокаркал в двух шагах скворчинный голос.

Кирилл, как ни в чем не бывало, стоял рядом, под высокой ромашкой, и смотрел на нас. Бах! Следующий шар чуть не сбил его самого, но птица успела вовремя отпрыгнуть. Зловредный «снаряд» долетел до куста цветущего шиповника, наткнулся на колючки и шумно лопнул, выпустив из себя кетчуп. Сашка вскочил и заорал:

– Это кто тут муму гонит?!

Прямо перед нами, за густыми высокими кустами, раздался залиvistый смех. Видно, кто-то долго сдерживался, чтобы не захохотать раньше времени, но теперь дал себе волю! Так, к нему присоединились еще двое весельчаков. А из-за веток видно какое-то бревно с черным отверстием на срубе. Пушка, что ли?

Светка с досадой ударила ладонью по еще влажному стволу дерева и отчеканила:

– Там Щука, а с ним Мухин и Акимов!

Мы с досадой переглянулись. Только троицы дурбеней здесь не хватало! Интересно, как они нас нашли? И кто из балбесов придумал пулять шарами с кетчупом – да еще довольно ловко? Ни один из этих мальчишек, что называется, звезд с неба не хватает...

– Эй! – крикнул Сашка. – Выходите сюда! Или вам страхово?

Из-за кустов вынырнули три головы. Враги больше не прятались. Они вразвалку шли в нашу сторону. Акимов небрежно помахивал портфелем. Вид у мальчишек был довольный и, на мой взгляд, нестерпимо наглый. Как же, всех они победили и напугали! Мы сдвинулись вместе и встали плечом к плечу. Сейчас опять будет потасовка, подумала я, а драться ужасно неохота. Но недруги, к сожалению, застали нас врасплох и теперь не отвяжутся. Вот они, ухмыляясь, остановились в трех шагах от нашей компании.

– Что, ботанички? – спросил Щука. – Наложили в штаны?

– А не пошел бы ты лесом? – поинтересовалась Светка. – Смотри, Ленчик, сколько его кругом. Самое место для тебя и твоих... м-м-м... так называемых друзей.

– Почему – так называемых? – удивился Мухин.

– Да потому что у зверюги друзей быть не может, – пояснила я. – Только прихвостни – вроде вас. И держать хищника надо в клетке, подальше от людей, чтобы он им жизнь не портил. В крайнем случае пусть животное обитает в лесу. Здесь оно никому не повредит. А с вами, двумя шакалами, зубастому все-таки не скучно будет.

Ленька знакомо ощерился и выставил вперед кулаки. А вот Мухин и Акимов, похоже, растерялись. Не ожидали, наверное, что их посчитают мелкими волками.

– А сами-то вы, девчонки, кто? Крольчихи очковатые, – неуверенно протянул Антошка. – Перепугались, когда Зема кровушкой залился!

– Да, – махнула кудрями Светка, – мы перепугались. Но за друга, не за себя. Разницу ощущаешь?

Это было слишком сложно для Акимова. Он выпятил губу и задумался. Хорошо, одним врагом меньше! Я, не теряя времени, опять пошла в атаку.

– Ну а ты, Павлу-уша, – ласково пропела я, – разве смеешь рот открыть, если Щуки рядом нет? Молчишь благоразумненько. Стоишь столбом, боишься двинуться – как бы чего не вышло! Только глазами по сторонам водишь – прикидываешь, куда бежать в случае чего...

Договорить я не успела. Побагровевший Пашка кинулся на меня и уже занес руку для удара, но Иноземцев ловко, всей пятерней, ткнул его в лицо, и Мухин упал навзничь. Сашка, шагнув вперед, сразу прижал драчуна ногой к земле и гаркнул:

– Лежать!

Тот замер. Светка схватила меня под руку, и мы надвинулись на Леньку – чтобы не выкинул какого-нибудь фортеля! Шука машинально отступил и, споткнувшись, тоже брякнулся наземь.

– Шеф, отползай! – крикнул Акимов и бросился бежать.

Куда только делась его тупая задумчивость! Антошка улепетывал, сверкая пятками. Раздутый портфель колотил его по ногам. Поле битвы осталось за нами. Правда, Шукин и Мухин уже вставали, пряча глаза, но желания возобновить драку вроде бы не выказывали...

Хотя кто их, негодяев, знает? На всякий случай мы сдвинулись в одну линию, держа оборону. Светка сказала:

– Враг позорно бежал. Победа осталась за нами!

Мы смотрели, как здоровенный Ленька и мелкий Пашка подчеркнуто тщательно отряхиваются, не смея смотреть в нашу сторону. Обидно дурбеньям, конечно. Надо же, получили отпор от одного мальчишки и двух жалких «ботаничек»! Да еще Акимов смылся – настоящий «друг»! Светка подлила масла в огонь.

– И где наш друг, наш третий друг? – насмешливо спросила Ковалева. – Наверное, зализывает раны, полученные в бою. Мне одно интересно: как вы, тупицы, сумели достать где-то пушку и даже выстрелить из нее? И откуда здесь, в лесу, взялись воздушные шары с кетчупом?

Мухин выступил вперед.

– А они у нас с собой были! – радостно заявил он. – Еще со школы.

– Зачем вы притащили шары в школу? – удивилась я.

– Шеф велел. Сказал, что Робик с Кешкой в последнее время его достали и совсем страх потеряли. Значит, надо с маленькой Гаспаряшкой разобраться...

Шука рванул его за плечо:

– Чего разорался?! Замолкни!

Пашка втянул голову в плечи. От возмущения я невольно сжала кулаки и крикнула:

– С кем разобраться?! С второклашкой? Да ведь сестра Гаспаряна вам ничего не сделала! Она совсем маленькая, а вы трое здоровых ослов!

– Шакалье позорное! – бухнул Иноземцев. – Правильно про вас Костина сказала...

Внезапно Сашка прыгнул вперед, сгреб Шуку за ворот его модной рубашки и прижал к стволу ели. Мы с подружкой подскочили к ним, еще не понимая, чего хочет наш друг от Леньки. Иноземцев, согнув колено, притиснул к дереву Ленькину ногу. Шука обалдело ворочал по сторонам глазами.

– Говори, рыба морда, – отчетливо, чуть не по слогам произнес Сашка, – что вы хотели с девчонкой сотворить. Ну!

Ленька попытался вырваться, и тогда Иноземцев, отведя ногу назад, с силой ударил его коленкой в бедро. Мы с подружкой ахнули. Шука заорал и обмяк в Сашкиных руках.

– Больно, Ленчик? – зло спросил Сашка. – Ясное дело. Ты только других любишь бить, да послабее себя, да втихушку. А сам-то еще, наверное, и не получал ни разу как следует? Конечно! Папочка у тебя культурный, только словами воспитывает. Мамочка пылинки с сынка сдувает. А во дворе и в школе ты главный бычара, да? На, еще схлопочи!

Иноземцев сбоку двинул Шуку кулаком в ухо. Ленька завыл. Вконец перепуганный Пашка бросился бежать, как недавно Антон, и тут же исчез за деревьями.

– Саня, хватит, – сказала Светка. – Отпусти его.

– Скажет – отпущу, – огрызнулся Сашка и угрожающе приставил кулак к носу Шуки.

Тот рванулся, но Иноземцев мгновенно среагировал и так притиснул Леньку к стволу, что наш враг стал задыхаться. Мы с подружкой попытались оттащить Сашку назад, но где там! Он стоял, как скала во время шторма, а Ленька тихо хрипел.

– Не бойсь, Рыба, не помрешь, – пробурчал Иноземцев и чуть отпустил незадачливого Шуку. – Но если не скажешь...

– Да скажу, скажу! – заорал Ленька.

Мы со Светкой вздохнули. Ну, кто бы мог знать, что Иноземцев способен так жестко давить на парня, который гораздо сильнее его! Конечно, Саня никогда не был ангелочком, но все же... Вот и сейчас он, очевидно, ни на грош не верил Шуке. Иноземцев продолжал держать Леньку за ворот, глядя прямо в глаза нашему врагу.

– Мы с Гаспаряном еще с весны рамсуемся, – торопливо заговорил Щукин.

– Это мы знаем, – процедила Ковалева. – И как ты его обозвал ни за что, и над его сестрой издевался, и как тебя за это «гэшки» бить хотели – правильно, между прочим! Но с какого бока тут вообще Робикова сестренка? И зачем вы перли сегодня с собой шары и кетчуп?

– А чего?! – оскалил зубы Щука. – Эта девка все равно припадочная! Подумаешь, одной малявкой в школе меньше станет!

Сашка при этих словах яростно ударил Леньку головой о дерево, и Щука мешком свалился вниз. Глаза его разъехались в разные стороны, а пальцы судорожно цеплялись за траву, пытаясь найти в ней опору. Мы со Светкой, не сговариваясь, ринулись на Иноземцева и отодрали его от Леньки, рывком усадив упрямого мальчишку на землю. Щука забубнил:

– Да чего вы привязались? Это я просто гоню, чтоб Зему позлить! Мы же девчонку не убивать собирались! Просто пугнуть хотели, чтобы Робик больше на меня не возникал.

Сашкины руки опять потянулись к Шуке, и нам пришлось схватиться за мальчишек с двух сторон, иначе Леньке опять пришлось бы худо. Иноземцев буркнул:

– Дальше!

Ох, как трудно было Шуке продолжать! Я изумилась, увидев, что у него забегали глаза. Это у подлой-то Рыбы! Светка в сердцах ткнула Леньку каблуком в щиколотку, и он выдавил:

– Ну, Паха должен был подойти после четвертого урока к их кабинету... И начать надувать шары, чтобы малышки поближе подошли, и Гаспарянова сеструха вместе с ними...

– Заманить, значит, несчастных деток, как ведьма в сказке? – не выдержала я.

Меня затрясло от возмущения, и так захотелось сказать Сашке: «Шарахни мерзавцу еще! Мы мешать не будем».

– Да какая ведьма? – забубнил Щука. – Мы детей не едим. Просто, когда Гаспарянова сеструха протянула бы руку за шариком – глупая же еще! – Антон быстро подошел бы сбоку и плеснул кетчупом ей в лицо. Девчонка перетрухала бы, подумала, что это кровь...

– И с ней бы случился припадок? – задуманно спросила Светка. – И Робик перестал бы, боясь за сестру, прямо говорить, кто ты есть на самом деле, гад ползучий?

Подружка размахнулась и со всей силы влепила Леньке справа звонкую оплеуху! Я, больше не сдерживаясь, ударила его слева! Моя затрещина оказалась сильнее, и Щука упал из сидячего положения вбок. Он со стоном перевернулся на живот, распластался на траве, закрыл голову руками. Мы переглянулись, тяжело дыша. Подлость Ленькиного плана пробирала нас насквозь. Хотелось просто взять и убить гадючую Рыбу! Мне казалось, что я до ушей вывалилась в липкой грязи. У Светки с Сашкой, наверное, было похожее ощущение, потому что нам всем – нам, а не Леньке! – было стыдно смотреть в глаза друг другу. Хотелось зарыться в землю от позора за Шуку – хоть и мерзавца, но человека же! Сашка промолвил:

– Почему вы не сделали то, что хотели?

Ленька осторожно повернул голову в нашу сторону:

– Потому что с малышами училка вышла и сразу их парами построила, а потом в гардероб увела, одеваться. Паха не успел ни одного шара надуть...

– Повезло детишкам, – сказала я. – Скорее всего, не одна эта девочка пострадала бы. Многие ее одноклассники могли перепугаться до смерти, им же всего по восемь лет. А тут кровь неизвестно откуда! Ты слышишь, негодяй? Отвечай!

Но Щука на мои слова никак не реагировал. Наш поверженный враг, похоже, отключился – или ловко притворился обеспамятевшим? Мы поднялись с земли и на всякий случай подошли к нему поближе. Нет, это не шутки. Ленька лежал неподвижно, как мертвый. Только рыжие волосы на его затылке чуть шевелились под ласковым ветерком Нелживии.

– Надо бы тебе еще по репе настучать, – провозгласил Сашка, всматриваясь в распростертую фигуру Леньки. – Да что-то лень. Живи пока, Рыба.

7. Новое знакомство

– Правильный вывод, Александр, – одобрительно заметил Кирилл, приземлившись рядом с нами. – Только, я бы сказал, слишком радикальный. Что значит «пока», мой юный друг? Душу и совесть убить невозможно. Они бессмертны. Поэтому твои угрозы Леониду глупы и абсолютно бессмысленны.

– Ха, Леониду! – закатил глаза Сашка. – Так Рыбу только родной отец зовет – я сам слышал – и учителя иногда, а остальные...

– И все-таки это его настоящее имя, не так ли? Остальное – прозвища. Впрочем, не буду отрицать: Щукин заслужил их своим поведением – весьма недостойным с моральной точки зрения.

– Точнее, мразевым! – заявил Иноземцев. – Он и сейчас врет, будто валяется без памяти. Такого бугая катком не задавишь! А Щучара лежит, ручки-ножки раскидал.

– Ошибаешься, Александр, – возразил скворец, – Слишком большое потрясение сейчас перенес этот мальчик – сознался перед вами в дурных намерениях. А это для Леонида – совершенно незнакомое ощущение.

– Ну да, – кивнула Светка. – Он же всегда пакостит исподтишка, когда взрослых нет. Вечно изворачивается, врет. Хитрый, как лис! Но почему Щукин сейчас признался? Мы здесь одни, и...

Кирилл взлетел и уселся на ветку цветущего боярышника. Теперь скворец оказался на уровне наших глаз.

– Дело в том, – задумчиво произнес он, – что совесть Леонида уже давно больна. Вся его зависть, и злоба, и мстительность камнем лежат на ней. Мальчик изнемог под тяжким грузом.

– Кто – Рыба изнемог?! – крикнул Сашка. – Да в нем стыда ни капли нет и не было! Ему хорошо, только когда другим плохо. Вот Рыба и старается, пяткой упирается, гадит всем, как только может. Главное, чтоб никто о Щукиных художествах не узнал и его не наказали. А Вы говорите...

– Александр, ты делаешь сейчас ту же ошибку, что и Леонид! – Кирилл удивленно развел черными крыльями. – Этот юноша тоже до сих пор думал: главное – чтобы его вину нельзя было *доказать*. Будто если окружающие не знают о совершенной Леонидом подлости, то ее вроде бы и не было! Но человек-то помнит о содеянном им зле. И совесть негодяя никнет от мерзости совершенного. Она стонет и кричит, а хозяин ее не слышит, постепенно превращаясь в чудовище. Но главное человеческое счастье состоит в том, что совесть остается с нами всегда, что бы мы ни совершили. Надо только захотеть ее услышать! Это относится почти ко всем людям, кроме одной, сравнительно небольшой группы населения, о которой вы тоже узнаете здесь.

– Погодите, уважаемый Кирилл, – не очень вежливо перебила я скворца. – Вы хотите сказать, что Щука *захотел* признаться?! И только поэтому мы узнали, что троица дураков готовила Робиковой сестренке?

– Не без вашей помощи, др-рузья мои! – провозгласила птица. – Р-разумеется, вы в своем пр-раведном гневе подтолкнули Леонида к откр-ровенности...

– Особенно когда по тылке Рыбе съездили, – ввернул Сашка.

– Да. Но и сам он, поверьте, давно измучился от упреков нечистой совести, которых старался не замечать, – проскрипел скворец. – И, оказавшись один, без помощи приятелей, в безвыходном, как ему казалось, положении, не выдержал...

– И что, Щука теперь так и будет на траве валяться? – проворчал Иноземцев.

– Нет, конечно. Просто он впервые за много лет поступил честно. Леониду сейчас легко и радостно! Не будем ему мешать, пусть Шукин спит и дышит чистым воздухом Нелживии. Главные испытания юноши еще впер-реди!

Светка насмешливо покачала головой:

– Подумать только, какие муси-пуси! Что-то мне не верится в Ленечкины... как это? Ира, скажи!

– Душевные искания, – подсказала я.

– Правильно, – согласился Кирилл. – Их еще и не было, Светлана. Шукин сделал только первый шаг, и он оказался трудным для изолгавшегося мальчика. А вы, я напому, считали, что Леонид искусно притворяется, симулируя обморок.

Но так-то: нежного слабей жестокий,
И страх живет в душе, страстями томимой.

Ковалева засмеялась:

– Опять Вы, Кирилл, сначала закартавили, а потом перестали. Почему?

– А потому, Светлана, что когда кто-нибудь из вас огорчает меня, я тоже теряю человечность, и птичьи привычки берут верх. Но невозможно не быть человеком – хотя бы в душе! – читая вам, друзья мои, стихи Пушкина.

– Не расстраивайтесь за нас, – протянула Светка. – Мы сглупили с самого начала. Забыли, что эта страна лжи не прощает. Если бы Ленька притворялся, она бы его сразу наказала – как Иру после прилета. Костина боялась очнуться от обморока, и ее за это оса укусила.

Действительно, как мы не подумали! Сашка от досады стукнул ладонью о дерево и поморщился: гладкая, казалось бы, кора оцарапала мальчишку.

– Не мсти природе, Санчик, – вкрадчиво сказала Светка. – Она живая, разве ты не знал?

Иноземцев, как будто вспомнив что-то, повернулся и пошел к кустам, где раньше прятался Шука с мальчишками. Интересно, зачем? Мы с Ковалевой отправились за ним. Но раньше всех там, конечно, оказался Кирилл. Хорошее дело – крылья! Скворец поджидал нас, сидя на стволе диковинной деревянной пушки. Орудие было расписано яркими красками и золотом. Рисунок изображал сказочных зверей и птиц в переплетении цветов. Кирилл прокаркал:

– Если я верно понял, Александр, ты захотел поближе взглянуть на пушку? И убедиться, что она тебе, мягко говоря, не померещилась?

Сашка кивнул и стал осматривать диковинную игрушку с разных сторон. Светка заметила:

– Удивительно! Зачем нужна пушка из дерева? По-настоящему воевать с ней невозможно – как из такой выпускать чугунные ядра?

– Конечно, – солидно подтвердил Сашка. – Ствол же сразу разорвет!

– А между тем, – сказала я, – по размеру пушка как настоящая. Причем она сделана на совесть, да еще красиво разрисована. Дети подобное орудие не смогли бы изготовить, а взрослые не стали бы. Оно же годится только для игры! Вопрос: кому это было надо?

– И второй вопрос: где ее взял Шука? – задумчиво протянул Иноземцев.

– А я ее, Зема, в Париже заказал, а здесь на почте получил, – прозвучал сзади голос Леньки.

Мы обернулись. Действительно, это был наглый вражина! Шука стоял в трех шагах, под кустом ивы, и знакомо шерился.

– Лучше бы ты дальше спал, – в сердцах сказала я. – Чего дуралею не лежалось? Уже прискакал!

Из леса справа донеслись отчаянные крики. Взявшись за руки, к нам бежали Мухин и Акимов. Они вопили:

– Шеф, убегаем! Там ногоастый!

– Быстрее когти рвем, а то он нас догонит!

Ага, с Ленкиного лица исчезла улыбка! Он в страхе дернулся и хотел бежать, не дожидаясь приятелей. Но тут из-под ног Шуки взметнулось бледное пламя, накрыло его с головой и сразу же опало. Ленка вскрикнул и замер. Потом попробовал сорваться с места – и вновь оказался посреди костра. Впрочем, огонь быстро исчез. Мы увидели Шуку сидящим на траве – которая, кстати, даже не задымилась! – и сгорбившимся от ужаса. Ладони Ленка прижал к лицу, защищая его от жара.

– Вот так земля горит под ногами лгунов! – воскликнул Кирилл.

Тут с нами поравнялись Пашка с Антошкой. Они чуть притормозили возле Шуки и попытались подтолкнуть его к бегству. Где там! Ленка даже не шелохнулся. Мальчишки удивленно охнули и рванули дальше. В нескольких шагах впереди них с шорохом поднялся невысокий земляной вал – вроде «лежачего полицейского». Мухин и Акимов на бегу споткнулись об него и растянулись во весь рост. Ойкнули от боли, вскочили и заковыляли вперед. Под землей прошел гул. Полоска вздыбленной почвы сдвинулась с места и, прокатившись, как волна, под ногами мальчишек, опять выросла на их пути. Но теперь она стала куда шире и выше – в два человеческих роста. И такая крутая! Мальчишки остановились перед новым препятствием. Постояли немного, растерянно обернулись в нашу сторону.

– Шеф! – крикнул Пашка. – Чего делать-то?

Шука по-прежнему был неподвижен и не отзывался на обращение своих прихвостней. Светка ответила за него:

– Не пытайтесь бежать. Ваш шеф тут натрепал, что пушку эту заказал в Париже и получил по почте. А в Нелживии враки воспрещаются. Вот и огребли вы неприятностей!

Ленка отнял ладони от лица, вскочил и крикнул:

– Я пошутил! А меня всего обожгло! Мало нам ногоастого, еще и...

Из-за громадного дуплистого дуба показалась птичья голова – совершенно голая, покрытая морщинами. Но самое странное, что на ее макушке каким-то чудом держалась крохотная военная фуражка! Голова внимательно оглядела нас сначала одним, потом другим глазом. И вот, обогнув толстенный корявый ствол, к нам важно вышел... страус. «О-ох! – пронеслось у меня в голове. – Это, конечно, мне кажется. Ладно еще – кукушка и скворец. Знаем: наши, русские птицы. А что здесь делать африканцу – среди елок и берез?!» Что это именно африканский страус, я не сомневалась. Он резко отличается от австралийского и ростом, и черно-белым оперением – совсем недавно я подробно рассматривала оба эти вида в старом журнале «Юный натуралист». Иллюстрированных изданий много у нас дома – родители сохранили их для меня и Мити. А еще я прочитала тогда в статье под фотографиями, что эти птицы могут быть опасны...

Страус, угрожающе трясая огромными перьями, подбежал к Ленке и басом спросил:

– Кто это здесь ногоастый?

Он приподнял когтистую лапу, зацепил ей сбоку Шуку за брюки и повернул к себе спиной. Мощно размахнувшись, отвесил Ленке пинка под зад. Шукин пролетел метра три вперед и приземлился прямо в ракитовый куст. Куст, сами понимаете, задрожал от возмущения – ведь он вырос в Нелживии! – и стал нещадно стегать Шуку гибкими ветвями. Ленка упал на четвереньки и, как пробка, выскочил из ивы на траву. Перебирая руками и ногами, он по-прежнему на карачках пополз к Акимову и Мухину. Страус невозмутимо двинулся за ним. Мальчишки попятнулись и, конечно, сели на подножие земляного вала.

Ленка хотел на ходу свернуть в сторону от препятствия, но страус опять наподдал ему ногой. Шука покорно засеменял к гряде. Акимов завопил:

– Эй, шеф! Ползи отсюда!

Страус двумя прыжками пересек оставшееся расстояние и ткнул лапой в Антошку, потом в Пашку. Те вскочили и вытянулись, как на параде.

– Отставить разговоры! – рявкнула птица. – Рядовой Щукин, встать в строй!

Леньку подбросило с земли. Он бегом кинулся к приятелям и занял место слева от Мухина. Страус продолжал:

– Рядовой Акимов! Выйти из строя!

Антошка поежился, торопливо огляделся. Переложил портфель из одной руки в другую. Бежать было некуда! Толстяк понурил голову и шагнул вперед. Птица взъерошила перья и вдруг клюнула Акимова в макушку. Тот заорал:

– Отвяжись! Я дяде Коле скажу!

– Рядовой Акимов! Разговорчики в строю! Здесь нет дяди Коли, а есть воинская дисциплина и порядок. Тебе ясно? Отвечай! – гаркнула птица.

– Ясно, товарищ прапорщик! – провыл тот со слезами в голосе.

Мне стало жалко мальчишку. Я крикнула через поляну:

– Антон, не бойся! Страусы не служат в армии! Это самозванец, не слушайся его.

– Взвод, смирно! – скомандовала птица и повернулась к нам.

Потом строевым шагом пересекла поляну, остановилась в нескольких шагах. Молодецки взметнула лапу к козырьку фуражки и представилась:

– Прапорщик Савва Романович!

Сашка, уже выскочивший вперед и заслонивший собой меня и Светку, буркнул:

– Александр, ученик седьмого «Б».

Мы с подружкой хихикнули. Но потом Ковалева кашлянула и сдержала веселье. Четко отрапортовала:

– Светлана и Ирина, ученицы того же класса!

Страус оглядел нас, поворачивая голову то вправо, то влево. Бесцеремонно указав когтистой лапой на меня, заговорил:

– Я интересуюсь. Вы, гражданочка, военнообязанная?

– Еще чего! – удивилась я. – Конечно, нет.

Перья прапорщика опять встали торчком! Это был плохой знак, и я сразу спряталась за Сашкину спину. Иноземцев расправил плечи, вскинул голову. Савва заклекотал:

– Я вижу, тут некоторые штатские слишком много о себе думают! Вмешиваются безо всякого права в строевую подготовку личного состава! Позволяют себе, так сказать, вражеские выпады, дискредитирующие командование военной части в глазах подчиненных!!!

Страус задергал головой и выкатил на нас глаза – опять попеременно правый и левый. Он задыхался от возмущения! Сашка возразил:

– Они пацаны, а не солдаты. И присягу в армии служить не давали.

– А еще Вы их били, мы сами видели, – встряла Светка. – А это, товарищ прапорщик, запрещено законом.

Оперенье птицы улеглось на место. Страус одобрительно пощелкал клювом и гаркнул:

– Четко излагаете, рядовые! Молодцы!

Светка замахала руками:

– Мы не военные, еще чего не хватало!

– Тут все новобранцы, – отрубил прапорщик. – Все учатся не трусить. И главное – стараются искать правду! А вы соображаете быстро, по-бойцовски. Жаль, что состоите не в моем взводе.

Откуда-то сверху – кажется, с самой вершины ели, со свистом слетел скворец и сел мне на плечо.

– Савва Романович, – официально обратился он к страусу, – не пытайтесь превзойти свои полномочия. Мои ребята не похожи на Ваших. Они не нуждаются в военных... методах воспитания.

– О! Вы знаете, как я Вас уважаю, Кирилл Владимирович. Но Вы не правы. Страус очень старался быть вежливым. Но его глаз, опущенный густыми ресницами, хитро посматривал на скворца. У меня в голове стучало: «А наш-то гид, оказывается, еще и Кирилл Владимирович! Знакомое имя – вот только откуда? И получается, что птицы давно друг друга знают – раз Савва уважает Кирилла!»

– В воспитании личного состава важен пример, – вкрадчиво продолжал «ногастый». – А мне достались одни шкурники – каждый только сам за себя.

Савва сердито указал крылом в сторону наших недругов. Мальчишки вытянулись, изобразив усердие.

– Зато Ваши призывники все стоят друг за друга. Мало того – они даже за моих хитронов заступаются, – заметил прапорщик. – Из ребят хорошие солдаты могут получиться! Заодно они рядовых Щукина, Акимова и Мухина приструнят, товариществу научат.

Страус воинственно задрал голову и хвост. Видно, решил, что победил в споре с Кириллом. Светка зачастила:

– Но мы не хотим со Щукой в одном строю ходить! И с его друзьями! И у нас уже есть Кирилл Владимирович – Вы его сами так назвали. Мы хотим остаться со скворцом, потому что очень его уважаем...

Кирилл Владимирович вспорхнул и сел повыше, на ветку ели, точно на уровне головы Саввы. Качнувшись несколько раз, заявил:

– Уважаемый товарищ прапорщик! Вам известны законы Нелживии: у каждого проводника – приданная ему группа, у каждой группы – свой собственный путь по стране. И только позже, при выполнении всех поставленных перед гостями задач...

– Понял, понял, Владимирыч, – повесил голову страус. – Не ругайся.

– К тому же Вы, как военный, не должны были упускать из виду важные вопросы. А ведь упустили! – отчеканил скворец.

Савва спохватился:

– Я-то? Эх, точно! Тут молодая гражданочка обвинила меня в битье личного состава. Но поймите, новобранцы: не пробудится совесть, если ей не больно! *Вашим* душам, чтобы жить как надо, оплеухи не нужны. И потому верно сказал Владимирыч: вы пройдете *свой* путь. А моим субчикам помогут только дисциплина и боль, которую они научатся чувствовать! Сами не хотят быть настоящими людьми, так я помогу. И я не дам им врать! Сразу явлюсь, если хоть один из новобранцев солжет. И задам трепку. А пока не лукавят, пусть ходят свободно, ума набираются. Это тоже закон Нелживии.

– Так значит, Вы пришли только потому, что Ленька нам наврал? – уточнила я. – Но Щукину и так досталось – его огнем опалило всего.

– Мало, мало этого, гражданочка, – покивала птица и шепотом прибавила: – Я ведь люблю своих рядовых и жалею их прямо до слез – сам когда-то лживым дураком был. Потому и ребят новоприбывших насквозь понимаю. А для любви нужно, чтобы душа горела и мучилась – и у меня, и у них. Ясно?

Мы ошеломленно переглянулись. Эта смешная на вид птица говорила необыкновенные вещи! Их еще надо обдумать... А между тем мальчишки у насыпи попадали в траву и, скрываясь в ней, по-пластунски расползались в разные стороны. Прапорщик оглянулся и гаркнул:

– Отставить бегство! Продолжаем учения!

Он круто повернулся и полетел к своим новобранцам огромными прыжками. Те завопили, с перепугу полезли на насыпь. Но их командир был уже рядом! Страус опять поднял

свою страшную лапу и дал каждому увесистого леща под зад! Троица мигом скатилась с земляного вала и построилась. Страус скомандовал:

– Смирно! Рядовой Акимов, выйти из строя.

Даже издали было видно, как скривился Антошка. Неужели понимал, в чем провинился? Это так на него непохоже... Но в любом случае деваться мальчишке было некуда, и он шагнул вперед.

– Докладывайте, рядовой, – потребовал страус. – Что есть главная заповедь солдата?

Антон отвернулся и молчал.

– Не знаешь? Тогда повторяйте за мной: сам погибай, а товарища выручай.

Акимов пожал плечами. Страус клюнул его в голову. Антошка слезливо заорал:

– А чего-о?! Больно надо мне шефа выручать! Мы его с собой убежать звали, а он тормозил, на месте рассиживался! А когда Вы нас уже догнали почти, что было делать?

– Значит, себя спасти? Бросив товарища?! – удивился прапорщик.

Мальчишка посмотрел вверх, на морщинистую птичью голову, и упрямо заявил:

– Мой дядя Коля говорит: дружба дружбой, а табачок врозь.

– Врет твой дядя Коля, – заявила птица. – Это тогда вовсе не дружба, если каждый свой табачок втихомолку курит, а другому ни крошки не дает. Ясно, рядовой? Отвечай!

Прапорщик занес лапу для шлепка, и Акимов заголосил:

– Да! То есть: так точно!

Савва медленно опустил ногу и проговорил:

– Запоминайте, салажата – потом с каждого спрошу! Если врет один из вас – отвечают все. Я прибуду сразу, и вам несдобровать! Не бояться! Не быть подлецами! Вы теперь – воинский взвод. А значит, один за всех, и все за одного. Повторить!

Троица нестройно загалдела.

– Молодцы! – одобрил Савва. – Старайтесь быть честными солдатами! А теперь – полевые учения. Кру-угом!

Мальчишки неуклюже выполнили команду.

– Как говорил генералиссимус Суворов, тяжело в ученье – легко в бою! Перед вами земляная насыпь. Она образовалась в наказание вам, чтобы не смели впредь лгать и трусить. Надо исправить урон, нанесенный земле Нелживии. Для этого вы, рядовые, должны много раз преодолеть этот вал – туда и обратно. Слушай мою команду! Взять препятствие!

Мальчишки бросились вперед и полезли на насыпь. Сорвались вниз, вскочили и снова полезли. Ленька первым оказался на гребне и победно оглядел своих приятелей, едва достигших половины пути.

– Я не удивлюсь, – прокомментировала Светка, – если он столкнет их вниз.

– Рядовой Шукин! – возвысил голос прапорщик. – Что надо сделать?!

Ленька немного помедлил и... подал руку Мухину, начавшему опять сползать вниз. Мы замерли. «Ай да Савва! – подумала я. – Вот тебе и страус! Это ж надо – Шуку заставил поступать по-человечески!» Вот Пашка радостно ухватился за Ленькину руку и вскарабкался вверх. Сел на гребне, свесив ноги. Крикнул Антону:

– Эй, лузер! Чего застрял?

И сразу получил клювом по лбу: прапорщик высоко подпрыгнул, взъерошил перья и глухо рыкнул. Даже нам, стоящим в отдалении, стало не по себе. Шукин и Мухин взвыли от страха – и поспешно протянули руки толстячку Акимову. Антону, понятно, пришлось труднее всех. Мало того, что его левую руку оттягивал портфель, с которым мальчишка почему-то не хотел расстаться. А зачем ему здесь сумка с учебниками, спрашивается? Так еще и мускулатура у пухленького Антона, прямо скажем, подкачала. Куда там взобраться на насыпь! Акимов и на ровной-то земле не может догнать шустрых малышей у нас во дворе. Те его дразнят, обзывают Беконем. Акимов несется за озорниками, пыхтя и ругаясь – но увы! – добраться

до них не может. Зато в этот раз – подумать только! – Антон уже почти наверху. Щука с Пашкой делают последнее усилие, втаскивая его за руку на край вала. Антошка со счастливой улыбкой усаживается поудобнее и кричит:

– Спасибо, пацаны!

Те смущенно отворачиваются. Страус размахивает крыльями. Воздух содрогается от звонкого аккорда – будто сразу пропели несколько струн. Насыпь под мальчишками чуть проседает, как снег под солнечными лучами.

– Я приказал взять препятствие, а не только залезть на него! – гаркнул Савва. – Живо на ту сторону!

«Новобранцы» взбрыкнули ногами и исчезли за валом. Страус зычно скомандовал:

– А теперь назад!

И что вы думаете? Не прошло и минуты, как над насыпью – а она была довольно крутой! – одна за другой, но почти одновременно показались три головы – сначала рыжая, потом чернявая и последняя – белая, Антошкина. Вот троица уселась в ряд на гребень. Снова все кругом вздрогнуло от пения невидимых струн, и насыпь немного уменьшилась.

– Ура! – завопили мальчишки и кубарем скатились вниз.

– Новобранцы, не расслабляться! – поприветствовал их прапорщик. – Быстро назад! Преодолеть укрепление!

Мы изумленно смотрим, как его взвод беспрекословно выполняет команду. Опять, конечно, Щука вырывается вперед – он же все-таки самый сильный из тройки, тут удивляться нечему! Но и Антошка с Пашкой стараются не отстать, подталкивая друг друга вверх.

– О! Это, брат, сон! – обращается моя подруга к Иноземцеву. – Что с мальчишками сделалось? Смотрю и глазам своим не верю.

Сашка разводит руками. Тут, действительно, примолкнешь! Мальчишки – все до одного лентяи и хитрецы – по крайней мере в учебе, мы это точно знаем! – уже опять сидят наверху.

Воздух всколыхнулся от аккорда, и насыпь в очередной раз просела – но теперь куда глубже. А мальчишки орлами смотрят с ее гребня, взобравшись на вал уже без команды Саввы Романовича...

Я вздрогнула, когда чьи-то острые когти впились мне в плечо. Ах, это явился Кирилл! Скворец оглядел нас, как полководец свои войска, и предложил:

– Друзья! Идем дальше! Я понимаю: наблюдаемая сцена так увлекательна, что от нее невозможно оторвать глаз. Но у вас здесь свой путь, от него не следует отклоняться. И Нелживия зовет дорогих гостей в дорогу!

8. История каменной пушечки

Послышался шелест, и перед нами по траве пролегла знакомая ковровая дорожка. Она вела вправо, под молодые дубки. Что ж, надо было двигаться вперед!

– Интересно, где эти чубрики взяли пушку? – протянул Саня. – Точняк они ее украли! Непорядок получается. Орудие не должно стоять в лесу без догляда. Надо вернуть его на место.

– Да кому нужна деревянная игрушка? – удивилась я. – Ее какие-то дети бросили, а Щука подобрал, чтобы нам жизнь изгадить.

Светка прижала палец ко лбу:

– Я сначала тоже так думала. А теперь поняла: малыши здесь ни при чем. Пушка большая, из нее только взрослым стрелять удобно. По крайней мере, людям высокого роста. Да и смешная эта пушечка немного. Надо же, раскрашена почти под хохлому! Может, она старинная?

Скворец на моем плече одобрительно проскрипел:

– Ход Светланиных мыслей логически безупречен. И догадка ее абсолютно верна.

Подружка расцвела, а Сашка закатил глаза.

– Впрочем, Александр тоже сейчас радуется, – продолжала птица. – Мальчик проявляет весьма похвальную активность, которой не слишком-то отличался прежде.

– И хочет вернуть пушку ее законным хозяевам, – подсказала я.

– Да, и это желание Александра тоже согласуется с законами Нелживии, – кивнул скворец. – Исполнить его нетрудно – у чудесной страны нет тайн перед ее гостями. Если их, их конечно, ведет жажда истины, а не пустое любопытство. Что ж, я готов изменить наш нелживский маршрут, чтобы помочь мальчику достичь благородной цели. Сразу предупреждаю, Александр: то, что ты узнаешь, разыскивая настоящего хозяина орудия, не имеет к тебе лично никакого отношения – впрочем, к Ирине и Светлане тоже, если девочки решат сопровождать своего друга. Поэтому учтите: мои подопечные будут видеть всех, а их самих не заметит никто. Вы, ребята, сможете участвовать в грядущих событиях – но только невидимками. Правда, я считаю, что и на чужих историях можно поучиться! Итак, сударыни, вы идете с Александром? Желаете ли вместе с ним восстанавливать справедливость, законы которой нарушили Леонид, Антон и Павел?

Мы с подружкой кивнули. Совершенно не по-товарищески было бы бросить Саню одного в незнакомой стране! Мерцающая серебром дорожка зашелестела, поднялась с места. Повернувшись в воздухе, пролегла в противоположном направлении. Теперь она вела по цветочным полянам с редкими кустами куда-то далеко, за горизонт.

Сашка первым ступил на мягкий ковровый край и зашагал вперед. Мы со Светкой вздохнули. Я крикнула вслед Иноземцеву:

– Саня, ты куда? А как же пушка? Она, между прочим, под кустом осталась! Как ты тогда собираешься возвращать покражу хозяевам?

Наш друг сразу остановился, обернулся назад. Вид у мальчишки был обескураженный. А вместе с тем, представьте, недовольный! – будто я оторвала Иноземцева от важных размышлений. Интересное кино! – я, значит, в чем-то помешала глупому мальчишке? Светка заметила:

– Знаешь, Санек, мне кажется, вернуть игрушечку на место – это для тебя просто повод отправиться в путь. Главное – узнать, где такие продаются, да? Ты захотел купить себе большое орудие, чтобы в войнушку играть уже по-взрослому. Небось, уже всю наличность в карманах пересчитал и мысленно прикидываешь: хватит ли ее на приобретение пушки? Точно?

– Без сомнения! – засмеялась я.

Иноземцев смутился, но не слишком. Наверное, мы с подружкой не угадали его истинных намерений. Мальчишка с досадой ответил:

– Ты у нас, Ковалева, умная, конечно. Но в этот раз попала пальцем в небо. Ну да, у меня есть еще одна причина – очень личная – чтобы выяснить, где пацаны свистнули пушку. Но вовсе не та, про которую ты всем сейчас затирала. И ваще! Кто бы тут вякал про игрушки?! Забыла уже, как вы с Костиной летом по одной красивой куколке с ума сходили? Каждая ее к себе тянула, чтоб досыта с Косушкой навозиться! Хорошо, что я вмешался вовремя, не дал подружкам натворить дурацких дел. Ну, и кто из нас троих больше любит играть «как взаправду»: двоечник Иноземцев или грамотейки Ковалева и Костина?

Мы со Светкой переглянулись и опустили глаза. Ох, и вредина этот Иноземцев! А самое обидное, что возразить-то ему нечего. Мальчишка абсолютно прав, все так и было. Саня улыбнулся:

– Ладно, девчонки. Я уже забыл про ваши косяки. А дело, Ковалева, не в войнушке. То есть в ней, конечно, – но бывшей два года назад.

– Как это? – удивилась Светка. – И не называй меня по фамилии, сколько можно просить!

Кирилл на моем плече кивнул и заявил:

– Действительно, Александр-р. Пр-ресьба Светланы вполне понятна. Ты, мой др-руг, еще не отслужил в ар-рмии и не получил звания пр-рапорщика, как Савва Р-романович. Он один здесь имеет пр-раво обр-ращаться к твоим подр-ругам по пр-ринятой в р-российских войсках фор-рме...

– А мы тебе, Санек, не подчиненные, – встряла я.

– Совер-ршенно вер-рно. Так почему же ты, Александр-р, невежлив с Ир-риной и Светланой?

– Ну, я стесняюсь просто, – еле выдавил из себя Иноземцев. – Не привык я девчонок по именам звать. Не по-пацански это как-то...

– Ну тогда, – предложила Светка, – мы с Ирой будем тебя тоже по-пацански называть, как Шука, – Земой.

Иноземцев встрепенулся:

– Нет, не надо. Я понял, девчонки. Больше не буду, чес-слово! Ну, вот я громко говорю: Ира и Света. О! Жесть!

Сашка вытаращил глаза и топнул ногой.

– Ладно уж, – снизошла к нему моя подружка, – живи! Можешь иногда произносить фамилию: Ковалева, – пока не научишься называть меня по имени. А теперь рассказывай, что произошло с тобой два года назад?

– Понимаешь, Света, – неуверенно начал Иноземцев, – тогда я еще играл в войну... А Вы куда, Кирилл Владимирович?

Скворец вспорхнул с моего плеча и завис в воздухе. «Неужели гид опять оставляет нас? – расстроилась я. – Еще неизвестно, куда ведет мягкая дорожка! Думаю, напрямик в дурдом. И не иначе! Ну, кто станет изготавливать непригодные к бою пушки, да еще старательно раскрашивать их „под хохлому“? Только сумасшедшие. А проводник, между тем, спокойненько бросает нас в такую минуту!» Но я, к счастью, ошиблась. Сделав три круга над поляной, птица села на ветку ракиты и воскликнула:

– Друзья! Может быть, все же наберемся смелости и двинемся вперед? А Александр расскажет нам свою историю по дороге? В противном случае путь к истине может закрыться. Здесь, если решение принято, надо его сразу выполнять. Иначе поставленной цели не достигнуть!

– Да, идем, – кивнул Иноземцев. – Девчонки, вы со мной? Я и правда могу все по дороге рассказывать.

И наш друг нетерпеливо припустил по ковру. Мы побежали за Саньком. Рядом, над кустами, полетел скворец. Окрестности были по-прежнему прекрасны! Под легким ветерком волнами перекатывались зеленые травы. В воздухе празднично и остро пахло цветами. Их пест-

рело тут великое множество! Розовые, желтые, белые, сиреневые цветочные головки, весело выглядывая из травяных стеблей, сочетались между собой в причудливых узорах. Как стеклышки в калейдоскопе! Маленькие птички с щебетом проносились над головами. И, представьте, каждая из пичужек салютовала Кириллу, высоко поднимая одно крылышко! Понятно. Летуньи здесь – не просто жительницы страны, а помощницы людей в поисках правды... Неудивительно, что все птицы были знакомы с нашим скворцом – да и друг с другом, конечно.

– Ну вот, я продолжаю, – объявил Иноземцев. – Слушайте. Два года назад, когда умерла бабушка Даша, я часто оставался дома один. Отец на «вахту» уезжал и домой по два месяца не возвращался. Вы, девчонки, знаете: он старался побольше денег заработать, чтобы быстрее за квартиру рассчитаться. Мать вечно к своим подружкам убегала чай распивать. Говорила: «Ты уже большой, а я молодая, хочу в обществе бывать». Ну, и приходилось мне одному кантоваться. Знаете, даже на улицу особо не тянуло, потому что я никак не мог понять: бабы Даши больше нет. Все казалось: сейчас она придет, просто в магазине немного задержалась... А если я на улицу убегу, то пропущу ту минуту, когда бабуля вернется. Ну, и ждал ее! Ревел целыми днями, как маленький, тосковал. А все равно ждал. Раньше я никому бы в этом не признался, чтоб меня слабаком не посчитали. А теперь вот говорю прямо, как есть. И не боюсь, что вы надо мной смеяться будете.

– Воздух Нелживии! – воскликнул Кирилл и уселся Сашке на плечо. – В нем не живут страх и лукавство. Пороки уносятся прочь, если человек хочет избавиться от них!

– Да, – кивнул Сашка. – Воздух. Но и девчонки тоже, Кирилл Владимирович. Я только сейчас понял: Света с Ирой и раньше не стали бы смеяться над моим горем. Душевные они, – так бы Ковалеву и Костину моя бабушка назвала, если бы...

– Санек, извини, – в Светкином голосе явственно слышались слезы. – Я же не знала, что тебе придется вспоминать.

– Да ладно, – вздохнул Иноземцев. – Бабуля давно от нас ушла, я это уже пережил. Ну, вот. Тоскливо мне было, и я старался как-нибудь отвлечься. Вдруг, думаю, баба Даша сейчас вернется, увидит меня грустным и расстроится?

Я не выдержала и тоже заплакала. Мы с подружкой, у которой нос распух от слез, обняли Санька. Какую страшную потерю он перенес! Наши с Ковалевой бабушки и дедушки были пока, несмотря на почтенный возраст, вполне здоровы. Правда, жили родственники не в Омске. Но зато к ним можно ездить в гости, разговаривать обо всем... А мы с подружкой и не понимали до сих пор своего счастья! Сашка же утратил его навсегда – ведь бабушка Даша уже не сможет вернуться к внуку, как бы она ни любила его при жизни... Наш маленький отряд постоял так еще немного: Саня со скворцом на плече, и мы со Светкой, прижимая мальчишку к себе. Ведь это было единственным, что я и Ковалева могли сделать для друга в минуту его печальных воспоминаний. Наконец мы расцепили руки и вместе с Саньком вновь направились по дорожке. Иноземцев заговорил:

– Понимаете, я легко отвлекался, когда играл в войну. Сначала в одиночку плохо, конечно, получалось. А потом ничего: я научился сразу за всех быть – и за немцев, и за русских, и за пехоту, и за танкистов, и за артиллеристов.

У нас дома давно уже имелась маленькая пушечка. Орудие на телевизоре стояло, и мне отец с бабой Дашей не разрешали с ним играть. Говорили: нельзя, это памятный для папы московский сувенир. А пушка очень интересная была – тяжелая, из белого камня выточенная, причем сделанная с кучей мелких деталей...

– И с узорами? – догадалась я.

Сашка кивнул:

– Да, с резьбой – похожая на ту, из которой в нас «новобранцы» Саввы Романовича стреляли. И еще пушечка помещалась на красивой подставке. А прямо перед дулом, внизу, маленькие ядра кучкой лежали. И вот в тот день я чалился, как обычно, дома один. Грустил, и пла-

кал, и с бабы Дашиной фотографией разговаривал, просил бабулю вернуться поскорей домой. Но потом себя пересилил и начал в танковое сражение играть. Расставил танчики с двух сторон в комнате и вспомнил, что перед большими битвами обязательно артподготовка бывает. А я три своих орудия дал перед этим поиграть Стасу из четвертого подъезда. Что было делать? И тут я посмотрел на пушечку. Думаю: постреляю из нее – понарошку, конечно, – а потом назад на телевизор поставлю, и никто об этом не узнает. Взял орудие осторожно, разместил его за боевыми машинами. И сражение пошло! Артподготовку я провел, дал приказ своим танкам наступать. Ну, а на них, понятно, немецкие «тигры» поползли – это я на полу машины двигал. И вот, когда передовой «тигр» поджег один мой «Т-34», я отдал танкистам приказ временно отступить. Развернул «русские» танчики и погнал их назад, в тыл. А сам-то полз вместе с машинами, к стене, лежа лицом к противнику! И забыл про пушечку – я ведь первый раз с ней играл! И вот я, выведя танки из-под огня, уперся ногой в стену. А там стояла пушка! У меня на ногах были отцовы ботинки – я надел их чтобы чувствовать себя настоящим полководцем... И вдруг услышал, что под подошвой у стены что-то хрустнуло! Меня аж подбросило! Смотрю, а пушка раскололась сразу в двух местах. Раздавил я ее башмаком! За голову схватился, а что делать? Камень почему-то очень хрупким оказался... И вот тут я, девчонки, повел себя как последний трус. Сразу подумал: «Хорошо, что отец на вахте. А бабушка еще не пришла домой». И это о бабе Даше! Сам-то ведь только и мечтал, чтобы она поскорее вернулась – якобы из магазина. И отца я тоже хотел увидеть, соскучился по нему сильно! «А мать, – думаю, – может, не поймет, что произошло. Ей до папиной пушечки никакого дела нет». Быстро собрал осколки, в газету завернул и в мусорное ведро выкинул. Тяжело мне стало, мутно на душе! Играть я больше не мог. Упал на диван и сидел до самой темноты, пока мать не пришла. Она и правда не заметила пропажи сувенира, но мне от этого только хуже стало. Просто с балкона вниз прыгнуть захотелось. Разбиться бы вдребезги, думаю, да чтоб еще удариться побольнее! Мать глянула на меня и говорит: «Чего надулся? Ну, засиделась немного у Аделаиды Казимировны. Она мне свои новые платья показывала, а потом мы журналы мод полистали. Проголодался? Так я печенья тебе на обед принесла. Иди чайник вскипяти». И достает из сумки печенье в пакетике, показывает мне. А я увидел курабье и сразу представил, какое оно жирное и сладкое... Ох, и затошнило меня! Просто наизнанку вывернуло. Мать вопит: «Ты что, какой-то дряни наелся? Не мог подождать немного?!» А я в ответ молчу, только головой мотаю. Мать от страха уже собралась «скорую» вызывать, но я тут я как заору: «Не надо! Ничего я не ел! И в больницу не поеду!» Она, видно, подумала, что мне от голода башню снесло. Побежала на кухню, быстро суп из пакетика сварила и даже картошки в него покрошила! Во как я мать напугал. Потом она мне в комнату тарелку с супом притаранила, поставила на столик и говорит: «Быстро ешь. И отцу, когда приедет, не рассказывай, что тебе плохо было». А я из тарелки хлебаю и думаю: может, мне рассказать по чесноку, что я пушку раздавил? Пусть мать меня прибьет до смерти! Это все же лучше будет, чем молчать и мучиться. Но я понимал: мать только плечами пожмет. Ее та пушечка почему-то раздражала. Мать раньше, до смерти бабушки, все хотела ее убрать с телевизора куда-нибудь подальше. Но отец с бабой Дашей не давали Ларисе Юрьевне сувенирчик запрятать, опять его на место ставили. Я чувствовал тогда: мать несколько не расстроится, если сказать ей о сломе орудия. Может быть, она даже наоборот – обрадуется, что пушечки больше нет. А этого уж совсем невозможно было бы вынести – просто никак! Доел я тихо суп, пожевал печенья с чаем. Тошнить перестало, но в душе боль кипела! Я пошел к себе и лег. Чувствовал: это еще цветочки. Вот отец через три дня приедет, и наступит катастрофа. Я точно знал: ее не миновать...

– Разумеется, Александр, – тихо сказал скворец, по-прежнему сидя у Сашки на плече. – Тебя мучила совесть. А в такие минуты душа человека прозревает, и ее посещают предчувствия будущих бед.

– Да, – кивнул Иноземцев, – верно! Я четко понимал: отец в любом случае узнает о моем косяке. Но в мозгу только и стучало: хорошо, что не сейчас! А лучше бы этого не случилось вообще никогда! Понимаете? Я, как последний лупень, как Шука, трусил и убегал – и этим предавал отца и бабу Дашу. Я ведь *не хотел*, чтобы они возвращались. Представляете?! Но на самом деле хотел, да еще как! – тогда я наконец получил бы положенное и моя каторга сразу бы закончилась!

Вообще не помню, как провел те три дня. Будто в тумане бродил. Мать решила, что я все-таки заболел, и никуда из дома не отлучалась. Она что-то даже готовила – кажется, картошку варила и макароны, и я ел. Но вкуса не чувствовал. Только трясся, как подонок, и на дверь смотрел. Мать на третий день расспрашивать начала: не побил ли меня кто? Или, может, обозвал обидно? Но я молчал, и она отстала.

– Что же было, когда приехал твой отец? – спросила Светка.

Я ткнула подружку в бок и пожала плечами. К моему большому сожалению, Ковалева часто бывает бестактной. И обычно это случается со Светкой из-за ее нетерпеливого желания поскорее докопаться до истины.

Сашка нахмурился:

– Ну да, именно тогда и началось самое мразевое. Сначала-то отец ничего не заметил – сумки бросил, руки помыл и на кухню пошел. Мать к его приезду рассольник сварила – и супчик очень даже неплохой оказался, вполне съедобный. Я, правда, как на иголках сидел и не особо его распробовал. Отец на меня за обедом посматривал с удивлением. Спросил: «Ты не рад, что я приехал?» Я не смог ответить, в тарелку уставился. А мать сказала папе, что я уже несколько дней хожу вялый – наверное, поцапался с кем-то во дворе, а признаваться в драке не хочу. Ну, а после обеда – перед чаем, у матери в духовке еще допекался сладкий пирог – мы все в комнату пошли, и у меня сердце застучало прямо как бешеное. И, конечно, только сели на диван перед телевизором, отец сразу спрашивает: «А где сувенир?» Мать плечами пожала. Папа ко мне: «Ты его взял? Зачем?» Я молчу. Отец громче: «Куда ты дел Царь-пушку?» И тут я не выдержал, заревел, как мелкий Влад из пятой квартиры – помните, когда голубя у нас во дворе машина переехала? И птица, вся в крови, на асфальте билась? А Влад над голубем плакал, пока тот не умер, и мамаша никак не могла пацанчика домой увести?

Мы кивнули – еще бы не помнить! Ведь мы тогда втроем сидели у подъезда на лавочке и все видели. Страшно было и ужасно жалко голубя!

– Ну и сознался я, что пушку случайно расколотил! Не мог больше терпеть, понимаете? И сразу на душе легко стало, будто я в небо взлетел. Пусть, думаю, теперь отец меня ругает и наказывает как хочет. Самое страшное позади! Но оказалось, что нет.

– Неужели отец тебе напощал? – недоверчиво спросило Светка. – Он вроде бы вполне добрый дядька.

– Да лучше бы взгрел он своего сына-лошару, – вздохнул Сашка. – А то... голову руками обхватил, согнулся по-стариковски. И молчит! Даже мать проняло – начала она мне пальцем грозить, будто я какой-нибудь трехлетний пузырь. Я не выдержал, говорю: «Пап, ну прости! Я же нечаянно». А отец поднялся и пошел на балкон курить раздетый. Было начало марта, холод стоял зимний. Мать схватила куртку, побежала за папой на балкон, кричит: «Сережа, оденься, пожалуйста! Не расстраивайся из-за ерунды. Другой сувенирчик купим, еще лучше прежнего!» Отец пуховик взял, а мать назад в комнату вытолкал. «Иди, – говорит, – а то простудишься. Я скоро буду». Ну, мать опять на меня накинулась, давай шепотом ругать. Я сижу, слушаю ее и думаю: «Когда же я наконец узнаю, в чем дело? Почему отец горюет из-за обычной игрушки, тем более – далеко не новой?» Ну, папа докурил, отнес куртку на место, сел рядом со мной и говорит: «Я тебе, Саша, уже рассказывал про свои молодые годы. Но ты не все знаешь. Потому и не понимаешь, как мне дорога была эта Царь-пушка. Теперь слушай». Ну, вот...

И дальше мы с подружкой и скворцом услышали горестную историю Сергея Георгиевича. Впрочем, сначала детство его было вполне счастливым. Сережа родился в бедной семье. Его папа Гоша был рабочим на заводе, мама Аня – бухгалтером в детском саду. Вернее, в двух детских садах. Дело в том, что бухгалтерам тогда платили очень мало, а в семье Иноземцевых постоянно не хватало денег. Вот и вела Санина бабушка два садика. Но получала она за свой ударный труд лишь полтора оклада – таков был закон. Отец тоже зарабатывал немного, и на жизнь едва хватало. В семье росли двое детей – Сергей и его старшая сестра Зина. Она была девочкой своенравной и очень ревновала братика к родителям. Зинаиде все время казалось, что они любят Сережу больше, чем ее. На самом деле домыслы вредной сестры не имели под собой почвы: старшие Иноземцевы были люди добрые и справедливые. Они особо не выделяли никого из детей. Но Зинаида считала иначе – постоянно кричала, что мама с папой только и знают, что обожают своего дорогого Сереженьку. И конфет брату достается больше, и игрушки у него лучше – вон какие у мальчишки красивые машинки! Это было неправдой: «барбарисок» или «дюшесов» детям давали всегда поровну и не больше двух штук зараз – сладкое в семье покупалось редко. А уж зачем девочке машинки? – этого мальчик не понимал, но всегда готов был делиться с сестрой игрушечной техникой. Зина же просто тряслась над своими пупсиками и тряпочками, и Сереже воспрещалось даже подходить к ним ближе чем на десять шагов! Впрочем, игрушки брата девочка брала охотно – например, чтобы на его машинках возить кукол отдыхать в Ниццу. Откуда-то Зина узнала, что в этом городе на Лазурном берегу проводят время самые богатые и счастливые красавицы. Вот Зинуля и помещала пластмассовых Карин и Сабин то на морской песок – а вернее, на коврик в большой комнате, то на стулья в ресторане – а точнее, на Сережины кубики. В играх дозволялось участвовать и брату – в качестве шофера или официанта. Мальчик не очень-то рвался к подобным забавам: почти всегда оказывалось, что он плохо справляется с кукольными тарелками и рулями машинок. И тогда Зина больно колотила Сережу – ведь она была старше брата на целых пять лет и всегда брала над ним верх в ссорах и драках. При этом добрая сестренка приговаривала: «А помнишь, ты мне в воскресенье не дал чуть-чуть откусить твоей сахарной ваты?» Мальчик молча терпел побои и не смел возразить Зине, что его понимание «чуть-чуть откусить» несколько отличается от сестриного. Девочка в таких случаях просто забирала себе все лакомство и съедала его за несколько секунд! Но в прошедшее воскресенье они гуляли вместе с папой и мамой, и Сережа воспользовался их присутствием, чтобы не отдать сладость жадной сестре. «Перестань, доченька, – сказала мама, – у брата угощение тянуть. Тебе своей ваты хватит – вон ее какой большущий рулон».

Время шло. Дети выросли. Но неизменными оставались нежная любовь родителей к Зине и Сереже и бедность, царящая в семье. Мама-бухгалтер старалась экономить, учитывала каждую копейку. Но денег, казалось, становилось меньше и меньше. «Что поделаешь, Зинулька подросла, – качал головой папа. – Теперь ее одеть-обуть куда дороже стоит. Но ничего, мать. Я будущей зимой в старом пальто еще прохожу. Мне и так ладно будет. А ты уж девочке новенькое справь. Это-то, гляди, совсем короткое». «А вы бы Сереженьке поменьше книжек покупали! Да за шахматную секцию не платили бы – вот бы денежки в семье и оставались! – заявляла Зина. – Все балуете своего любимчика дорогого, а сами ремки носите – смотреть стыдно. Вон у папы на пальто воротник уже облез, карманы обтерлись – а он опять в нем зиму ходить собрался. Лишь бы его милый Сереженька в буквы носом тыкался да фигурки по доске с умным видом переставлял!» Но в этом вопросе родители были непреклонны: сын должен иметь возможность читать, заниматься науками и играть в шахматы. Ведь старшая дочь Иноземцевых учиться не хотела ни в какую. Ехала в школе практически на одни «двойки», лишь иногда разбавленные слабенькими «троечками». Впрочем, ее всегда переводили из класса в класс «за хорошее посещение». И действительно, Зина почти никогда не болела и уж тем более не прогуливала уроки. Видно, чувствовала, что это ее единственная сильная сторона,

и благополучно выезжала на «посещения» до девятого класса. Но потом пришлось все-таки идти учиться в ПТУ на овощевода: в десятый ее не взяли, а экзамены в техникум девочка бы, разумеется, не сдала. Зина опять злилась и кричала: «Тоже мне карьера – огурцы поливать! Не хочу!» Но папа стукнул кулаком по столу и сказал; «Будешь огородницей! Лучше овощи растить, чем вовсе без профессии остаться».

А Сережа, как пошел в школу, стал учиться на «отлично». Науки давались ему легко, особенно математика, а потом физика и химия. Родители гордились успехами мальчика, с удовольствием ходили на собрания. Еще бы – ведь там их сына всегда хвалили! Дочка, конечно, и это замечала. Ядовито комментировала: «Скоро вы к своему любимчику в школу вдвоем бегать будете. Как же, отличник! А если ко мне на собрание идти надо – всегда препираетесь по полчаса. Я позор семьи!» Она начинала картинно всхлипывать, но родители только улыбались, а папа говорил: «Кто тебе-то мешает „пятерки“ получать? Учись, старайся!» Ответить на это Зине было нечего, и она уходила из комнаты, громко хлопнув дверью. А уж сколько раз завистливая сестрица пыталась нагадить Сереже: подставляла в домашних упражнениях лишние запятые, а в примерах и задачах минусы исправляла на плюсы – на большее у глупой девочки ума не хватало. Брат ее молчал и не жаловался родителям. Просто, закончив готовить уроки, сразу складывал книги и тетради в портфель и... не расставался с ним до конца дня. Даже в туалет с портфелем ходил. Собираясь в шахматную секцию или на улицу гулять, тоже брал его с собой. Родители и друзья удивлялись, но ни о чем Сергея не расспрашивали. Ну, хочет мальчик везде таскаться со школьной сумкой – и пусть его. У каждого, как говорится, свои причуды. Зина, разумеется, страшно бесилась, особенно когда по субботам, вечером после ужина, их папа говорил: «А принеси-ка, сынок, дневник. Надо же в нем расписаться!» Родители со счастливой улыбкой садились рядышком на диван и, раскрыв поданный Сережей дневник, рассматривали «пятерки» и – изредка – «четверки» за последнюю неделю. Это был миг их торжества! Зину же в этот момент до того душила злоба, что девочка не выдерживала – уходила из большой комнаты, якобы за своим дневником. На самом же деле – Сережа знал – сестра в бешенстве расшвыривала вещи в детской. Потом являлась назад, уже почти успокоившись, и подавала папе собственный «главный документ ученика». Его родители подписывали молча и быстро, стараясь не смотреть на обычные «двойки» и – иногда – «тройки». Зина проявляла настоящие чудеса хитрости, пытаясь добраться до Сережиного портфеля, но мальчик был всегда настороже! Одно было хорошо: ночью он мог не опасаться сестриных козней. Каждый вечер, ровно в десять часов, мама приказывала: «Дети, спать!» – и потом внимательно следила, чтобы они легли в кровати. Зинаида, едва коснувшись головой подушки, засыпала мертвым сном. Сережа, услышав сестрин храп, радостно вздыхал. Наконец-то он мог не беспокоиться о своих тетрадях до утра! А по будильнику мальчик вскакивал первым! Сразу, как водится, хватал свою сумку и шел с ней умываться. Сестрицу же маме приходилось будить иногда по пять раз, а то и силой стаскивать с постели... Так шла молчаливая упорная борьба между Сережей и Зиной. Казалось, ей не будет конца. Но все-таки финиш наступил!

Гром грянул, когда однажды зимой папа Гоша заболел ангиной и неделю просидел дома. У него была высокая температура, сильный кашель. Папа лежал на диване в большой комнате (в семье она называлась «залом») и смотрел телевизор. Георгий Петрович услышал, как открылась входная дверь и вошел Сережа, вернувшийся из школы. Мальчик, напевая, разделся и сразу заглянул к отцу. «Привет, пап! – весело сказал он. – Кушать хочешь? Я сейчас обед разогрею», – и побежал на кухню. «Самостоятельный парень растет! – с гордостью подумал Георгий Петрович. – И сам не пропадет, и меня, больного, накормит. Даром что сынок мой еще третьеклашка». Скоро на журнальном столике перед диваном появились две дымящиеся тарелки с борщом. Мальчик не забыл принести и сметану, и хлеб, и даже на отдельном блюде – зубчик чеснока, специально очищенный им для отца. «Ты, пап, обязательно чеснок съешь. Тогда и ангина скорее пройдет», – заботливо проговорил Сережа, берясь за ложку. Отец

склонился над тарелкой, чтобы скрыть подступившие слезы. «Надо вечером жене рассказать, какой у нас хороший мальчик растет. Пусть Анна порадует», – решил он. Когда обед уже подходил к концу, и Сережа с папой пили чай, пришла из школы Зина. Стукнулись об угол сброшенные сестрой сапоги. Следом пролетел и шмякнулся об дверь детской комнаты портфель. «Эй, огрызок, ты дома или нет? – крикнула Зина уже из кухни. – Ты там, говорят, опять в какой-то шизанутой олимпиаде победил? Ну не придурок ли!» У папы округлились глаза. Он возмущенно стукнул чашкой о блюдечко. Так и есть – Зинаида забыла, что отец дома, и разговаривает с братом в своей обычной манере. «Чего притих? – продолжала тарыхтеть добрая сестрица. – Я знаю, что ты здесь – вон пальто висит на вешалке. Все равно не спрячешься. Сейчас вот только поем и сразу тебя отпинаю как надо, чтоб нос не задирали. Олимпиец сопливый! Жалко, что жрать очень хочется. А то бы ты у меня уже визжал и прощения просил! Боишься, отличничек? Правильно делаешь. Бить недомерка я буду больно и долго! Да куда ты делся?!»

Изнывающая от злости Зина рывком распахнула дверь «зала» и... застыла на пороге. Потом промямлила: «Э-э-э... папа, здравствуй». Георгий Петрович молча смотрел на дочь. «Мы это... играли с Сережей, – проблеяла подлая девчонка. – Да ведь, братик?» Мальчик отвернулся. Папа Гоша покраснел от негодования и крикнул: «Прочь отсюда, дрянь! Вот вечером придет мать, тогда и будет с тобой разговор по душам! А сейчас попробуй только, высунься из детской. Помни: я за себя не отвечаю!» Зина опрометью кинулась в маленькую комнату. Хлопнув дверью, девочка громко и притворно завывала. «Вот что, сынок. Возьми-ка учебники и готовь сегодня уроки здесь, в „зале“. Я пока ни о чем тебя не спрашиваю, все вечером выясним. С Зиной не разговаривай и не бойся ее», – велел Сереже Георгий Петрович.

Мама Аня, поздно вернувшись с работы, сразу поняла: в доме неладно. Устало прищурив глаза, она оглядела папу и Сережу. Спросила: «Вы чего оба надулись? И где Зинулька? Почему меня не встречает?» Георгий Петрович смущенно кашлянул: «Ты, мать, погоди. Иди сперва, поешь, а потом и...»

После ужина папа Гоша велел: «Сынок, позови сестру сюда». С тяжелым сердцем Сережа выполнил приказание. Опустив голову, Зина бочком просеменила в «зал». Она сразу села в угол дивана, рядом с мамой, и обняла ее. Папа рассказал о том, что произошло днем. Анна Никифоровна, помертвев, сняла руки дочери со своих плеч. Тихо спросила: «Как же ты могла, Зина? Ведь Сережа твой родной братик, а ты ругала его такими словами! И за что?! За то, что мальчик в олимпиаде победил. Да другая девочка гордилась бы, а ты» ... Сестра вскочила и завопила: «А я не другая! Вечно ваш Сереженька самый лучший! Ненавижу его!» – и хотела выбежать. Но папа сурово сказал: «Живо сядь и слушай. Сынок, говори правдиво и без утайки. Давно это у вас с сестрой началось?» Мальчик взглянул в сторону Зины. Сестра, скривившись, незаметно для родителей показывала ему кулак. Но – удивительное дело! – страха в душе Сергея больше не было. Он подмигнул Зинаиде, набрал в грудь побольше воздуха и... подробно рассказал отцу и матери все. Сестрица пробовала перебивать мальчика, орать и топтать ногами. Но каждый раз получала неожиданно крепкий подзатыльник от Анны Никифоровны и замолкала. «Так ты, Сергей, поэтому везде ходил с портфелем? – качал головой отец. – Отчего же нам-то с мамой ни слова не говорил? Мы бы живо девчонке хвоста накрутили!» – «Да боялся он, – вытирала слезы Анна Никифоровна. – И ябедничать не хотел. Верно, сынок?»

Зина сидела уничтоженная, боясь поднять глаза. Наконец папа Гоша приказал ей убраться и не смей показываться родителям на глаза. Сережа в ту ночь спал не у себя, а в раздвинутом кресле в комнате родителей. Видно, они не решились оставить его наедине с сестрой. Под утро мальчик проснулся от горячего шепота отца: «Как же мы с тобой, Аня, Зину-то упустили? Редкая злыдня выросла, а мы и не заметили. Хорошо, хоть сегодня все случайно открылось. А то ведь девчонка и дальше бы Сережу тиранила! И кто бы из него мог получиться? Слунтяй затюканный». – «Да ладно тебе, – возражала мама. – Характером нашего сына Бог не обидел. Вон как Зина старалась, чтобы он плохо учился. А Сережка начхал на сестрины

угрозы и по-своему делал. Молодец» – «Может, оно и так. А все же деваться нам с тобой, мать, некуда: надо немедля из Зины человека делать. Дочь ведь почти взрослая, в восьмой класс ходит. Боюсь, поздно уже ее перевоспитывать. Но и подлюгой лживой оставить девочку нельзя. Родители мы Зинуле. С нас и спрос потом будет, кого вырастили».

С того памятного утра отец и мать всерьез занялись воспитанием старшей дочери. Во-первых, родители заставили ее готовить уроки – причем в разное с Сережей время. Сыну полагалось сидеть в детской над книгами сразу после обеда, до прихода родителей с работы. Потом наступал черед дочери. Видно, папа с мамой преследовали при этом сразу две цели. Во-первых, оградить Сережу от порчи его домашних заданий со стороны сестры – тем более, что Георгий Петрович твердо заявил детям: «Ты, Зинаида, не смей больше касаться книжек и тетрадок Сергея. Узнаю – выпорю ремнем так, что неделю не сядешь. Не посмотрю, что большая. А ты, сынок, не будешь больше везде носить с собой портфель. И если сестра хоть одним пальцем заденет то, что лежит на твоём столе, сразу говори мне или маме. А уж мы ей устроим баню!» Во-вторых, придя вечером домой, родители сами командовали Зине: «Садись за уроки!» – и девочка уже не могла соврать, что все выучила днем. Приходилось ей отходить от телевизора, плестись в детскую и доставать учебники с тетрадями. Бедные наивные папа с мамой! Они даже не могли предположить, что Зина просто тупо сидит над книгами положенные два часа, но ничего при этом не учит! Им, работающим и добросовестным людям, и в голову не могло прийти, что можно столь бездельно проводить время! Сережа быстро понял хитрости сестрицы, но не подал виду. Зачем? Он знал, что Зина изо всех сил ненавидит учебу. Девчонка давно бы бросила школу, если бы не строгие родители. Постигать науки Зинаида, конечно, не станет – но зачем расстраивать любимых маму с папой? Главное, что сестра теперь оставила мальчика в покое и не мешает ему учиться! Девчонка со страху притихла, не грубила родителям и даже – вот чудеса! – помогала Анне Никифоровне в домашних делах. Раньше-то Зинаиде пять раз приходилось напоминать, чтобы тарелку за собой помыла! Сережа с сестрой почти не разговаривал – да и о чем? Мальчик много читал, занимался спортом, увлекался шахматами, мечтал о путешествиях. Зине же подобные увлечения были чужды, она хотела только одного – поскорее вырваться из-под родительской опеки. Сергей слышал однажды, как в школе на перемене сестра сказала своей подруге, вертлявой Маринке: «И когда я уже из дома свалю? До печенок родаки достали своим нудным воспитанием!»

А родители тем временем очень старались сплотить семью, подружить между собой детей. Теперь каждый выходной все вместе они отправлялись в театр, или в музей, или в цирк. Маме было совсем не просто выкраивать на эти мероприятия деньги из скудного бюджета. Но Анна Никифоровна, вздыхая, приговаривала: «Ничего, с голоду не умрем. Зато дети развиваются – как же иначе?» И Сережа был рад семейным культпоходам! Он, затаив дыхание, смотрел спектакли и представления, а в музеях всегда старался встать поближе к экскурсоводу, чтобы случайно не пропустить интересные детали его рассказа. Потом было ужасно здорово обсудить увиденное и услышанное вместе с родителями! – но только не с Зиной. Сестра откровенно зевала в театральных и музейных залах. Глядя на ее припухшее от скуки лицо и полузакрытые глаза, Сергей удивлялся: девочка научилась спать стоя и сидя. Зачем? – он не мог этого понять. Ведь Зина отталкивала от себя столько увлекательного! Может, вот сейчас, в данную минуту она наконец взглянет с любопытством: что происходит на сцене? какая картина на стене собрала вокруг себя массу экскурсантов? Нет, разочарованно вздыхал мальчик, сестра по-прежнему дремлет...

Так продолжалось несколько лет. Сережа упорно учился, завоевывал призы и грамоты, получал спортивные разряды. Зина закончила ПТУ, стала овощеводом, поступила работать в теплично-парниковый комбинат. Родители вздохнули чуть свободнее: дочь теперь с профессией! Правда, зарабатывала она немного. Но все-таки уже сама покупала себе одежду и обувь, и в семье стало немного полегче с деньгами. Даже удавалось кое-что отложить на сберкнижку.

К тому же Георгий Петрович перешел на более тяжелую работу и стал теперь трудиться в ночную смену. Днем приходилось соблюдать тишину. Мама строго наказывала Зине и Сереже: «Не шумите! Дайте отцу отдохнуть. Он так страшно устает». Оказалось, папины труды принимались не зря!

Однажды, теплым майским вечером, Сергей по просьбе родителей опять принес им дневник. Мальчик в тот день закончил – снова на одни «пятерки»! – седьмой класс. Впереди были каникулы – а что может быть лучше в жизни школьника, даже такого убежденного отличника, как Сергей? Мальчик стоял у окна и наблюдал счастливую картину: папа с мамой любят его годовыми оценками. Зина, сидя в кресле, криво улыбалась. Она по-прежнему терпеть не могла успехи брата – в чем бы то ни было. Наконец девушка вскочила и устремилась к выходу из комнаты. «Подожди, Зина, – остановил ее Георгий Петрович. – У меня есть новость, очень приятная. Сережа теперь на каникулах, а мы трое можем взять отпуска и поехать...» Папа подмигнул домашним. «Куда?» – с замиранием сердца спросил Сергей. В голове мелькнуло глупое: «На остров Мадагаскар!» Но папа Гоша радостно воскликнул: «В Москву!» – и сразу началась веселая сумятица. Еще бы! Ведь до сих пор семья в полном составе никуда не ездила – вечно не было денег. Только дети летом отдыхали в пригородных лагерях – всегда одних и тех же. «Папочка, ты молодец! – кричала Зина, обнимая родителей. – Я хоть свет увижу!» Сергей, забыв, что он уже почти старшекласник, лихо отплясывал гопака – помнил этот танец с детского сада.

Что и говорить, та поездка в Москву удалась! Никогда больше Сергей не переживал столько счастливых минут – и от новых впечатлений, и от отдыха с семьей, и от сознания: «Я тоже в Москве побывал!» Особенно запомнилась мальчику экскурсия в Кремль. Честное слово, как будто ожили перед его глазами читанные-перечитанные русские сказки! Золотые купола соборов, чудные дворцы, узорчатые башни – от древней величавой красоты у Сергея кружилась голова. Восторг его достиг предела, когда семья останавливалась перед Царь-пушкой и Царь-колоколом. Оба памятника были величавы и прекрасны! «Вот что мы, русские, можем!» – с гордостью подумал мальчик. Сереже очень понравилась Царь-пушка, и он долго ходил кругами возле удивительного орудия. По-старинному, объяснила молоденькая экскурсовод, оно называлось бомбардой. «Звонко и раскатисто!» – мысленно восхитился Сергей. А стрелять пушка должна была каменными ядрами в восемьсот килограммов весом... «Вот это по-нашему!» – одобрил Георгий Петрович. – Наверное, с такой-то защитой Москве можно было и врагов не опасаться?». Экскурсовод улыбнулась: «Вы правы. В 16 веке Россия часто страдала от набегов крымских татар. В 1571 году хан Девлет Гирей сжег Москву. А в 1586 литейный мастер Андрей Чохов изготовил на Пушечном дворе это чудо средневековой артиллерии. Бомбарда была предназначена для устрашения татарских послов, прибывших в Москву. Но из нее так ни разу и не стреляли». – «Значит, сильно устарила Царь-пушка крымчаков?» – нахмурился папа. – «Видно, достаточно. Хотя есть и другое мнение на этот счет...» Но тут потерявшая последнее терпение Зина дернула отца за рукав и заныла: «Ой, хватит уже тут торчать и всякую ерунду разглядывать! Когда мы пойдем в ГУМ?» Ясное дело, русская история девушку по-прежнему не интересовала. Зинаида мечтала о новой кофточке со смешным названием «лапша» и с утра рвалась в главный универмаг Советского Союза. «Ладно, идем в ГУМ, отец. И правда уже пора, – озаботилась мама. – А то у всех Зининых подружек „лапша“ есть, у нее одной нет». А Сергею не хотелось уходить из Кремля! Он грубо сказал сестре: «Тряпичница!». – «Книгочей! – ехидно ответствовала Зина. – Какой толк может быть от книжек? У тебя вон штаны уже короткие и пиджак весь истрепался. Ходишь, как чучело, и ничего не замечаешь. Только чита-аешь». Сережа жарко покраснел – ему стыдно стало перед экскурсоводом за сестрину глупость. Ну, при чем тут книги – и его старый костюм?! Просто денег в семье немного... «Зинаида, закрой рот. – рассердился папа. – Не смей так себя вести! Извините, девушка. Мы пойдем». Экскурсовод едва заметно усмехнулась и скользнула по Зине

насмешливым взглядом. А Сергею она подмигнула, и улыбнулась, и махнула рукой на прощанье! Мальчик уходил, мучительно оглядываясь. Бронзовая громада Царь-пушки смотрела ему вслед. «Приветствие столетий – мне, живущему сейчас. Пусть бомбарда и не стреляла, а только предупреждала врагов: не ходите на Русь! Зато она и теперь стоит в сердце Москвы, а где те крымчаки?» – думал Сергей.

«Лапшу» они в тот день все же купили – правда, отстояв огромную очередь. Зина со счастливым лицом прижала к груди хрустящий пакетик и прошептала: «Бордовая, как я хотела!» – «Ну вот, доченька, а ты говорила – не найдем, – сказала мама. – Теперь-то твоя душенька довольна?» Зина зажмурилась и кивнула головой. Сережа удивленно смотрел на сестру. Это было до того необычно – радостная Зинаида! – что он в эту минуту простил сестре и давние обиды, и побои, и сегодняшнюю выходку в Кремле. «Хорошо бы Зина навсегда веселой осталась, – размышлялся мальчик. – Может, мы с ней даже подружились бы?!»

«Слушайте, а где папа? Куда он делся? – встревожилась Анна Никифоровна. – Только что здесь был – и пропал. Ну-ка, ребята, поищите его глазами. Только не отходите от меня, иначе тоже потеряетесь!» Зинаида с Сергеем завертели головами, но отца не обнаружили. Мама ахнула и прижала ладони к щекам. «А вот он я! – весело крикнул Георгий Петрович, выныривая сбоку из толпы. – Забежал тут кое-куда. Ладно, не ругайся, мать. На сегодня уже хватит прогулок. Идем отдыхать».

В гостинице семья занимала двухместные номера: Сережа жил с папой, Зина – с мамой. Сестре не терпелось примерить обновку в спокойной обстановке, перед зеркалом. Поэтому они с Анной Никифоровной сразу ушли к себе. Сережа, войдя в номер следом за отцом, очень удивился. Георгий Петрович напевал! Дело в том, что обычно он был сдержанным, строгим и немногословным человеком. А тут... «Пап, ты чего?» – с любопытством спросил Сергей. «Гляди, сынок, что я тебе купил, – подмигнул мальчику отец. В его руках оказалась небольшая коробочка. Георгий Петрович поставил ее на стол, осторожно снял крышку... У Сергея захватило дух от восторга. Это была маленькая Царь-пушка, искусно выточенная из камня! Все-все в ней было, как у настоящей, кремлевской. Виднелось и по четыре скобы на дуле бомбарды с каждой стороны, и полосы рельефных узоров. И даже угадывалось изображение царя Федора Иоанновича в короне и со скипетром в руке! «Ну что, нравится? – усмехнулся отец. – От мамы мне, конечно, попадет. Скажет, зря столько денег потратил. Тебе вон, и правда, новый костюм нужен, Сережа. Но уж больно не хотел мой сын сегодня от той громадной пушки уходить! Видел я, как она тебя захватила. Дай, думаю, куплю мальчишке хороший сувенир на память о Москве. Когда-то теперь опять попадем сюда?»

– А никогда! – вдруг истошно завизжало от двери. Сергей вздрогнул и отдернул руки от дорогой игрушки. На пороге, подбоченясь, стояла Зина в новой темно-красной «лапше». Девушка побагровела от злости. Ее лицо и шея почти не отличались по цвету от кофточки. «Никогда, папочка, мы не будем ездить в Москву! Потому что ты изводишь деньги на своего любимого Сереженьку! Пацан еще сопляк зеленый, чтоб ему такие подарки покупать! А мне и туфли нужны, и сапоги – я видела сегодня в ГУМе хорошие! Но ничего! Я сейчас маме расскажу про твое мотовство, и она...

– Почему ты кричишь, доченька?» – в номер вбежала испуганная Анна Никифоровна.

– Погляди-ка, мать, на эту жадную девчонку, – сказал побледневший Георгий Петрович. – Брату позавидовала, что я ему сувенир купил. Только под себя бы знай гребла, скупердяйка!

– Да! – топнула ногой Зина. – А когда я что от родителей-то видела? Модное, дорогое вовсе не носила! Вы только попусту деньги расфуфыривали – на книжечки, да на шахматки, да на музейчики с театриками. И все это было из-за лопуха пристукнутого, Сереженьки. Конечно, он же умный, а я дура! И сейчас опять! Мне тряпку кинули, как собаке кость, а ему – подарок с глубоким смыслом! Дочери-то сувенир не купили, даже не предложили!»

– А он тебе, Зинуша, нужен, сувенир? – тихо спросил отец. – Что ты с ним делать будешь? Ты и к настоящей Царь-пушке скривившись подходила, я видел.

– И пусть! – проверещала сестрица. – Дали бы мне деньги, я бы на них что-нибудь дельное себе купила вместо этой дурацкой пушки!

– Да ведь ты «лапшу» просила, Зина. Ее и получила! – возмутилась мама. – Чего же опять требуешь?»

– Не разговаривай с грубиянкой, мать, – Георгий Петрович тяжело опустился на стул. – Ты же видишь, девчонка только два слова знает: «я» и «мне». А мы-то с тобой надеялись...

Зина захохотала:

– На что, родки мои наивные? Паинькой хотели дочку сделать? А не вышло, да?

Георгий Петрович прижал руку к сердцу, со всхлипом вдохнул воздух и повалился со стула. Сережа с мамой еле успели подхватить внезапно отяжелевшее тело. Зина выскочила за порог. Хлопнула дверь соседнего номера. «Господи, какая же Зина бессердечная! – отчаянно вскрикнула Анна Никифоровна. – Отца довела до приступа и убежала, паршивка! Сынок, милый, на тебя вся надежда. Давай быстрее беги вниз, к администратору, и вызывайте „скорую“! Я с папой буду, нельзя его одного оставить. Может, Гошенька последние свои минуты на Земле доживает – мы ведь не знаем, что с ним. Беги, Сережа!» Задохнувшись от ужаса, мальчик помчался за помощью. К счастью, «скорая» приехала быстро и увезла Георгия Петровича в больницу. Его спасли.

Из гостиницы пришлось съезжать, потому что денег у семьи оставалось мало. Через четыре дня отпускники собирались возвращаться домой, в Омск. Но этим планам не суждено было сбыться. Перед Анной Никифоровной, Зинаидой и Сергеем встали две важнейшие задачи: ухаживать за больным отцом и где-то раздобывать средства на жизнь. Сняли комнатку рядом с кардиоклиникой, чтобы мама с Сережей могли дежурить возле Георгия Петровича. Видеть Зину папа отказался наотрез... Анна Никифоровна заявила дочери: «Пойдешь мыть подъезды вместе со мной. Без разговоров! Отцу нужны дорогие лекарства. Платить за комнату и питание тоже надо». Притихшая после недавних событий сестра молча кивнула. Но все же спросила: «А Сережка? Он-то что будет делать? Только возле папы сидеть?» – «Сидеть?! А ты когда-нибудь ухаживала за лежачим больным? Вот и помалкивай!» – сурово отрезала мать.

Сергей усмехнулся: «Ты не расстраивайся, добрая сестренка. Я за твой счет жить не стану. Буду машины мыть рядом, возле торгового центра. Уже договорился. Так что, может, и тебя еще накормлю – кто знает?» Зина усмехнулась. Мама заплакала навзрыд – не выдержали нервы.

Домой семья вернулась только через месяц. Да и то Георгию Петровичу пришлось после приезда в Омск снова улечься на больничную койку – долечиваться. Но ничего! Ведь они уже были в родном городе, а дома, что называется, и стены помогают. Сережа устроил Царь-пушку в «зале», на телевизоре. Это было самое почетное место в доме. Бомбарда стояла во всей своей грозной красе. Узорчатый ствол орудия был направлен налево, за окно. Сережа, уже познавший вкус настоящей беды, смотрел на игрушку с надеждой. Понимал, что это глупо, но ничего не мог с собой поделать. Пусть пушка была не бронзовой, как там, в Кремле. Пусть она целиком вместе с подставкой и ядрами умещалась на телевизоре! Но в ее светлом камне была та же горделивая мощь, та же тяжесть, что и в облике ее старшей сестры. «Храни нас, Царь-пушка», – просил мальчик, поглаживая длинный ствол. На всякий случай в другой руке Сергей держал тряпку – якобы он просто вытирает пыль с сувенира. Зинаида, как известно, любила неожиданно войти в комнату...

Отец, вернувшись из больницы домой, обрадовался до слез: «Так ты решил, Сережа, Царь-пушку сюда поставить? Хорошо придумал, молодец». Со старшей дочерью Георгий Петрович только сухо поздоровался – все еще не простил ей происшедшего в Москве. Глаза Зинаиды были полны слез, но она продолжала стоять возле отца, не желая уходить в детскую. Георгий

гий Петрович, отвернувшись от девушки, весело разговаривал с мамой и Сережей. Мальчик смотрел на сестру и думал: «Ну, пересиль ты себя! Попроси у папы прощения! Ведь знаешь, что виновата в его болезни». Но Зина упорно молчала.

Впрочем, через несколько дней у сестры намечался день рождения: ей исполнялось девятнадцать лет. Уже приглашены были подружки, составлено праздничное меню – оно тоже лежало на видном месте, на журнальном столике. Отец взглянул на него – и отбросил в сторону. Зина, всхлипнув, наконец выскочила из комнаты.

Георгий Петрович сумел превозмочь себя только через пару месяцев. Он начал – хотя и сквозь зубы – общаться с дочерью. Впервые это случилось в воскресенье, светлым октябрьским утром, за завтраком. «Зинаида, подай мне сахарницу», – сказал папа. Девушка выронила ложечку и кинулась исполнять его просьбу. В кухне у Иноземцевых было тесно, сахарницу обычно держали на подоконнике, а в тот раз забыли поставить на стол. Все заулыбались, приободрились. Мама предложила: «Может, пойдем сегодня в музей? Как раньше?» Георгий Петрович тщательно размешал сахар в чае и поднял глаза: «Как раньше, уже никогда не будет. И ты это, Аня, хорошо понимаешь. Дочке твой музей нужен, как собаке боковой карман. Верно, Зина?» Сестра отвернулась. «Я решил простить тебя, дочь – для спокойствия в семье. Ты-то ведь прощения ни у кого из родных не попросила – значит, считаешь себя правой, а нас дурачками. Ну, и оставайся при своем гордом мнении, если хочешь, – Бог с тобой. Но уж больно мама расстраивается, по ночам плачет. Да и Сережа нервный ходит. А я хочу, чтобы он спокойно учился. Ну, вот я все и сказал. Завтракаем дальше». Семейство опять уткнулось в свои чашки. Зина выбрала себе самый маленький бутерброд и, давась, съела. Вышла, тихо притворив за собой дверь.

Через три дня, придя домой из школы, Сергей нашел на кухонном столе записку:

Вы считаете меня плохой дочерью. Жить с вами дальше я не буду. Устроилась в общежитие при комбинате. Любите своего Сереженьку, он у вас хороший.

Зина

Мальчик бросился в детскую и застыл при виде распахнутого шкафа и выдвинутых ящиков стола. Зинаида действительно ушла: ее вещей в комнате не было. Родители приняли дурную весть внешне спокойно – только мама поднесла руки к горлу, а у отца как-то странно задергался глаз. «Что ж, – сказал он, – будем теперь жить втроем. Но ты, Аня, не смей бегать к Зинке в общежитие и звать подлую девчонку домой. Узнаю – брошу тебя и уйду, поняла?» У Сережи застрял в горле крик: «Да наоборот! Идите к ней, родители! Тогда Зина поймет, что на самом-то деле вы ее любите!» Но мальчик вздохнул и не сказал ни слова. Авторитет Георгия Петровича в семье был непререкаем...

Незаметно пролетели полтора года. Имя Зинаиды в доме не упоминалось. Сергей очень скучал по сестре. Иногда он отправлялся к комбинату, чтобы хоть издали посмотреть на Зину. Она выходила с работы веселая, в окружении щебечущих подруг. «Забыла сестренка про нас, – горько думал Сергей. – Больно нужны ей родные, а уж я-то и подавно!» Но однажды, во вторую зиму после расставания с Зинаидой, Сережа вернулся из школы пораньше. Он сразу понял, что дома кто-то есть. И явно не папа с мамой! – родители в это время дня еще работали. С замершим сердцем мальчик прошел в большую комнату. На диване, одетая, восседала старшая сестра – даже не удосужилась сбросить пальто и шапку! Перед ней на журнальном столике серебрилась Царь-пушка. «Привет!» – от волнения голос Сережи внезапно охрип. Зина вздрогнула: «Здорово, братик! Сижу вот, смотрю на гадский камешек и думаю: как же его

грохнуть? Из-за этой дребедени и скандал в Москве возник, и отец заболел. Будь она проклята, эта игрушка!» Сережа, подскочив к столику, схватил памятную вещицу и отбежал с ней к двери, крикнув: «Не смей! Сувенир мне папа подарил, я не дам его разбить. И пушка ни в чем не виновата!» Глаза Зины загорелись недобрым огнем: «А кто виноват? Может, я? Как бы не так! Просто папочке с мамочкой дурацкая игрушка дороже дочери оказалась. Они меня из дома выгнали!» – «Нет, ты сама нас бросила, – ответил сестре Сергей. – Но признать этого не хочешь. Потому что привыкла других винить в собственной глупости и злобе». Бережно прижав Царь-пушку к груди, мальчик унес ее в детскую. Оглянувшись на дверь – не вошла бы Зинаида! – он спрятал свое сокровище за кипой тетрадок в письменном столе. «Пока, братик! – послышалось из коридора. – Счастливо оставаться. Больше не увидимся, я скоро замуж выхожу! Снились вы мне все в гробу в белых тапках!» Мальчик невольно содрогнулся. Хлопнула дверь. Сестра оставила родной дом.

Вечером папа сразу заметил, что сувенира на месте нет. «Ты что, Сережа, к себе в комнату пушечку забрал? – спросил он. – Ну, и ладно. Пусть она постоянно с тобой рядом будет». Сергей вздохнул – не рассказывать же отцу о приходе Зины! В последнее время Георгий Петрович постоянно держался за сердце, очень исхудал и постарел. Таблетки отец теперь пил горстями. И руки у папы так тряслись, что он не мог удержать стакан воды, расплескивал ее на пол... Мальчик молча повернулся и побрел к себе. Достал из стола Царь-пушку, принес ее в «зал» и снова поставил на телевизор. С радостью услышал, как отец сказал: «До чего хороша!» Открылась входная дверь. Сергей вышел встретить маму. Вешая ее пальто на крючок, мальчик услышал тихий стон и не сразу понял, что произошло. Но Анна Никифоровна прямо в сапогах кинулась в «зал» и закричала: «Сережа, папа без сознания! Беги к Пушилиным, в шестнадцатую, вызывай по телефону „скорую“! Господи, только бы они дома были!»

К счастью, соседи оказались дома. «Скорая помощь» приехала минут через десять. Сергей, шатаясь, шел по подъезду за носилками – их волокли вниз два дюжих санитаря. Мальчик не мог оторвать глаз от лица Георгия Петровича. Оно стало неузнаваемым – страшно опухшим, бледным до синевы...

Опять потянулись тревожные дни. Любимый папа лежал в «реанимации», и пускали к нему не слишком часто. Сережа каждый раз, входя с мамой в палату, ждал: ну, сегодня-то отцу наконец станет лучше, и он улыбнется им по-прежнему, и пошутит... Но проходила неделя за неделей, а Георгий Петрович не выздоравливал. Наконец лечащий врач сказал, пряча глаза, что надежды «крайне мало». Удрученные Сергей с мамой вышли из больницы. Была сырая февральская оттепель, сыпал мелкий дождь. «Неужели папа умрет? – неотступно думал мальчик. – Нет, не может быть. Как мы останемся без отца – я, и мама, и... Зина?» Словно разгадав мысли сына, Анна Никифоровна остановилась, схватила Сережу за рукав. Дрожащим голосом сказала: «Идем, милый, в общежитие. Я чувствую: папа совсем плох. А если он уйдет от нас, не простив Зину? Если моя доченька даже не увидит отца перед смертью?» Как подстегнутые, они побежали в темноте по лужам. Хотя Сергей крепко держал маму под руку, Анна Никифоровна несколько раз поскальзывалась и падала. Почти задохнувшись, они влетели в холл общежития. Спросили у дежурной, где живет Иноземцева Зинаида. Комната сестры оказалось на пятом этаже, в самом конце коридора. Дверь им открыла неряшливая девица. Грубо спросила: «Чего надо?», и от нее пахло спиртным. Захохотала: «А, это вы, Зинкины родственнички? Те самые, которые знать ее не хотели и из дома выгнали? А пацан – Зинушин брательник? Странно: она говорила, что он полный debil. А вроде не похож»... Почувствовав, что мама покачнулась, Сергей с силой произнес: «Перестаньте пороть чушь! Скажите, где Зина?» – «Ха, чушь! – взвизгнула девица. – Что, правда глаза колет? Зинаида мне много чего про свою семейку рассказывала. Все знаю: и как вы ее с детства гнобили, Золушку из несчастной девчонки сделали, всю домашнюю работу на нее свалили. И как голодом морили. Она, сидя на хлебе и воде, плохо училась. Поэтому Зинуху дома и за человека-то не считали. И как

в школу она ходила в лохмотьях и драных туфлях, а все новенькое в семье только брату-полудурку покупали – очень любили его родители за убогость. Пардон, это же ты, пацан? Да вроде абсолютно нормальный на вид... А Зинка говорила, что ты чуть ли не слюни пускаешь и еле-еле ходить умеешь!» Анна Никифоровна вцепилась пальцами в косяк двери и начала сползать вниз. «Ой, Вам плохо? – засуетилась девушка и подхватила женщину под локоть. – Заходите в комнату, присядьте. Здесь можно отдохнуть, на Зинкиной кровати. Вы простите меня, дуру. Я тут наговорила... Теперь понимаю, что Зина все врала. Выпейте вот водички, пожалуйста. Извиняюсь, не знаю, как Вас зовут». – «Анна Никифоровна». – «Нет, Анна Никифоровна, не похожи Вы на злыдню. У меня-то глаз наметанный. Я думала, Вы вроде моей мамы, пьющей да беспутной, прости Господи. Но нет, у Вас глаза добрые и вид домовитой, порядочной женщины. Сынок Ваш тоже умный и положительный. Но зачем мне тогда Зинаида про свою семью такую лабуду гнала?!» – «Послушайте, – попросил Сергей, – как Вас?» – «Лена!» – «Пожалуйста, Лена, не извиняйтесь больше. Я хорошо знаю сестру и... не удивлен ее поведением. Вы лучше скажите, где Зина? Скоро ли придет?» Девушка вздохнула: «А не придет она сюда, не надейтесь». – «Что с дочкой?! – прошептала Анна Никифоровна. – Она жива?» – «Да жива, конечно, – замахала руками Елена. – Но разве Вы ничего не знаете?» – «О чем?» – «Да Зинуха же замуж вышла и сразу уехала».

«Замуж? А нам об этом ни словечка не промолвила?! О-ох, доченька милая!» Потрясенная Анна Никифоровна глухо зарыдала. «Вот и я говорю, – пробормотала Елена. – Дура она, Зинка. От таких хороших родных взяла и отказалась!»

«Погодите, – Сергей схватил девушку за руку. – А куда, куда моя сестра уехала? Вы поймите, у нас папа при смерти. Нужно ей об этом сообщить!» – «Да не знаю я. Зина сказала: хочу, дескать, денег заработать и кооперативную квартиру купить. У меня, мол, теперь появилась семья, а жить негде. Вроде они с Колей – это муж ее – куда-то в Надым подались за длинным рублем. Я один раз случайно их разговор слышала: что-то про полярные ночи и морозы за пятьдесят градусов». – «А писать она Вам не обещала?» – «Ну-у... Сказала, если будет настроение, черкнет пару строк. Тебя как зовут-то?» – «Сергей». – «Не сомневайся, Серый. Ты мне домашний адресок оставь. Если Зинаида напишет, я сразу к вам приду и сообщу!»

На следующий день была суббота. Утром мама разбудила Сергея и сказала: «Слава Богу, сегодня мне не надо на работу. Весь день смогу рядом с Гошей провести. Ты, сынок, давай в школу собирайся». Но мальчик, мучимый предчувствиями, наотрез отказался идти на занятия. Он заявил: «Я с тобой, мама. Ведь неизвестно, что...» – и, испугавшись, замолчал. Но Анна Никифоровна поняла Сергея и заплакала.

В палате еще царили сумерки. Георгий Петрович дышал тяжело, со всхлипами. Мать и сын тихо позвали его, но папа не услышал. Они терпеливо ждали. Прошел час, яркое солнце залило комнату. Руки отца внезапно задвигались, судорожно перебирая складки одеяла. Мама ахнула: «Это папа обирается, сынок! Конец уже близок». Сережа затрясся от рыданий. Потом всмотрелся в черты умирающего: лицо Георгия Петровича истончилось, стало как будто восковым. Мучительно шли минуты. Наконец папа широко открыл глаза. «Мы здесь, Гоша. Мы с тобой». – сказала Анна Никифоровна. Отец силился что-то вымолвить и не мог. Он только строго смотрел на своих родных. «Ты хочешь видеть Зину?» – спросила мама. Папа с трудом кивнул. «Нет тут, Гоша, нашей доченьки – горестно прошептала Анна Никифоровна. – Замуж она вышла и уехала. Не может Зиночка с тобой проститься». Отец нахмурился и замычал. «Что ты хочешь сказать, милый? – голос мамы сорвался в хрип. – Ты простил ее?» – «Давно», – ясно произнес Георгий Петрович и закрыл глаза. Жизнь оставила его.

На похоронах было много народу. Оказалось, что столько людей – знакомых и даже вовсе незнакомых Сереже – знали и любили Георгия Петровича! Пришла, к его удивлению, и Елена. Объяснила: «Я хоть чем-то помогу Вам, Анна Никифоровна. Зины-то нет». Самая страшная

минута настала, когда все гости разбрелись после поминок. В доме повисла тишина. Сережа стоял у порога и думал: «А папа больше никогда, никогда, никогда не войдет в эту дверь».

Потянулись тоскливые дни. Анна Никифоровна очень старалась, но никак не могла справиться от горя. В доме пахло валерьянкой. Сергей с головой ушел в учебу, надеясь порадовать маму своими успехами. А она, казалось, не замечала ни наступающей светлой весны, ни сочувствия соседей, ни любви сына. Бухгалтерское дело женщине пришлось оставить. Анна Никифоровна быстро слепла и уже не могла разбирать цифры в подсчетах. Поэтому она устроилась мыть полы в подъездах, как тогда, в Москве, – ведь им с Сережей надо было на что-то жить! Мальчик, стиснув зубы, думал: «Ладно, ничего. Учебный год скоро закончится. Я пойду работать, освобожу маму от тяжелого труда. Пусть спокойно лечит нервы и отдыхает».

Беда грянула в середине мая. Сережа вечером был на тренировке. Мальчик не мог понять, почему у него вдруг зануло сердце. Силился настроиться на спорт – безуспешно. Наконец Сергей выскочил из зала, покинул вещи в сумку и бегом направился домой. Залетев в прихожую, крикнул: «Мам, ты где?» В ответ – тишина. Но ведь Анна Никифоровна уже давно должна была вернуться домой! Рванул дверь кухни. Мама, запрокинув голову, сидела за столом. Мертвая. Перед ней на столешнице были разложены коробочки с таблетками. Стоял стакан с водой.

Дальнейшее Сергей помнил плохо. В памяти остались клочки пережитого. Кажется, он выбежал в подъезд и с криком стучал в двери соседей. Потом в квартире толпились милиционеры, и мальчик отвечал на какие-то вопросы... Белое лицо мамы в гробу, тихие поминки. И – одна отчетливая картина. Сергей один в пустой ночной квартире. Стоит в большой комнате перед телевизором. В свете луны мерцает Царь-пушка. Мальчик с упреком спрашивает у нее: «Ну что ж ты, милая? Почему нас не защитила? А ведь создана была охранять мир и покой!»

Помнится, Сергей ходил в школу, хотя ничего не слышал и не понимал на уроках. Да его и не спрашивали – учителя только сочувственно качали головами и вздыхали. С удивлением мальчик узнал, что закончил учебный год на одни «пятерки». Настало лето, и вот тут беда навалилась на Сергея по-настоящему. У мальчика закончились деньги, заработанные мамой. Он перестал ходить за продуктами. Это заметили соседи и стали подкармливать сироту. А Сереже, по правде говоря, не хотелось ни есть, ни искать работу, ни вообще жить. «Зачем?» – угрюмо спрашивал он у Царь-пушки. Та молча искрилась своими мраморными узорами. Но тяжкий ствол старинного орудия все так же упрямо смотрел в сторону и чуть вверх. Сережа вздыхал и плелся разогревать суп, принесенный соседкой.

Но вот однажды, в конце июня, вдруг знакомо проскрежетал ключ в замке. Распахнулась дверь. Сергей почувствовал, как его сердце замерло и ухнуло вниз. «Мама!» – закричал он и побежал в коридор.

«Ну, ты с ума-то не сходи!» – сказала Зинаида, сбрасывая туфли. За ее спиной стоял незнакомый мужчина. «Здравствуйте», – пробормотал Сережа.

«Привет, привет. Давай знакомиться. Я Коля, – шепеляво отозвался пришелец. – Муж, значит, твоей сестры». Белесые глаза Коли цепко ощупывали стены и потолок. Особенно ему, видно, понравился стенной шкаф в прихожей, сделанный Григорием Петровичем. Мужчина попробовал его крепость, дернув за ручки.

Зинаида, едва войдя в квартиру, сразу принялась распоряжаться. Отругала Сергея за пыль на мебели. Велела Коле быстрее внести чемоданы: один в «зал», другой – в детскую. Сама достала из сумки продукты и полетела на кухню, готовить.

Обед прошел в молчании. «Почему Зина не спрашивает про маму с папой? – удивлялся Сережа, ковыряя вилкой вермишель. – Она ведь и не знает, что родители умерли. Думает, конечно, что мама с папой еще на работе. Но хоть бы поинтересовалась, как у них дела, как здоровье, в конце концов? И почему Зинаида вообще заявила?»

Когда попили чай, девушка тщательно вытерла стол и снова села напротив брата. Коля делал ей какие-то знаки и даже в нетерпении хлопнул ладонью по столешнице. Но Зина не сразу решилась заговорить. Ее глаза, избегая взгляда Сергея, блуждали по сторонам. Наконец девушка подняла голову:

– Ну, братец? Как дальше жить думаешь?

Сергей удивился:

– Дальше? Учиться! Ты погоди, Зин! Ты вообще знаешь, что папа с мамой...

– Да знаю, дорогой! – Зина жестко усмехнулась. – Имела глупость Ленке написать. Думала, она мне подруга! А Елена в ответ: и такая я, мол, и сякая, и родных своих не люблю, а они у меня хорошие-расхорошие, прям загляденье!

– А что? – глухо спросил Сергей. – Негодные были мы у тебя? И папа с мамой плохие, да?! Говори!

Зина смутилась, затеребила воротник кофты. В бой ринулся Коля:

– Ты, пацан, в сторону не съезжай! Чего теперь про родителей-то ваших базлать? Умерли, и слава Богу. Царствие им, стало быть, небесное.

Сергей тихо спросил:

– Куда я съезжаю? Вы что, не понимаете? Это же наши мама с папой! А вы, значит, оба с Зиной знали про их смерть?

– Про маму мы недавно узнали, Ленка мне уже второй раз написала, – заторопилась сестра, пряча глаза. – Если хочешь упрекнуть за то, что я на похороны не приезжала, так некогда мне было, работала я.

– Некогда?! – задохнулся Сережа. – Да ты...

Зина нагло зачастила:

– Да, на квартиру зарабатывала! Пахала, как лошадь, пока ты тут за родительскими спинами прохлаждался. Все, небось, книжечки почитывал! В шахматки играл!

Сергей вскипел:

– А тебе кто мешал то же самое делать?! Просто моя сестра тупица, и лентяйка, и скряга!

– Ша, родственнички! – гаркнул Коля. – Чего разорались? Вы по делу говорите.

Мальчик недоуменно пожал плечами. По какому еще делу?

Зина покраснела. Видно, в эту минуту сестру все-таки жег стыд! Но она зло сказала:

– Вот что, дорогой. Жить здесь больше не надейся. Кончилось твое время! Поедешь в детдом.

Сергей помертвел. Может, он ослышался?

– И не смотри на меня так, не разжалобишь! – продолжала сестра. – Довольно ты тут жировал да родительской любовью пользовался. А я тебя кормить и одевать не собираюсь. У меня теперь своя семья, понятно?

– Но ведь мы же с тобой не чужие! Как ты можешь выгонять из дома родного брата? Мама с папой...

– Отлезь, пацан, – угрожающе протянул Коля. – Кончились твои родители, и нечего их зазря поминать. Теперь я тут жить буду – с супругой!

Все еще не веря в сестрину подлость, Сергей прямо посмотрел в глаза Зинаиде. Та отвернулась. Мальчик встал из-за стола и, не помня себя, вышел. Все было кончено.

Через несколько дней приехали две равнодушные тетки из РОНО и с ними милиционер. Посмотрев какие-то бумаги, милиционер приказал мальчику:

– Бери вещи и идем! Нас ждет машина.

Больше всего на свете боясь расплакаться – не хотел он доставить такую радость Зинаиде и ее муженьку! – Сергей взял маленький чемоданчик и шагнул к двери. «Ну, ладно! – усмехался он, спускаясь по ступеням родного подъезда. – Ладно, Зинаида. Думаешь, выгнала меня, и от брата Сереги ничего дома не осталось? Ошибаешься! Царь-пушку я спрятал, тебе

ее не найти. А значит, папин подарок продолжает меня охранять – да и тебя, дурочку, тоже». Надо сказать, сувенир Сережа сразу, в первый же вечер, убрал с глаз Зинаиды и Николая. Мальчик отлично помнил, как сестра в прошлый свой приход рвалась уничтожить оружие. Поэтому, выйдя из кухни после тяжелого разговора, мальчик забрал игрушку и поместил под диван в своей комнате, прямо у стены. Царь-пушку ни с какой стороны не было видно, и Сережа ненадолго успокоился. Но он понимал: брать вещь с собой в детдом неразумно. Вряд ли Сергей сможет там сохранить дорогой его сердцу сувенир – его или разобьют, или утащат. Ночью, когда сестра с мужем уснули в «зале», мальчик принялся за дело. В углу стены, где стоял его диван, Сергей тихонько оторвал обои. Потом принес папины инструменты и начал долбить отверстие в штукатурке. Надо сказать, мальчику не сразу удалось совершить задуманное. Только на третью ночь Сережа бережно задвинул Царь-пушку в получившуюся нишу, закрыл дыру картоном. Сверху он все аккуратно заклеил обоями. Получилось отлично! Тайник был абсолютно незаметен на гладкой стене, и мальчик впервые после появления Зинаиды заснул спокойно.

Детский дом оказался сушим адом. В первый день Сергея избили до полусмерти. «А это прописка, наша давняя традиция!» – глумливо заявил восемнадцатилетний балбес по прозвищу Ляпа. Он-то и руководил расправой, приговаривая: «Всыпьте, парни, домашнему бутончику! Я уж обрыдался в последнее время! Думал, выпнут меня скоро из родных стен – и не успею больше никого „прописать“. А тут удача подвалила – новенького приняли!» На следующее утро завтрак Сережи забрал себе его сосед по столу справа, а обед – сосед слева. Ужин мальчик не отдал и был снова бит... Хотя, правду сказать, обидчиков на этот раз оказалось гораздо меньше, и им тоже крепко досталось от Сергея. Все же не зря он столько лет занимался спортом! Скоро мальчика оставили в покое, не отнимали больше еду. Но Сережа и сам часто лез в драку – не мог смотреть, как старшие воспитанники издеваются над малышами. Детвора начала, спасаясь от негодяев, подбегать к юноше и прятаться за его спину. Так пролетело лето. Но Сергей еще не подозревал, что главные битвы были у него впереди!

Пришло 1 сентября. Начался последний, самый тяжелый школьный год в жизни Сережи. Он твердо решил закончить десятый класс с золотой медалью и поступить в Политехнический институт. Но оказалось, что хорошо учиться в детдоме просто невозможно. Старшие воспитанники ограничивались только хождением в школу и бездельным присутствием на занятиях. Уроки юноши не готовили никогда! Поэтому к Сергею, склонившемуся над тетрадками в учебной комнате, снова стали привязываться. Толкали под локоть, вытаскивали из-под него стул, орали в самое ухо: «Ты что, больной?! Зачем тебе это надо? Лучше всех хочешь быть, да?» Пришлось снова – и очень много раз! – жестоко драться за право готовиться к занятиям. Сергей победил – от него окончательно отстали.

Юноша с головой ушел в учебу и не замечал, как пролетали дни и месяцы. Гнал от себя мысли о доме, о семье. Первое время очень скучал по Зинаиде. Все-таки парень надеялся, что сестра навестит его в детдоме. После Нового года Сергей понял, что она вычеркнула брата из своей жизни, и перестал ждать. У юноши остались только сны, от которых он и хотел, и боялся избавиться: в них Сережа опять вместе с папой, и мамой, и сестрой гулял по Москве, любовался Кремлем...

Свою золотую медаль Сергей честно заработал. Директор детдома, вручая ее юноше на торжественной линейке, даже прослезилась. Оказалось, что такое событие – выпускник-отличник – случилось первый раз за всю историю детского учреждения. «Качать Серегу!» – радостно заревели воспитанники, и счастливый медалист полетел под потолок.

В институт он поступил легко, сдав один экзамен на привычную оценку «пять». Теперь Сергей стал взрослым, получил звание студента и мог уже вернуться домой. Юноша собрал вещи, попрощался с товарищами. Потом обошел весь персонал детдома: директора, воспитателей, нянечек, поваров, сторожей. Юноша был благодарен этим людям – они помогли ему

выжить и выстоять в трудное время жизни. Вечером Сергей пришел в родительскую квартиру. Ключ у него сохранился, и юноша нарочно не стал звонить в дверь Зинаиде. Открыл замок сам – ведь это был и его дом, не только сестрин. Войдя, сразу наткнулся на Зину и Колю, выскочивших в коридор. У сестрицы вид был почему-то испуганный. Ее муженек пьяно ухмылялся и держался за стенку. «Здравствуйте», – сдержанно произнес Сергей. – «Ну, ты вымахал, пацан. До чего здоровый стал!» – вместо приветствия протянул Коля. Зинаида уперла руки в боки и спросила: «А зачем сюда явился? Да еще вперся без спроса, как законный хозяин! Ты здесь больше никто, понял?» Юноша в бешенстве шагнул вперед, протянул руку к нахалке. Сестрица взвизгнула и понеслась в «зал». Сергей – за ней. Коля хотел было бежать следом, но спьяну запутался в ногах и грохнулся на пороге комнаты. Сережа схватил сестру за воротник халата и встряхнул. Зина низко завывала...

Зинаидины слова оказались не пустой болтовней. Сестра сумела каким-то образом выписать Сергея из квартиры. Теперь юноша лишился права жить в ней. «А что? Ты вон какой здоровущий парень вырос! – кричала милая родственница. – Небось сумеешь себе на другую квартиру заработать! Да к тому же воспитывался в детдоме, и тебе государство должно жилье предоставить. Иди и добивайся!» Николай, громко икая, кивал и поддакивал Зине: «Конечно, заработаешь. Чего нам тут всем троим тесниться?» Не в силах смотреть в глаза мерзкой парочке – так стыдно было Сергею за подлость родных людей! – юноша встал и подошел к серванту. Рванул за дверцу. Достал альбом с семейными фотографиями, сунул его под мышку. Потом отправился в детскую. Супруги, переглянувшись, засеменили следом. Знакомый с детства диван по-прежнему стоял в углу. Не обращая внимания на Зину и Колю, Сережа отодвинул его от стены. Кусок обоев, приклеенный им больше года назад, тоже оказался на своем месте. Отлично. Значит, тайник не нашли. Студент присел на корточки в углу и извлек на свет Царь-пушку. Зинаида фыркнула: «А, вот что ты спрятал! Ну и сокровище. Я-то думала»... – «Думала – деньги, да? Ты же ничего другого в жизни не хочешь и не ищешь. Верно, сестренка?» Милая родственница свекольно покраснела и кинулась на Сергея, стараясь расцарапать ему лицо. Но это девушке не удалось: юноша сжал руки сестры железной хваткой и силой усадил на диван. Зинаида заныла от бессилия, но драться с братом больше не решилась.

Через минуту Сергей, провожаемый до самой двери обозленными супругами, вышел из отчего дома. В чемоданчике он уносил фотоальбом и свою единственную драгоценность – мраморную Царь-пушку. Идти юноше было некуда. Можно было, конечно, вернуться в детдом – там ему не отказали бы в крове и пище. Но тогда пришлось бы рассказать добрым, но совершенно чужим для него людям про то, как обошлась с ним родная сестра. А мысль о ее новом предательстве жгла Сергея невыносимой болью! Нет, делиться с кем-то своим позором в этот страшный вечер он не мог. Юноша всю ночь бродил по городу, иногда отдыхая на скамейках в парках. Наконец на рассвете Сережа пришел к реке. Она могуче несла свои темные воды, обтекая зеленые острова напротив набережной. «Какая сила! – подумал Сергей, любуясь бегом волн. – Двигается себе вода куда ей хочется уже тысячи лет. И ничто не может ее остановить, потому что Иртыш твердо знает, куда течет и зачем. Зинаида всю жизнь мечтала меня остановить, не дать делать то, что я хочу. Но не сумела! Я все равно двигался по своему руслу и буду идти по нему дальше. Не погибну и не стану бомжом – назло сестричке!»

В институт Сережа приехал к самому открытию. Ему, как уже зачисленному в списки студенту и бывшему детдомовцу, сразу дали место в общежитии. А что особенно ценно – предложили работу лаборанта на кафедре химии. Сергей с радостью согласился. Жизнь налаживалась!

Она, конечно, и потом не стала для юноши легкой и беззаботной. За пять лет учебы ему пришлось и голодать, и выбиваться из сил на разных работах, чтобы как-то прожить. Но Сергей не унывал! В студенте бурлили молодость и сила, а бороться с трудностями парню было не привыкать. Царь-пушка на его общежитской тумбочке светилась узорами, когда Сережа

на рассвете возвращался домой после разгрузки вагонов. Ствол орудия по-прежнему задорно смотрел вверх!

Когда Сергей закончил третий курс и собирался ехать со стройотрядом на летние заработки, судьба улыбнулась ему – да еще как! Иноземцев-младший, как выпускник детдома, получил отдельную квартиру. Юноша не верил своему счастью, когда получил ключи! Друзья в общежитии хлопали парня по плечу и шумно поздравляли. А вечером того же, невыразимо счастливого дня, закатили пир горой! Приятелям было жаль расставаться с Сергеем: он слыл хорошим товарищем и никогда никому не отказывал в помощи. Наутро новосел побросал вещи все в тот же старенький чемоданчик и, напутствуемый пожеланиями не забывать друзей, поехал «к себе». Так он теперь с тайной гордостью называл в мыслях новое жилье.

Незаметно пролетели еще полтора года. Однажды во время зимней сессии Сергей допоздна прозанимался в областной библиотеке. Пока он ехал через весь город «к себе», наступила ночь. Как раз пришли злые январские холода, и на улицах в тот час не было ни души. Юноша почти бежал, стараясь побыстрее добраться до дома – ведь мороз стоял под тридцать градусов. Вдруг, нырнув в проходную арку соседнего дома, Сергей услышал отчаянный плач. Так и есть – справа, за углом арки, стояла девочка лет четырнадцати и захлебывалась в слезах. Сергей отнял ее руки от лица, чтобы спросить, что случилось. И ужаснулся! Губы девочки были разбиты в кровь, а глаз заплыл синяком. «Кто тебя так? Кто посмел?» – спросил он у девочки. «Папка! – закричала она. – Он пьяный, он дурак! Уже месяц каждый день водкой наливается и нас с мамкой бьет! Я домой не пойду – папаша сказал, что ноги мне выдержит! Лучше здесь на морозе помру, зато он больше меня не изобьет. Найдут девчонку утром, да и похоронят, и все дела. Только мамку жалко. Если меня не станет, папка ее одну скоренько до смерти изуечит. Он зверь, зверь!» Девочка опять зашлась в плаче. Сергей, недолго думая, встряхнул ребенка за плечи: «Пойдем ко мне! Нечего тут замерзать. Не все такие мерзавцы, как твой папка». Девочка недоверчиво шмыгнула носом и спросила: «Правда к себе зовешь? А зачем я тебе – драная да битая?» – «Да затем, что нельзя детям так жить, как ты живешь. Идем! Не бойся, не обижу».

По дороге разговорились. Девочку звали Ларисой. Сколько она помнила себя, ее отец постоянно пил. Семья бедствовала, потому что все заработанные родителями деньги алкоголик тратил на водку. Правда, бывало, что наутро после попойки папуля громко каялся и обещал покончить с загулами. И действительно, он мог потом две недели, а то и месяц продержаться без пьянки. В доме появлялась кое-какая одежда, еда, даже печенье к чаю, – так определила их недолгое семейное счастье Лариса. Потом кошмар начинался сначала. Мать с дочерью терпели – куда было податься от беды? Но вот в последние два года отец стал еще и распускать руки. Начал бить маму Дашу, а потом и до Ларисы добрался. Жить с алкоголиком стало совсем невыносимо – но что делать? Уйти от изверга было некуда. Вот и в тот вечер он напился почти до беспамятства и стал колотить маму Дашу головой об стену... Лариса бросилась заступаться, и отец, оставив жену, жестоко избил дочь.

Наконец Сергей вместе с новой знакомой вошли в квартиру. Девочка сняла старое пальтишко, и юноша чуть не застонал. Он понял теперь до конца смысл ее слов: «драная да битая». Еще ни разу в жизни Сергей не видел столь плохо одетого ребенка! Без преувеличения, вся жалкая одежонка девочки оказалась рваной, в огромных дырах. Видно было, что ее старательно пытались залатать. Но тщетно – рубище просто расползалась от старости. Когда же Лариса в тепле комнаты стянула и кофту, юноша почувствовал, что у него непроизвольно сжались кулаки. На худых руках девочки от плеч до кистей багровели страшные кровоподтеки. «Да есть ли на ребенке живое место? – в бессильном гневе подумал Сергей. – И этот ужас сделал его родной отец! Откуда только подобные гады берутся?» Лариса, улыбаясь, смотрела на Сергея. Он спохватился: «Девочку ведь накормить надо, и побыстрее, горячим. Вон она какая худая,

бедняжка». Скоро молодые люди сидели в кухне и ели пельмени. Лариса глотала их, почти не жуя...

На следующее утро студент, пересчитав оставшиеся до стипендии средства, повел свою новую знакомую покупать одежду. Ну, невозможно было без слез глядеть на рвань, в которой щеголял ребенок! Лариса охотно согласилась с предложением Сергея посетить магазин. Они поехали в «Детский мир». Приобрели девочке скромную кофточку и юбку. Лариса сияла, сбегая по ступенькам универмага к выходу, а юноша растроганно думал: «Хоть маленькую радость, но я могу тебе доставить, девочка. Довольно ты страдала, хватит». Но... на первом этаже Лариса вдруг остановилась как вкопанная. Ее загоревшиеся глаза впились в полки, на которых сидели куклы. Оглянувшись на подошедшего Сергея, девочка опомнилась и отбежала прочь от отдела игрушек. Юноша вздохнул: деньги почти полностью истрачены. А ведь молодым людям предстоит еще как-то пропитаться несколько дней на оставшиеся жалкие крохи – вдвоем! Но жалость взяла верх над благоразумием. Сергей подошел к полке и выбрал для Ларисы самую маленькую куклу – «пупсика». Девочка блаженно вздохнула и прижала игрушку к груди.

Прямо из магазина они отправились в детский сад, в котором мама Ларисы работала нянечкой. «Она же, наверное, с ума сходит. Не знает, что я теперь у тебя живу», – виновато протянула девочка, открывая тяжелую дверь дошкольного учреждения. Дарья Федоровна, действительно, провела бессонную ночь, тревожась за пропавшую дочку. Но в милицию пока не заявляла, надеясь, что девочка переночевала у своей подружки Веры – такое случалось и раньше. Верины родители сочувствовали трудной жизни Ларисы и привечали девочку, когда ее отец пускался в очередной пьяный загул. «Что ты, мамка, – удивилась Лариса. – Да они все уехали еще второго числа на Верины каникулы в Новосибирск, к бабушке!» Женщина подняла на Сергея измученный взгляд: «Благодарю Вас, добрый человек, что мою доченьку спасли. Без Вашей помощи она, наверное, и замерзла бы, упрямая девчонка. Еще на пороге крикнула, убегая, что домой не вернется. Я-то сразу за Ларисонькой хотела кинуться – мороз ведь какой, долго ли до беды! Но муж меня не пустил – измордовал опять, привязал к балконной двери. Орал: „Пусть катится! Неча за ней, шельмой, бегать! Померзнет и поймет: папка бьет – значит любит!“ Вы простите, молодой человек, что я Вам тут про наши горести рассказываю. За доченьку спасибо, что приютили, погибнуть не дали. Пойдем, Лариса, посидишь пока в кабинете бухгалтера до вечера. У меня работы много, группу вон мыть надо. Потом поужинаем да домой пойдем. Прощайся с молодым человеком да благодари – кабы не он...» – «Я не пойду домой! – попятилась от матери девочка. – Ни за что, никогда!» – «Да как же? – всплеснула руками женщина. – Не может ведь чужой человек тебя к себе взять! У него собственных забот полно». – «Я могу, Дарья Федоровна, – твердо сказал Сергей. – Как ребенку жить в обстановке пьяных скандалов? Понимаю: мое предложение кажется Вам несуразным. Но все же разрешите Ларисе остаться у меня. Честное слово, так будет лучше». Женщина тяжело вздохнула: «Милосердный Вы человек, Сергей Георгиевич, жалеете Ларису. Но ведь и у меня совесть есть. Как я могу родное дитяtko на постороннего мужчину повесить? Нехорошо это будет». – «А терпеть побои Ларисе хорошо? – возмутился юноша. – Какое будущее ждет девочку, Вы подумали?» Дарья Федоровна заплакала: «Да уж ясно, что горькое. Откуда светлomu-то взяться? Ладно, я согласна. Пусть Лариса у Вас живет – все от отца подальше. А то хоть в детдом девчонку определяй – как ее иначе от истязания спасти?» Девочка радостно подпрыгнула и показала матери «пупсика»: «Смотри, что мне Сергей купил!» Женщина улыбнулась: «Ладно уж, егoзa. Я вижу, что он и взаправду тебе помочь хочет. Есть, видно, Бог на свете. Дайте мне Ваш адрес, Сергей Георгиевич. Буду вас с дочкой навещать – не одному же парню с чужим дитем возиться. А ты, Ларисонька, здесь больше не появляйся – вдруг изверг выследит, тогда беда! Я ему скажу, что тебя в детдом отправила, – туда он не пойдет. Вот врать мне алкашу придется, грех на душу брать – а как иначе? У него ведь совести ни грамма нет. Еще

явится к Вам, Сергей Георгиевич, без всякого стыда и начнет деньги на выпивку требовать – за дочку, мол. Да простит меня Господь!»

Дома Сергей спросил у Ларисы: «А почему твоя мама не разведется с отцом? Это же не муж, а мучитель!» – «Не знаю, – пожалала плечами девочка. – А куда ей уйти-то от папашки? На улицу? Мамка говорит: завсегда русские бабы горе терпели, такая и ей судьба выпала».

Когда закончились зимние каникулы, Сергей с немалым трудом отправил девочку в школу. Она кричала: «Не пойду к дорогим одноклассникам! Они надо мной смеются, что хуже всех одета. Я в школе уж два месяца, считай, не была – и не соскучилась по ней ни капли! Что мне там делать-то?!» – «Учиться, – строго сказал юноша. – И даже не мечтай невеждой расти. Я тебе этого не позволю». Лариса надула губы и перестала разговаривать с Сергеем. К счастью, в тот же вечер к ним пришла Дарья Федоровна и принесла портфель с учебниками. Сказала дочери: «Чтоб завтра же была в школе – и гляди, на всех уроках отсиди! А то я тебя знаю – можешь и сбежать». Объяснила Сергею: «Учится девчонка плохо, потому и на занятия не хочет ходить. Дома-то у нас уроки готовить невозможно было. Где там – при пьяном крике чуть не каждый день! Да и я в науках не горазда. Уж помогите ей, Сергей Георгиевич, Вы-то человек ученый. Может, еще выправится девочка, образование получит. Возьмите вот, деньги я вам с Ларисонькой принесла – хоть и немного, а все на питание пригодятся». Сергей, покраснев, попытался отказаться от дара. Но женщина твердо заявила: «Нет, и не думайте отнекиваться. Я пока еще своей дочке мать, а не кукушка. Вы – студент, не больно жирно живете. Так что берите деньги и не спорьте. Я ведь не муж мой бесстыдный, совесть-то родительскую еще не пропила».

Лариса оказалась непростой ученицей. В ее знаниях зияли такие пробелы, что Сергей поначалу схватился за голову. Нагонять упущенное девочке, конечно, было трудно. Чуть не каждый день она вскакивала из-за стола и вопила: «Все, больше не хочу! Я устала, у меня мозги кипят!» Но Сергей молча, с подчеркнутым удивлением поднимал брови... Лариса садилась на место. Задача решалась заново.

Пришла весна. Сергей дописывал дипломную работу и нетерпеливо подгонял время. Скорее бы пришел конец июня! Студент закончит институт, станет специалистом, устроится на завод! Тогда – конец случайным работам, Сергей займется любимым инженерным делом. Да и с деньгами станет полегче: можно будет приодеть Ларису, купить ей новые туфельки. Хотя, надо признаться, не очень-то она интересуется обновками. Зато при виде игрушек – любых, но особенно кукол! – у девочки начинают дрожать руки. И неважно, что мишки вместе с пупсами уже в ряд сидят на спинке ее дивана! Хочется еще... «А как иначе? – качала головой Дарья Федоровна. – Вы уж простите, Сергей Георгиевич, девчонку глупую. Не было у нее игрушек при таком-то негодном отце. Бывало, только куплю Ларисоньке какую-нибудь, из последних сил выцарапаюсь, чтоб дитя порадовать. А коршун-то мой тут как тут! Вырвет из рук, унесет да пропьет. Вот не наигралась она маленькой, так теперь и носится с куклами навроде детсадовки». Впрочем, Лариса не только играла: дела с учебой у нее тоже постепенно наладились. В конце мая девочка с гордостью показала Сергею и матери свои годовые оценки. Дарья Федоровна даже всплакнула на радостях: «Гляди-ка, Ларисонька, у тебя даже несколько «четверок» вышло! Благодарю Сергея Георгиевича. Кабы не он – стояли бы у тебя сейчас в ряд одни «тройки» – а по сути «двойки».

И вот наступил долгожданный день: Сергею вручили диплом. С драгоценной красной книжицей в кармане он спешил домой, к Ларисе. Какое счастье, что он теперь не одинок! Случайно встреченный на улице ребенок вернул ему радость жизни, наполнил ее новым смыслом. В подъезде вкусно пахло свежей выпечкой. «Как у мамы, – невольно вспомнилось юноше. – Наверное, соседка стряпает ватрушки. Аромат знакомый – кисленький, творожный, с ванилью». Сергей позвонил в дверь. Она широко распахнулась: на пороге стояли улыбающиеся Лариса и Дарья Федоровна. Запах печеного стал гуще, слаще, маслянистее... «А мы с мам-

кой тебя уж заждались! – весело закричала девочка. – Во, смотри, сколько ватрушек напекли! Сегодня праздник, ты диплом получил, отмечать будем. А я сама две булочки сделала – у мамки тесто осталось. Румяньки получились! Идем, покажу!» Лариса схватила Сергея за руку и прямо в ботинках потащила на кухню. Сзади, смеясь, шла Дарья Федоровна и приговаривала: «Да погоди, егоза. Не с булочек же обед начинать. У человека важное событие! Он переволновался, устал. Зови Сергея Георгиевича к столу, пусть сперва горяченького поест». От полноты счастья у юноши что-то сладко стеснилось в груди. «Семья! – зазвенела в его голове новая мысль. – У меня теперь есть семья!»

Пролетело лето. Жизнь наладилась. Сергей работал на заводе, получал неплохую зарплату. Впрочем, Дарья Федоровна по-прежнему приносила им деньги и отказов от молодого человека не принимала. Лариса упоенно играла со своими куклами и мишками. К осени она очень вытянулась, и девочке купили новую школьную форму. Причем такую, какую ей давно хотелось – трикотажную, ярко-васильковую. Когда Лариса в красивом наряде явилась 1 сентября в школу, ее там... не узнали. И понятно: эта высоконькая, веселая, к лицу одетая девочка мало походила на прежнюю молчаливую замарашку. Через неделю Лариса сообщила Сергею страшную тайну: в нее влюбились сразу трое одноклассников. «Но ты знаешь, они мне совсем не нравятся, – пожалала девочка плечами. – Маленькие какие-то, смешные». Юноша строго следил за ее учебой, заставлял читать художественную литературу. Лариса вздыхала, но слушалась: ведь благодаря знакомству с книгами – самыми разными – она теперь считалась в классе не «двоечницей», а будущей «ударницей», и это было приятно. В середине декабря отметили день ее рождения – Ларисе исполнилось пятнадцать лет. Девочка расцветала на глазах. Она вдруг стала стесняться Сергея, краснела при его появлении. Тот удивлялся, не понимая причин перемены в их общении, старался избегать лишних разговоров со своей подопечной. Лариса еще больше замыкалась в себе, смотрела исподлобья. Однажды вечером Сергей, придя с работы, застал ее в слезах. Решительно спросил: «Что происходит? Тебя обижают в школе? Так я им, хулиганам, шеи намылю!» Девочка подняла на него заплаканные глаза и тихо сказала: «Никто меня не обижает. Я просто... тебя люблю». – «И я тебя люблю, – засмеялся Сергей. – И не реву при этом!» «Я не как ты! – отчаянно крикнула Лариса. – Я сильнее, я без тебя дышать не могу!» У юноши закружилась голова, и все исчезло вокруг, кроме Ларисиних голубых глаз с мокрыми дрожащими ресницами...

Так началась их любовь. Она мягко, но крепко захватила в свои руки взрослого юношу и совсем юную девушку. Скрывать возникшее чувство было бесполезно: влюбленных с головой выдавал счастливый блеск в глазах. Дарья Федоровна, придя их навестить, сразу поняла происходящее и заплакала: «Ох, дорогие вы мои! Не убереглись все-таки! Ну что ж, теперь ничего не изменишь. Если кто и виноват, то я одна – жизнью своей нескладной да терпеньем глупым к мужу-пьянице!» К весне стало ясно, что Лариса ждет ребенка. Молодые люди сразу тихонько поженились, расписавшись в ЗАГСе – им это разрешили ввиду особого положения Ларисы. Она успела – и с неплохими оценками – закончить восьмой класс. А вот в девятый ей уже не пришлось идти: в конце октября на свет должен был появиться малыш. Теперь Дарья Федоровна решила наконец оставить мужа и переселиться к Иноземцевым. Трясущийся алкоголь несколько раз приходил к ним, возмущался, скандалил, звал жену вернуться, обещал даже бросить пить. Но она осталась непреклонна, заявив: «Иди-ка прочь отсюда. Нам с Ларисонькой Бог помог из ада вырваться. Запомни: не получится больше у тебя над женой и дочкой измываться. Будь уверен, Сергей Георгиевич нас в обиду не даст».

В положенный срок родился мальчик. Счастливые родители назвали его Сашей. Бабушка одобрила: «Хорошее имя. И ласковое, и смелое». Лариса прихварывала. Нелегко далось юной Иноземцевой рождение сына: ведь она была еще совсем девочкой. Не по возрасту досталось Ларисе испытание! Молоденькая мама грустила, болела, плакала. Мальчик требовал много сил и забот. Это был отнюдь не «пупсик»: он кричал по ночам, просился на руки, пачкал

пеленки. Хорошо еще, что Ларисе самоотверженно помогала Дарья Федоровна! Иначе как девушка справилась бы с такой ответственностью, неизвестно, – Сергей постоянно пропадал на работе. На заводе запускали новое изделие, и домой новоиспеченный отец приходил только к ночи. Но время шло. Малыш подрастал, и нянчиться с ним становилось легче. Лариса постепенно успокоилась и опять похорошела. Теперь, когда игрушки для нее остались в прошлом, у девушки появилась новая страсть – наряды. Их требовалось Ларисе как можно больше – и самых модных! Она завела приятные знакомства среди других мам с колясками у себя во дворе. Те, разумеется, были гораздо взрослее нее. И, как девушка чувствовала, умнее и самостоятельнее. А отставать – хоть в чем-либо! – от старших подруг не хотелось... И вот Лариса, к удивлению мужа и матери, вдруг стала говорить жеманным «светским» голосом – на высокой ноте, с придыханием, растягивая звук «а». «Ну и глупо! – сердился Сергей. – Ты журчишь, как бездельница-мажорка. Слушать противно. И новой одежды тебе больше не нужно – вон ее сколько, полный шкаф. Солить, что ли, наряды будешь? Вот лучше скажи мне, жена. Я тебе неделю назад давал читать „Евгения Онегина“. Какого ты мнения о Татьяне Лариной?» – «Ну-у, – лукаво тянула Лариса, – она, конечно, была несчастная. Это же ужас: любила Онегина, а вышла за толстого генерала. Потому, наверное, у Татьяны и крыша съехала». – «Это как?!» – возмущался Сергей. – «Да ясно! Со вкусом одевалась, на балах блистала! А мечтала все это променять на полку книг, и дикий сад, и бедное жилище. Конечно, сумасшедшая». Сергей только качал головой.

Между тем, по мере того, как рос Сашенька, жить семье становилось все неудобнее. Ведь в однокомнатной квартирке теснились четверо: трое взрослых и ребенок! Сергей говорил Ларисе: «Как только мальчику исполнится три года, он пойдет в детский сад, а ты – учиться дальше. Это не образование – восемь классов. Пора, наконец, взрослеть и приобретать профессию. Твою учебу я буду отслеживать сам – и помогать тебе, и направлять получение знаний». Но, когда малыш достиг трехлетнего возраста, планы пришлось менять. Стало ясно: надо срочно приобретать более просторную квартиру. Дарья Федоровна начала прихварывать: сказались тяжелые годы, прожитые с мужем-пьяницей. Пожилой женщине требовался покой, а Саше, наоборот, шумные игры и веселье! Пришлось продать «однушку» и купить двухкомнатную «хрущевку». Для этого Сергей взял большой кредит в банке – ведь прежнее жилье стоило гораздо дешевле, чем нынешнее. Он уволился с любимой работы на заводе и стал ездить на Север работать «вахтовым» методом: долг банку следовало платить регулярно! Дома Сергей бывал теперь мало, и о Ларисиной учебе пришлось забыть... Девушка так и не повзрослела. Муж не захотел, чтобы она работала уборщицей или продавцом – а больше Сашину маму никуда бы не приняли с ее восемью классами. Поэтому она, годами сидя дома и занимаясь хозяйством, начала скучать. Ларисе хотелось чего-то необыкновенного! – но она сама не понимала чего. Постепенно домашние дела и забота о Сашеньке перешли в руки Дарьи Федоровны. А Лариса, не умея найти себя, без устали заводила новые знакомства. Она смутно надеялась, что вот эти «шикарные», в ее представлении, модницы и «энергичные» бизнесмены с ближайшего рынка помогут ей – в чем? Ну-у... Наверное, и самой стать модной и энергичной, и что-то такое делать умное и всеми уважаемое. То есть, как говорят, «подняться». Но Лариса по своей природе была доброй и честной девушкой. Она не могла принять наглость, и жадность, и подлые ухватки «новых русских» – а наблюдать их недостойное поведение ей доводилось часто! Например, придя на рынок, девушка видела, как ее очередная задушевная подруга-предпринимательница орет на продавщицу: «Как это ты гнилье не будешь продавать?! Я, что ли, за него платить буду?! Втюхивай яблоки слепым бабкам, которые уже на полусогнутых ходят от бессилия! Им и такие фруктики сойдут. Все равно старухи назад не потащатся, даже если дома разглядят, что дрянь купили!» Наткнувшись на возмущенный взгляд Ларисы, «энергичная» дама беззастенчиво улыбалась, щебеча: «А, это ты, Лорик! Не обращай внимания, рабочий момент. Как говорится, не обманешь – не продашь! А эта курица мне тут боль-

шие глаза делает! Ну, и сидела бы, раз такая честная, в своем НИИ, и зарплату по полгода ждала!» Лариса никак не могла заставить себя улыбнуться в ответ и окатить «курицу» презрительным взором, как того требовали «светские» приличия. Тошнота неудержимо подступила к ее горлу, и девушка, круто повернувшись, ушла. Так, казалось бы, хорошо начавшееся знакомство снова оборвалось! Дома Дарья Федоровна, утешая плачущую дочку, приговаривала: «Да и шут с ней, с этой торговкой! Ишь чего придумала – старух беспомощных обманывать. Хорошо еще, что ты ее увидела сегодня с истинной-то стороны! А то бы и тебя окрутила подлючка, еще чему бы дурному научила, не дай Господь. Ты ведь наивная у меня. А глупышку всякий обидеть может. Одно слово – ребенок. Не наигралась моя доченька вовремя, детства у нее нормального не было. Вот теперь ты, Лариса, и перебираешь людей, как кукол – вдруг новая лучше прежней окажется? А стержень-то и характер надо самой в себе воспитывать, не ждать подсказок со стороны! Эх, неладно с квартирой получилось. Жить нам, конечно, стало лучше и просторней! Да только из-за нового жилья Сергей-то Георгиевич вечно в разъездах. Некогда ему твоим образованием заняться. Если бы не взятый на квартиру кредит, выучилась бы ты, доченька, ума набралась! Глядишь, и дело бы нашла по душе, и с подлыми людишками больше не связывалась, научилась бы их отличать от порядочных! Я бы тебя, егозу, и сама заставила учиться, да не знаю, с какого бока за это дело приняться. Безграмотная я, и все тут. А сама-то моя дочка к книжкам не больно тянется, если ее постоянно в спину не толкать!»

«Ага! – слезливо подвывала Лариса. – Вон они, образованные, на рынке продавцами стоят, да еще за счастье считают, что приняли их на денежную работу. Я эту Наташу, которую сегодня хозяйка ругала, немного знаю – она в параллельном классе училась, круглая отличница была. Учителя ее хвалили, директриса говорила: „Гордость школы!“ Наташка меня не вспомнила, конечно. Отпетых двоечниц, как я, в школе вообще не замечают... Ну, вот зачем дочка хорошо училась, скажи? Да еще и наверняка институт закончила, раз в НИИ работала?» – «Ох, глупа ты, Ларисонька, – качала головой мать. – Одно слово – дитя. Не хватает у твоей матери грамоты, чтобы объяснить тебе, зачем нужно образование. Смолоду мне не пришлось учиться, хотя способности-то были, да и желание тоже. Но мать не пускала меня в школу, младших нянчить заставляла – а их в семье пятеро было. Как руки-то, бывало, отвихаешь, малышей таская, не приведи Господь! Вот и пришлось мне учебу бросить и всю жизнь потом с детьми водиться. Хорошо, хоть это я умела да любила, а иначе хоть с голоду помирай с отцом твоим непутевым! Головой думай, милая! Не все ведь, что ты на поверхности видишь, истинная правда. Глубже учишь смотреть, доченька!» – «Как это?» – тарщила глаза Лариса. Дарья Федоровна грустно вздыхала и разводила руками.

Впрочем, пока Сашкина бабушка была жива и относительно здорова, семья Иноземцевых благоденствовала. В доме царил чистота, на плите стоял горячий обед, пахло вкусными плюшками. Маленький сын Ларисы и Сергея был сыт, здоров и весел. Он обожал свою бабушку, слушался ее беспрекословно, а маму считал кем-то вроде старшей подружки. Да, она вроде бы и есть. С родительницей бывает интересно поиграть, она поможет решить трудную задачку, но... Вот только что мама сказала, грозно вращая глазами: «Сам решай пример, он легкий! Через пять минут проверю!» Мальчик послушно склоняется над тетрадкой. Со двора раздается крик: «Лариса, выходи! Мы уже тут, у подъезда! Ты что, забыла про пикник? Давай быстрее, а то вино греется!» Саша подходит к окну и видит: внизу стоят три машины, а возле них – развеселая толпа незнакомых теток и дядек. Они смотрят вверх и призывно машут руками. В прихожей хлопает дверь: мама ушла. Мальчик, довольный, идет к столу и отодвигает тетрадь с примером подальше – чего над ним мучиться? Мамы теперь не будет до самой ночи. А ночью она, придя чуть навеселе, уже не вспомнит про Сашину математику. Родительнице будет не до того – бабушка станет ее ругать, говоря: «Ты что это, доченька, опять к бутылочке приложилась?! По отцовским стопам, никак, пошла?» Мама будет плакать и обещать больше не ездить на пикники... А он тихонько прокрадется в маленькую комнату, нырнет под одею

и притворится спящим. Мама с бабушкой после шума заглянут к Саше, и бабуля тихо скажет: «Вот, опять твой сынок без мамы уснул, сердешный. И уроки ты у него не проверила, Ларисонька. Дурно это, никуда не годно, понимаешь?» Хитрый мальчик незаметно улыбнется и подумает: «И вовсе не дурно. Наоборот, хорошо. Примеры такие трудные были, ну их на фиг! А я зато и на улицу сходил, и мультики смотрел целый час, пока баба Даша ужин готовила».

Все резко и непоправимо изменилось, когда несколько лет назад Дарья Федоровна начала сильно хворать. Женщина крепилась, старалась не слечь окончательно, из последних сил делала работу по дому. Испуганная Лариса ходила за ней по пятам и просила: «Мам, ну ляг, пожалуйста. Я сама, что ли, суп не сварю?» Бабушка обессиленно опускалась на диван, Лариса бежала на кухню. Через минуту баба Даша шептала посиневшими губами: «А у Сашеньки-то на футболке рукав почти оторвался. Будто настоящий беспризорник мальчишка с улицы пришел. Пойду зашью», – и семенила к шкафу, где стояла коробка с нитками. Видно, не умела бабуля отдыхать и спокойно лечиться... Через два месяца Дарья Федоровна умерла. Приехал срочно вызванный домой с Севера Сергей Георгиевич. Он, стараясь скрыть слезы, торопливо распорядился похоронами – ведь на это скорбное дело отводилось только три дня, а один из них отец уже пробыл в дороге. Красный гроб стоял на табуретках в «зале». Лариса бродила по квартире, натываясь на стены. Зареванный Саша, сгорбившись в углу дивана, впервые в жизни почувствовал: он страшно одинок и, кажется, никому не нужен... Бабушку похоронили. После поминок отец с матерью заперлись в маленькой комнате. Мальчик слышал, что они напряженно спорят. Лариса твердила: «Я не могу одна справляться с ребенком, не могу! Сашок уже большой, и он меня не слушается, понимаешь?» Сергей Георгиевич сердито шептал: «Ты что, пятилетняя? Саша тебе сын, в конце концов. Призови его к порядку! Я знаю, какое это горе – родного человека потерять. Я с радостью остался бы дома, утешил тебя в горе, поверь! Но надо возвращаться на „вахту“. Иначе меня уволят с работы, а за квартиру еще столько платить... Ну, соберись с силами, хорошо?» На прощанье отец крепко обнял Сашу и сказал: «Держись, сын. Мы же с тобой мужчины! Береги маму, слушайся ее. Ничего не поделаешь, я должен ехать. Если не заработаю денег, банк отнимет квартиру, и мы окажемся на улице. Давайте же все вместе не допустим этого, Сашок».

И вот началась совершенно другая, странная жизнь! Первое время, казалось, она еще катилась по знакомой, накатанной колее. Лариса будила сына по утрам, кормила его завтраком, провожала в школу, ласково встречала после учебного дня, проверяла у мальчика уроки. В доме регулярно стиралась и гладилась одежда, проводилась уборка, готовился обед. Но все это Лариса делала с огромным трудом, как бы через силу. Часто Саша заставлял ее рыдающей. Мама повторяла, как заведенная: «Одна, совсем одна! А если что случится, куда я кинусь?! Кто поможет, совет подаст? Ничего я не знаю и не умею! Как жить будем, сынок?» Мальчик потерянно молчал. Спустя недолгое время Лариса опять начала пропадать из дома. Оказалось, она усиленно занялась новыми знакомствами. Только если раньше друзья и подруги общались с Ларисой где-то далеко, на стороне, то теперь... Они стали являться домой – и в любое время суток! Сколько раз Саня просыпался ночью от громких голосов и хохота в соседней комнате! Там звякала посуда, гремели отодвигаемые стулья. Через щель под дверью к нему в комнату просачивался едкий табачный дым...

Впрочем, часто гости приходили и днем. Саша вглядывался в посетителей и старался понять: что интересного мама в них нашла? Эти люди казались ему до тошноты глупыми и скучными. Во всяком случае, думал мальчик, из них ни один мужчина и ни одна женщина в подметки не годились его папе – самому умному, доброму и сильному человеку на Земле! Но он, к сожалению, почти постоянно пребывал далеко от Омска.

Между тем Лариса, увлекаясь все больше и больше общением с приятелями, стала забывать про Сашу. Она где-то пропадала по целым дням, а в доме иногда не было и куска хлеба. Деньги, разумеется, у Ларисы имелись – ведь отец на Севере зарабатывал достаточно, чтобы

его семья не нуждалась, но... Лариса, казалось, не считала Сашу человеком, интересным для себя. Действительно, чему у мальчика можно было научиться? Он был маленьким и не «умел жить», как мамины друзья. Саша, оставшись в одиночестве, сначала плакал и пытался искать Ларису у ее знакомых. Но мамы там почему-то не оказывалось, и никто не знал, где она находится в данный момент. Саша замкнулся, стал угрюмым и раздражительным. Впрочем, к приезду отца их дом преображался: покупалась еда, исчезала пыль в углах, отстирывалось грязное белье, а самое главное – Лариса постоянно была дома! Она, словно спохватившись, много разговаривала с Сашей, расспрашивала мальчика о его делах, готовила любимые блюда сына... За эти чудесные часы внимания и любви мальчик прощал Ларисе все! – Саша никогда не рассказывал приехавшему отцу о том, как горько, одиноко и голодно он теперь живет. Папа возвращался домой – и прошлые беды словно отступали в тень небытия! Лариса даже не вспоминала о своих друзьях – они совершенно исчезали из ее жизни. Мама общалась с «дорогими мужчинами» – так, с оттенком гордости, она называла Сергея и Сашу в те короткие недели, когда приезжал муж. А мальчик в страхе считал время до папиного отбытия назад, на «вахту». Вот, еще три, два... Еще один, последний день, и Саша опять останется один! Сергей, замечая печаль сына, обнимал его, говоря: «Не грусти, Саня! Я очень хочу остаться с вами! Но, сам знаешь, не могу. Недолго уже осталось платить за квартиру, потерпи еще чуть-чуть. Слушайся маму, и все будет хорошо». Мальчик усмехался и думал: «Да я бы с радостью слушался. Но кого? Маму скоро и дома-то не увидишь»... В такие минуты мужество оставляло его, и мучительно хотелось крикнуть: «Папа, не уезжай! Мне трудно без тебя жить, просто до ужаса тяжело. Матери я вообще не нужен, когда ты в отъезде!» Но Саша всегда помнил слова бабы Даши о том, что его мама – не наигравшийся в детстве ребенок. И мальчику становилось жаль Ларису – ведь как ей попадет от Сергея Георгиевича, если он узнает о частых отлучках жены из дому! Еще, пожалуй, откажется папа от «вахты», чтобы навести порядок в семье! А как тогда выплачивать долг за квартиру? И Саша, пересиливая себя, молчал. Они провожали Сергея Георгиевича в Надым, и Лариса опять бросалась к своим друзьям. Или, наоборот, в квартире ступить было негде от набежавших гостей – но в этом случае в холодильнике хотя бы появлялась еда, и даже в весьма большом количестве.

В тот мартовский, памятный для нашего друга день, чаю с пирогом они не попили: яблочная шарлотка благополучно сгорела у Ларисы Юрьевны в духовке. Сашкина мама совершенно забыла о готовящемся на кухне десерте: она, замерев от волнения, вместе с сыном слушала рассказ Сергея Георгиевича – и, как сделал для себя вывод Иноземцев-младший, делала это уже не в первый раз! Почему же у «Лорочки» блестели слезы на глазах, когда ее муж просто и кратко описывал домашним горести своих юных лет? Только вот при любом упоминании о сувенире, недавно разбитом сыном, мать семейства с досадой морщилась и надувала губы – почему? Саня так и не понял. Воспоминания Сергея Георгиевича о ее собственном трудном детстве, о пьянстве отца оставили Ларису равнодушной – она просто отвернулась к окну и думала, казалось, о чем-то постороннем. Зато о встрече в мороз с добрым студентом, о счастливом браке с ним, о рождении сына женщина слушала, радостно улыбаясь. Когда в комнату пахнуло гарью от безнадежно испорченного хозяйкой пирога, никто из семейства Иноземцевых даже не подумал огорчиться. Подумаешь, какая-то шарлотка! Главное, что Сергей Георгиевич на робкий вопрос Саши: «Пап, ты простишь меня за сувенир?» – ласково похлопал мальчика по плечу и сказал: «Конечно, сын. Ты же не хотел огорчать меня. Это получилось случайно». И все Иноземцевы, задыхаясь от дыма, кинулись распахивать балкон и окна. На следующий день Лариса снова испекла пирог. Правда, он был другой – с клюквой, залитой взбитыми белками. И просто таял во рту!

9. Куда мы попали?

– Вот так, – закончил свой рассказ Сашка, – я узнал историю папиной Царь-пушки. Понимаете, уже тогда узнал, когда ее не стало! И зачем только я, дурак, устроил дома танковый бой?

– Интересно, – протянула Светка. – А почему Сергей Георгиевич раньше не рассказывал тебе об этой вещи? Она же, как я поняла, всегда у вас дома была?

Сашка пожал плечами:

– Может, отец меня маленьким считал?

– Получается, ты почти ничего не знал о его детстве? И какая у папы сестра была? И о детстве, и о том, как он женился на Ларисе Юрьевне? – удивилась я.

– Знал, только мало, – вздохнул Саня. – Ну, отец говорил, что рано остался без родителей. Поэтому в институте учиться ему было тяжело – папа постоянно находился в поисках работы, чтобы с голоду не помереть. Про тетю Зину тоже слышал краем уха – отец однажды сказал матери, что даже вспоминать про нее не хочет. А мама ему в ответ: «Зря ты так о сестре! Может, она давно изменилась, добрее стала? Хорошо бы нам встретиться с Зиной и помириться с ней!»

Я подвела итог:

– Все ясно. Наверное, действительно ты был слишком юным, чтобы узнать об этой ужасной женщине. Я думаю, Сергею Георгиевичу до сих пор стыдно за свою родственницу. Ведь Зинаида ему родной человек – но до чего подлый, и жадный, и злой, и тупой! А тут сыну надо было сообщить, какая у него есть милая тетушка!

– И она, наверное, не изменилась, – тряхнула кудрями Светка. – Я имею в виду, в лучшую сторону. Зинаида и мужа нашла под стать себе – очень мерзкого типа. Будь Николай хорошим человеком, разве позволил бы жене отправить ребенка в детдом?!

Пока Саня рассказывал, мы вместе со скворцом успели преодолеть большое расстояние. Местность вокруг опять сильно изменилась. Она значительно понизилась и стала какой-то... сказочной. По обеим сторонам дорожки, которая по-прежнему расстилалась впереди, качались на ветру невиданно высокие травы. Сладко пахли крупные цветы. Кряжистые, в несколько обхватов, дубы подпирали небо. Чуть дальше от них виднелись дремучие ельники вперемешку с березовыми рощами. Где-то далеко в лесу ухал филин. Это было и вправду очень похоже на старый советский фильм-сказку – скажем, «Морозко» или «Руслан и Людмила».

– Мне страшно, – призналась я друзьям. – Кажется, сейчас вон из-за той елки выйдет Баба Яга на пару с Кощеем...

Светка отмахнулась:

– Погоди фантазировать! Еще не все понятно с Саней. И что, Иноземцев? Конечно, рассказ о сувенире был ужасно интересным. Мы много нового узнали про твою семью. Но почему ты сначала объявил, что хочешь по-быстрому вернуть пушку на место, а потом о ней вообще забыл? Бросил оружие стоять на поляне и, сам не зная куда, рванул вперед по дорожке? А перед этим, между прочим, возмущенно бубнил: оставлять пушку в лесу без присмотра нельзя!

– Ну, вообще-то, – вмешалась я, – логика в его поступке была, и самая прямая – даже без оглядки на Санину семейную историю, которую мы тогда еще не знали! Ты сама раскинь мозгами, Свет: к чему волоочь за собой чужую собственность, если все равно пока неизвестно, кому она принадлежит?

Моя подружка, помявшись, кивнула:

– Согласна.

– А кроме этой, были и другие мысли, – признался Иноземцев. – Я, как только рассмотрел, из чего по нам Шука шмалял, сразу понял: оружие старинное. Может, и помладше Царь-пушки, но это не так уж важно... У меня просто сердце защемило от радости: вот, думаю, я сейчас переживаю то же самое, что отец давным-давно в Кремле – люблюсь на бом-

барду. Хотя, может быть, она и не бомбардой называется: я раньше даже не знал, что бывают на свете деревянные пушки. И оказалось, вполне боеспособные! Шука же из той стрелял! Я, девчонки, обожаю всякое оружие. А тут! Средневековая артиллерия! Это же редкость. Посмотреть на нее – большая удача для каждого реального пацана. К тому же орудия – они вам, девчонки, не какие-нибудь куколки. Пушки обычно не стоят в разных местах поодиночке. Их хранят вместе – ну, там в военных арсеналах или в артиллерийских частях... И мне подумалось: а вдруг в том месте, откуда пацаны утанули орудие, их еще много – может, даже несколько расчетов?! И не все пушки там – деревянные? Я летом читал...

– Ты? Летом – читал?! – изумилась я.

Иноземцев нетерпеливо пробубнил:

– Да. Кое-что по истории русского оружия. Так вот, первые пушки, привезенные на Русь из немецкой земли еще в 13 веке, назывались арматы. Они были сделаны из железных листов, свернутых в трубку. Потом швы стволов заваривали и обтягивали для прочности железными обручами. Что, если в том месте арматы тоже есть? Вот бы взглянуть на них хоть одним глазком! А позже на Руси стали отливать орудия из бронзы и чугуна. Собственно, *пушками* считались тогда длинноствольные изделия средневековых мастеров. Короткоствольные назывались *мортирами* или *гаубицами*. Я бы на них тоже посмотрел с удовольствием, понимаете? Потому и побежал скорей искать арсенал. Ясно тебе, Ковалева?

– Ясно, – кивнула потрясенная Светка. – Какими, однако, словами ты умеешь разговаривать, Санек! Вот оно – влияние исторической литературы.

Иноземцев, волнуясь, признался:

– А еще у меня один родственник по отцу был артиллеристом. Пал в битве за Москву в 1941 году. Я того двоюродного прадедушку много раз себе воображал – и всегда героически. Но ведь важно было представить его живым человеком, а не памятником. Только это ни в какую не получалось: виделась мне бронзовая статуя: боец за минометом – и все! Вот я подумал, когда мы решили вернуть пушку ее хозяину: хорошо бы с местным артиллеристом познакомиться! Ведь если человек владеет орудием – а возможно, и многими! – то и стреляет из пушек умеет! А вдруг он участвовал в сражениях? И тоже смело проявил себя в них, как тот прадедушка? А мне интересно: какие они в жизни, герои боев за Родину? И, самое главное, как люди ими становятся? Порасспросил бы я хорошенько об этом хозяина пушки, поглазел бы на его арсенал, а потом и сказал бы: «Знаю, где Ваше пропавшее орудие сейчас находится. Берите с собой помощников, чтобы увезти его назад, и идем со мной! Пушка стоит в лесу – я покажу туда кратчайшую дорогу».

Упорно молчавший всю дорогу Кирилл уселся на ветвь столетнего дуба, росшего впереди. Мы сразу остановились, понимая: птица хочет что-то сообщить. Скворец проскрипел сверху:

– Что ж, Александр. Желания, побудившие тебя отправиться в дорогу, честны и добродушны. Но, кажется, они сбудутся не так скоро, как хочется моему юному другу!

Из леса послышался рык. Мы вздрогнули. Следом раздался пронзительный визг, который быстро приближался. Скворец спикировал с ветки на Сашкино плечо и сказал:

– Не бойтесь, друзья.

Легко сказать, не бойтесь! Неведомый зверь взревел громче – похоже, он был совсем рядом! Человеческие возгласы отозвались жуткому вою звенящим эхом. Так кричат люди, напуганные до полусмерти... Я зажмурилась. Что за чудовище преследует несчастных?! Как ни странно, мысль о собственном бегстве даже не пришла мне в голову.

– О-о-о! – изумленно прогудел Иноземцев, и я открыла глаза.

Из ельника выскочила целая ватага подростков. Дети суматошно заметались по поляне. Свиристый рык опять разорвал воздух, и следом за тинейджерами из леса выбежал медведь. Мальчишки и девчонки сразу перестали вопить и в ужасе попадали на землю, прикрыв головы

руками. Зверь поднялся на задние лапы во весь свой исполинский рост. Шерсть на его загривке вздыбилась, глаза кроваво блеснули. Медведь снова зарычал, кинулся к трем мальчикам, распластавшимся в траве. И вот тут, представьте, дружно заголосили Света, Ира и Саша! От страха, что зверь сейчас разорвет на куски вжавшихся в землю мальчишек, мы орал, как мегафоны на протестном митинге! То, что хищник запросто может кинуться на нас, вообще не стукнуло никому в голову. Медведь остановился на бегу и удивленно повернулся на шум. Сашка от радости, что зверь забыл о лежащих в траве детях, провыл сиреной «скорой помощи». Впрочем, и мы со Светкой не отстали от Иноземцева – иначе говоря, припадочно заверещали. Медведь съежился, потом упал на четыре лапы и... припустился бежать. Видели бы вы, как он улелепывал! Мы, переглянувшись, в полном бессилии опустили на землю. Только теперь всех заколотила крупная дрожь. Да что там говорить, мы просто лязгали зубами от пережитого страха! Мне показалось, что где-то рядом шевельнулась трава и послышался стон. Я перестала трястись и обернулась. Но нет: кругом было тихо. Наверное, движение и голос почудились мне. На всякий случай посмотрела на друзей – они уже улыбались. Светка, округлив глаза, прошептала:

– Вы поняли? Поняли?! Мы медведя напугали. Он удрал! Получается, мы спасли этих пацанов – но каким образом? Мы же не стреляли в медведя, не шли на него облавой, как охотники с собаками. Почему зверюга струсил?

Кирилл спланировал с дуба и зашагал возле нас – туда-сюда. Наконец прокаркал:

– Ну, во-пер-рвых, медведи действительно боятся сильного шума. В литератур-ре описаны случаи, когда тур-ристы пр-рогоняли их кр-риком и стуком – ну, скажем, повар-решки о железное ведр-ро...

– А во-вторых, уважаемый Кирилл, Вы нами снова недовольны? – спросила я. – Иначе почему Вы закартавили?

Скворец кивнул и внушительно распушил перья:

– Да, я слегка р-разочар-рован. То есть, собственно говор-ря, меня непр-риятно удивила Светлана. Она забыла любимое детское кино своего папы.

– Кино? – изумилась моя подруга. – А при чем тут оно?

– Ну как же? – развел крыльями Кирилл. – Вы вместе с отцом смотр-рели его по телеви-зор-ру, вместе пер-реживали за гер-роев – тр-рех мальчиков, котор-рые отпр-равились одни в тайгу...

– Вспомнила! – подскочила Светка. – Это старый-престарый фильм. В нем играл Георгий Жженов – противного охотника Аникина, да? Вот только название кинокартины у меня напрочь из головы вылетело. И точно! – там медведь пришел к отряду школьников на привале, а они как закричат, как застучат в миски и кастрюли! – зверь и сбежал.

– Молодец, что вспомнила, – прожурчала птица. – Драгоценны те дни, даже те минуты, которые мы проводим вместе с родителями – в любви, и радости, и согласии с ними. Эти важнейшие в жизни события нельзя забывать! Потом, когда отцы и матери оставят вас одних на Земле – а это, к сожалению, обязательно будет...

Светка и Сашка в голос заплакали. Мое горло тоже сдавило от слез, но крикнуть я не могла. Меня сразила безысходность факта: единственные в мире мама с папой не вечны. Когда-нибудь они навсегда уйдут от нас с Митей. Я, конечно, и раньше это знала – но ясно поняла только сейчас!

– Не плачьте, милые дети, – ласково сказал Кирилл. – Таков земной закон, его нельзя изменить. Просто храните в душе, подобно алмазам, счастливые моменты общения с матерями и отцами. Эти воспоминания будут светить вам в грядущем. Потом вы украсите ими жизнь своих собственных детей. Понятно, дорогие друзья?

Мы кивнули, стараясь удержать слезы – но они продолжали литься. Странно, но невдалеке как будто еще кто-то всхлипывал! Я опять оглянулась: никого! Скворец сказал:

– Успокойтесь, ребята. Будем надеяться, что мамы и папы будут рядом с вами еще долгие-долгие годы.

– Да-а, – судорожно вздохнула Ковалева, – как я могу перестать плакать, если даже не помню названия того фильма-а? А папа говорил, что просто обожал его в детстве-е? Обидно быть жалкой тупице-ей!

Светка снова заревела. Я тоже почувствовала, что не могу остановиться. А вдруг и я не все помню, что должна?! Вместе с папой и мамой у меня было столько разного хорошего! Иноземцев озабоченно нахмурился: ему пришли на ум те же мысли. Скворец заявил:

– Не беспокойтесь, ребята. Я ведь не зря сопровождаю вас в этом путешествии. И рад, что могу помочь подопечным в трудную минуту. Любимый фильм Светланиного папы называется так: «О чем молчала тайга».

Светка шмыгнула носом и затихла. Мне тоже стало легче. Я вытерла слезы. Здорово, когда есть мудрый провожатый по стране Нелживии! Кирилл между тем продолжал:

– Более того, я еще ни разу, начиная со дня нашего знакомства, не пожалел о своей миссии. Горжусь, что именно мне поручили быть гидом у добрых и смелых ребят – Александра, Светланы и Ирины. Потому что забыть о себе ради других могут только люди, имеющие вышеперечисленные свойства характера. А вы проявили эти душевные качества, закричав в минуту опасности, когда медведь направился к мальчикам, чтобы растерзать их. Мои храбрые экскурсанты спасли детей. Не подвели старую облезлую птицу! Кстати, посмотрите вон туда.

Кирилл показал крылом на поляну. Подростки, озираясь, начали вставать с земли. Они переговаривались между собой – но мы, к сожалению, издалека не могли разобрать слов незадачливых грибников. Дети старательно отряхивали одежду – и какую!

– Смотрите, – воскликнула я, – это же русская сказка! И лес тут особый, дремучий, как на картинке в книжке. А дубы старые, с громадными дуплами. Помните рисунок в учебнике литературы – иллюстрацию к былинке об Илье Муромце и Соловье-разбойнике? Именно на таком дереве сидел гадский свистун, пока богатырь не попал ему стрелой в глаз и не свалил разбойника на землю. А происшедшее сейчас похоже на сцену из фильма «Морозко», я же говорила! Помните, там Иванушка, наказанный волшебником за гордость, превратился в медведя? А потом он бежал за детьми, собиравшими грибы. Кричал при этом: «Кому из вас доброе дело сделать?» Ребятишки от медведя бросались врассыпную и вопили: «Оборотень!» А одеты они были точно как эти, – я указала на подростков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.